А. А. Исаевъ.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

РУССКАГО

ОБЩЕСТВЕННАГО ХОЗЯЙСТВА.

Вліяніе экономическихъ фактовъ на общественную жизнь.—Народники.—Капиталистическое хозяйство современной Европы.—Будущность русскаго общественнаго хозяйства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., [redacted]

1896.

57

А. А. Исаевъ.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

РУССКАГО

ОБЩЕСТВЕННАГО ХОЗЯЙСТВА.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Ив. Ив. ЛОНАНОВА
МОСКВА,
Рождественка, домъ Грибылова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1896.

Арсе 38*

2412

139843.

I.

Вопросъ о значеніи экономическихъ фактовъ занимаетъ умы современнаго поколѣнія. Это значеніе обнаружится очень ярко, если мы внимательно отнесемся къ жизни отдѣльнаго человѣка и общественнаго союза.

Индивидуальная жизнь представляетъ совокупность стремленій и дѣйствій, въ которыхъ хозяйственные интересы занимаютъ преобладающее мѣсто. Поселянинъ, фабричный работникъ, ремесленникъ, домашняя прислуга дѣлятъ все свое время между трудомъ, который долженъ обезпечить ихъ скудное существованіе и удовлетвореніемъ только простѣйшихъ потребностей—въ пищѣ, снѣ, въ грубыхъ и рѣдкихъ развлеченіяхъ. Люди средне-состоятельныхъ классовъ также проводятъ большую часть времени въ трудѣ для того, чтобы удовлетворить свои, сравнительно широкія потребности. Какъ среди этихъ потребностей матеріальныя нужды занимаютъ господствующее положеніе, такъ среди думъ и заботъ чиновника, врача, адвоката, учителя, священника центральное мѣсто принадлежитъ дѣятельности въ томъ направленіи, которое можетъ доставить должность съ болѣе вы-

сокимъ содержаніемъ, болѣе зажиточныхъ кліентовъ или пацієнтовъ, мѣсто въ училищѣ съ лучшимъ вознагражденіемъ или болѣе богатый приходъ. Заботы объ интересахъ хозяйства властвуютъ со всею силой и надъ людьми самыхъ богатыхъ классовъ. Казалось бы, что владѣлецъ многихъ тысячъ десятинъ чернозема или фабрики съ тысячами работниковъ настолько обезпеченъ въ удовлетвореніи потребностей удобства и даже роскоши, что его время и силы должны быть, главнымъ образомъ, посвящены цѣлямъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ заботами о матеріальномъ довольствѣ. Но факты убѣждаютъ насъ, что не таковъ средній типъ этихъ людей. Тамъ, гдѣ они сами стоятъ во главѣ сельскаго хозяйства или промышленнаго предпріятія, они нерѣдко подчиняютъ всѣ свои помыслы одной господствующей страсти— страсти къ обогащенію; она завладѣваетъ ими со всею исключительностью и обезцвѣчиваетъ всѣ ихъ вкусы, влеченія, всѣ благородные порывы, которымъ, быть можетъ, они были доступны въ молодости. Американскіе богачи Вандербильтъ, Гульдъ, Рокфеллеръ являются выдающимися представителями этого типа. Но и тамъ, гдѣ эти люди стоятъ вдали отъ промышленныхъ дѣлъ и дѣлятъ свое время между разнообразными усладами жизни, они просыпаются отъ своей дремоты именно тогда, когда что-нибудь грозитъ ихъ многотысячнымъ или милліоннымъ доходамъ. Изъ ихъ среды слышится вопль негодованія не по поводу какого-либо вопіющаго беззаконія, не при извѣстіи о тяжкой неправдѣ, не тогда, когда вредно, противообщественно рѣшаются важнѣйшіе вопросы, которые касаются вѣротерпимости, свободы устнаго или печатнагос лова, народнаго образованія, но по пово-

ду, напримѣръ, того, что вывозится мало хлѣба на иноземные рынки, что низкая таможенная пошлина облегчаетъ чужеземнымъ товарамъ соперничество съ продуктами внутренняго производства, что фабричный законъ ограничиваетъ власть хозяина надъ работникомъ.

Что наблюдаемъ мы въ индивидуальной жизни. то же отличаетъ и жизнь любаго общественнаго союза. Сорольдъ Роджерсъ, въ своей книгѣ. «Экономическое истолкованіе исторіи» отмѣчаетъ важнѣйшія причины открытія Колумбомъ Америки и другихъ великихъ открытій 15 и 16 столѣтій. Онъ напоминаетъ, какъ главный торговый путь, доставлявшій Европѣ товары съ далекаго востока, съ рынковъ Остъ-Индіи въ порты Чернаго и Средиземнаго морей, а оттуда, чрезъ посредство венеціанцевъ и генуезцевъ, въ страны по теченію Дуная и Рейна, былъ загражденъ полудикими племенами, выходцами изъ средней Азіи. Англійскій экономистъ объясняетъ, какъ прекращеніе левантской торговли побуждая отыскивать иной путь, морской путь въ Индію, двинуло Колумба и другихъ путешественниковъ и доставило Европѣ цѣлую часть свѣта, гораздо болѣе обширную и богатую, нежели родина людей, съ именами которыхъ связаны эти великія событія въ исторіи человѣчества. И какъ четыре вѣка тому назадъ ослабленіе торговли съ Востокомъ по старому историческому пути оказало многостороннее вліяніе на жизнь Европы, какъ экономическая цѣль—возстановленіе этой торговли посредствомъ отысканія новаго пути—составляла одну изъ главныхъ заботъ правительства и частныхъ общественныхъ группъ и дала въ результатѣ Новый Свѣтъ, имѣвшій для Европы исключительно экономиче-

ское значеніе, такъ и теперь хозяйственныя цѣли занимаютъ первенствующее мѣсто въ дѣятельности государства. Это очевидно для каждаго, кто наблюдаетъ общественную жизнь въ странахъ, гдѣ она довольно развита. Это сказывается въ томъ, что наибольшее число законовъ и распоряженій имѣетъ своимъ предметомъ экономическую жизнь гражданъ въ смыслѣ народнохозяйственномъ или въ отношеніи финансовомъ. Это сказывается и въ томъ, что экономическія мѣропріятія государства обращаютъ на себя гораздо большее вниманіе и обсуждаются гораздо болѣе подробно, нежели мѣры другаго рода. Стоитъ припомнить, напр., что введеніе новаго налога или преобразованіе стараго вызываетъ къ жизни цѣлую литературу. Въ нашемъ отечествѣ печать мало развита; однако, новѣйшія экономическія мѣропріятія—торговые договоры съ Германіей и нѣкоторыми другими государствами, винная монополія, устраненіе серебрянаго рубля и попытки перейдти отъ бумажныхъ денегъ къ золотому денежному обращенію, преобразованіе крестьянскаго банка породили массу статей и брошюръ, доказывающую всеобщій интересъ къ этимъ вопросамъ. Государственныя росписи даютъ этому болѣе краснорѣчивое доказательство, нежели всякаго рода общія соображенія. Возьмемъ для примѣра русскую государственную роспись на 1896 годъ и постараемся съ ея помощью подкрѣпить наше положеніе. Общій итогъ расходовъ составляетъ 1361½ милліоновъ рублей. Изъ этой суммы мы должны отнести къ расходамъ на экономическія цѣли весь бюджетъ министерства финансовъ въ размѣрѣ почти 187 милліоновъ рублей. Не нужно пространныхъ объясненій, почему мы сводимъ къ этой группѣ всѣ расходы по министерству финансовъ:

они являются таковыми и по отношенію ко всей дѣятельности государства, для котораго министерство доставляетъ необходимыя средства, и относительно народа, ибо вся дѣятельность этого министерства имѣетъ своимъ предметомъ хозяйственную жизнь населенія. Сюда же нужно отнести расходы по министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, составляющіе 32 милліона. Въ эту же группу нужно помѣстить расходы по министерству путей сообщенія до 196½ милліоновъ и чрезвычайные расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ (болѣе 130 милл.), въ совокупности около 326 милліоновъ.

Мы получаемъ такимъ образомъ 545 милліоновъ расхода, имѣющаго исключительно экономическое значеніе. Обращаясь къ расходамъ по системѣ государственнаго кредита (всего 269¹/· милліоновъ), мы можемъ признать одну четверть его, т.-е. примѣрно 67 милліоновъ рублей, примыкающею цѣликомъ къ первой группѣ, такъ какъ ¼ русскаго государственнаго долга была вызвана сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ. Остальныя ¾ падаютъ на займы, заключенные для военныхъ цѣлей. Присоединяя эти ¾ къ расходамъ на войско (около 288 милліоновъ) и флотъ (около 58 милліоновъ), мы получаемъ сумму въ 548 милліоновъ. Прямо или косвенно этотъ расходъ долженъ быть названъ расходомъ для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ. Поводы къ войнамъ и ближайшія цѣли войнъ, которыя при ихъ объявленіи выдвигались правительствами, были различны; но въ послѣднемъ итогѣ войны велись для того, чтобы охранить цѣлость предѣловъ государства или расширить его территорію. Конечно, и сохраненіе государства въ тѣхъ предѣлахъ, которые были завѣщаны

отдаленными предками и, тѣмъ болѣе, пріобрѣтеніе новыхъ земель даетъ удобный случай говорить о національномъ величіи, національной славѣ, удовлетвореніи народной гордости. Но такъ какъ среди заботъ населенія каждой страны, и притомъ всѣхъ классовъ, хозяйственныя выгоды заслоняютъ всѣ остальныя, и такъ какъ экономическіе интересы охраняются болѣе надежно въ могущественномъ государствѣ, нежели маломъ и слабомъ, то нужно расходы на войны въ ихъ массѣ (и притомъ какъ въ далекомъ прошломъ, такъ и въ новѣйшее время) связать съ хозяйственными цѣлями и разсчетами. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, утверждая, что изъ общаго расхода въ 548 милліоновъ на защиту страны большая часть, $^4/_5$, быть можетъ, $^9/_{10}$ должны быть признаны расходами для охраненія народнаго хозяйства или же для созданія ему болѣе выгодныхъ условій развитія. Расходы всѣхъ остальныхъ вѣдомствъ составляютъ до 270 милліоновъ рублей.

Было бы ошибочно думать, что вся эта сумма затрачивается на достиженіе цѣлей, лежащихъ за предѣлами хозяйства. Эти цѣли иногда выступаютъ не довольно рельефно, но нужно немного вниманія, дабы онѣ были обнаружены. Принято иногда говорить, что почта и телеграфъ служатъ общекультурнымъ потребностямъ. Но среди этихъ потребностей, хозяйственныя занимаютъ первое мѣсто: большая часть писемъ касается хозяйственныхъ отношеній между людьми. Съ гораздо большимъ правомъ можно утверждать то же о телеграфѣ: имъ пользуются преимущественно для цѣлей промышленности и торговли и только въ сравнительно слабой степени для иныхъ сношеній. А потому, изъ суммы, затраченной

въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на почту, телеграфъ и телефоны (около 11 милліоновъ рублей), большая часть также должна быть отнесена на счетъ расходовъ для нуждъ народнаго хозяйства. Или, возьмемъ, напр., расходы по государственному контролю, достигающіе 6 милліоновъ. Сами по себѣ, они не могутъ быть признаны затратами на народное или государственное хозяйство. Но слѣдуетъ отнести ихъ также къ затратамъ на охраненіе матеріальныхъ средствъ населенія: высоко стоитъ контроль въ отношеніи техническомъ или низко, его дѣятельность всегда проникнута одной идеей: наблюдать за соотвѣтствіемъ государственныхъ расходовъ ихъ назначенію, т.-е. гарантировать народному хозяйству пользованіе его средствами лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены государственною росписью. То же можно сказать и о многихъ другихъ расходахъ, которые по первому впечатлѣнію не могутъ быть связаны съ экономическою жизнью народа или государства.

На ряду съ преобладаніемъ экономическихъ цѣлей въ жизни отдѣльнаго человѣка и общественнаго союза мы видимъ и другое: большую и часто неустранимую зависимость людей отъ экономическихъ фактовъ, при стремленіи къ цѣлямъ, которыя не связаны прямо съ хозяйственной дѣятельностью. Я буду говорить то, что всѣмъ давнымъ давно извѣстно, избито, если стану распространяться о зависимости отъ матеріальныхъ средствъ, которыя человѣкъ испытываетъ при каждомъ своемъ шагѣ. Каждому приходилось наблюдать, какъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ парализируетъ жажду самообразованія у бѣднѣйшихъ людей и оставляетъ нерѣдко выдающіяся дарованія

въ состояніи безнадежной дремоты, какъ способности дѣтей научныя и художественныя глохнутъ потому, что родители не имѣютъ небольшихъ сбереженій, дабы дать соотвѣтствующее воспитаніе. Сколько матерей видятъ изо дня въ день, что таетъ единственное дитя отъ болѣзни легкихъ и какъ усугубляется скорбь сознаніемъ, что немного сотенъ рублей позволили бы передвинуться въ теплый климатъ и спасти эту безвременно угасающую жизнь!

Мы наблюдаемъ однородныя явленія въ жизни общественнаго союза. Зависимость государственныхъ мѣропріятій отъ состоянія народнаго хозяйства обнаруживается и въ тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдуютъ экономическія цѣли, и въ тѣхъ, когда рѣшаютъ общекультурныя задачи, важныя для цѣлой страны или ея отдѣльныхъ мѣстностей. Возьмемъ крупное мѣропріятіе нашего времени—постройку сибирской желѣзной дороги. Еще въ началѣ 70-хъ годовъ начертывали проекты этой дороги; въ то время, какъ и теперь, этотъ путь былъ бы разсчитанъ на доставленіе пустынному и малонаселенному краю удобствъ культурной жизни и могъ обѣщать доходъ только въ далекомъ будущемъ. Но осуществленіе плана должно было быть отложено на 20 лѣтъ, такъ какъ состояніе государственныхъ финансовъ не позволяло предпринять такую крупную работу: она стала возможною въ связи съ развитіемъ всей европейско-американской жизни: увеличеніемъ запаса свободныхъ капиталовъ во всѣхъ странахъ Европы, пониженіемъ процента вообще и въ частности по русскимъ государственнымъ долгамъ. Наивно приписывать позднее сооруженіе сибирской желѣзной дороги тому, что, будто бы, какъ это нерѣдко говорятъ, не были выяснены

сравнительные достоинства и недостатки разныхъ проектированныхъ направленій: главной причиной было состояніе финансовъ, т.-е. совокупность чисто экономическихъ фактовъ—которое и вынуждало медлить съ этимъ предпріятіемъ. Такую же прямую и очевидную связь находимъ мы между состояніемъ народнаго хозяйства и разными другими государственными мѣропріятіями.

Учебное дѣло, само по себѣ, можетъ быть поставлено внѣ области экономическихъ отношеній. А между тѣмъ его успѣхи или замедленное развитіе зависятъ отъ того, сколько можетъ удѣлять для него народное хозяйство. Мы пользуемся словомъ «можетъ» не въ объективномъ смыслѣ, не въ томъ, какъ много, безъ ущерба для единично или коллективно удовлетворяемыхъ потребностей, можетъ населеніе удѣлить на школы, а въ томъ, сколько можно употребить для этихъ цѣлей по убѣжденію, господствующему въ органахъ законодательства. Подготовленность учителей, изобиліе учебныхъ пособій, помѣстительность училищныхъ зданій, число школъ, ихъ повсемѣстная распространенность или малочисленность—все зависитъ отъ того, сколько матеріальныхъ средствъ затрачиваютъ на нихъ государство, земства и города. На успѣхи учебнаго дѣла имѣютъ вліяніе еще и такіе экономическіе факты, которые лежатъ въ самой глубинѣ народнаго быта. Много школъ или мало, дѣти достаточныхъ семей посѣщаютъ ихъ болѣе исправно, нежели тѣ, которыя не могутъ пріобрѣсти теплой одежды или обуви, необходимыхъ для нашей суровой зимы. Можно найти въ народномъ хозяйствѣ и отрицательные факты, которые содѣйствуютъ успѣхамъ учебнаго дѣла. Московскіе земскіе статистики отмѣтили то явленіе,

что ученики начальныхъ школъ Московской губерніи пропускали меньше уроковъ въ годы, когда кустарные промыслы находились въ угнетенномъ состояніи: въ такое время взрослые члены семей менѣе нуждаются въ помощи дѣтей и подростковъ, и послѣдніе имѣютъ больше досуга, чтобы посѣщать начальную школу. Коснувшись народнаго образованія, я припомню постановку, которую получилъ вопросъ о введеніи въ Россіи всеобщаго обученія. Слѣдя за преніями въ земскихъ собраніяхъ, за первыми шагами нѣкоторыхъ земствъ въ этомъ направленіи, мы видимъ, что такія стороны этого дѣла, какъ потребность крестьянъ въ грамотности, возможность найти достаточное число учителей и другія, занимаютъ очень маленькое мѣсто. Все вращается около одного основнаго вопроса—чего будетъ стоить данному земству открытіе такого числа школъ, какое нужно для удовлетворенія потребности всего населенія, и какою суммой можетъ земство ежегодно увеличивать свои расходы на учебное дѣло. Споръ между сторонниками земскихъ школъ и приверженцами церковно-приходскихъ имѣетъ, повидимому, мало связи съ фактами общественнаго хозяйства; однако, и здѣсь экономическому началу принадлежитъ очень видное мѣсто. Въ этомъ спорѣ правильно отмѣчаются преимущества первыхъ предъ вторыми потому, что первыя находятся въ вѣдомствѣ, которое болѣе спеціально занято дѣломъ народнаго образованія. Но въ этомъ спорѣ съ удареніемъ говорятъ и о томъ, что земскія школы могутъ имѣть лучшій составъ преподавателей, такъ какъ лучше обезпечиваютъ ихъ матеріально. И еслибы на церковно-приходскія школы затрачивалось въ среднемъ столько, какъ на земскія,

то споръ утратилъ бы очень много изъ своей нынѣшней остроты, такъ какъ хотя, по достоинству, церковно-приходскія школы не сравнялись бы съ земскими, однако, уступали бы имъ гораздо меньше, чѣмъ въ настоящее время.—Сошлемся также на цѣлый рядъ частичныхъ реформъ, которыя совершаются въ различныхъ отрасляхъ государственной жизни. Возьмемъ судебное дѣло. Тюрьмы новаго образца, болѣе соотвѣтствующія требованіямъ уголовной политики, распространяются очень медленно, причемъ обыкновенно ссылаются на недостатокъ средствъ. Замѣна старыхъ судебныхъ мѣстъ судами типа, созданнаго Судебными Уставами 1864 года, требуетъ небольшаго увеличенія расходовъ, однако, это переустройство совершается медленно также потому, что очень медленно увеличивается бюджетъ министерства юстиціи. И только въ самое послѣднее время, по мѣрѣ того, какъ исчезали дефициты изъ нашихъ государственныхъ росписей, открывались новые суды въ Петрозаводскѣ, Астрахани и другихъ мѣстахъ. Возьмемъ, наконецъ, рядъ вопросовъ, связанныхъ съ бытомъ духовенства. Стала общимъ мѣстомъ мысль о зависимости духовенства отъ прихожанъ, какъ причинѣ, которая ослабляетъ его вліяніе на паству, о несоотвѣтствіи господствующихъ нынѣ способовъ полученія доходовъ высотѣ духовнаго сана. Есть основаніе спорить о томъ, въ какой степени вообще можетъ быть благотворно вліяніе духовенства на народъ; но несомнѣнно одно: еслибы приходское духовенство получало опредѣленное содержаніе и не зависѣло отъ оплаты требъ, то, ограждая свое личное достоинство, могло бы оказывать большее вліяніе на паству.

Мы не говорили до сихъ поръ о важности матеріальныхъ средствъ для веденія войнъ. Глубоко вѣрно всѣмъ извѣстное изреченіе Пикколомини, что для успѣшнаго веденія войны нужны деньги, деньги и деньги. И наше недавнее прошлое доказываетъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ. Неудачный исходъ крымской кампаніи былъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда неблагопріятныхъ экономическихъ условій,—отрѣзанности театра войны отъ наиболѣе густо населенныхъ мѣстностей государства, несовершенства путей сообщенія, невозможности своевременно доставлять войскамъ подкрѣпленія людьми и вещами. Немного мѣсяцевъ тому назадъ намъ было дано еще болѣе краснорѣчивое доказательство этого положенія: едва правительство Соединенныхъ Штатовъ поняло опасность, которою угрожаютъ притязанія Англіи небольшому клочку Америки,—Венецуелѣ—какъ были ассигнованы 100 милліоновъ долларовъ на усиленіе войска. Только очень богатый народъ можетъ легко понести такую жертву въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ надобности защищать собственную территорію и нѣтъ надежды замѣтно расширить ея предѣлы.

Разъ факты хозяйства имѣютъ въ жизни людей первостепенное значеніе, какъ цѣль ихъ стремленій, разъ они очень важны во всѣхъ случаяхъ, когда отдѣльные люди или общественный союзъ рѣшаютъ задачи, которыя прямо не относятся къ экономической области, то неудивительно, если политическое господство составляетъ удѣлъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя обладаютъ наибольшимъ имуществомъ. Крупное имущество служитъ для человѣка источникомъ силы; оно же служитъ основаніемъ и политическихъ правъ. Не будемъ пространно говорить

о томъ,—это давно вошло въ общее сознаніе,—что въ предшествующіе періоды исторіи европейскаго Запада землевладѣніе было источникомъ политическихъ правъ, что съ конца прошлаго столѣтія такимъ основаніемъ сталъ служить или главнымъ образомъ капиталъ, какъ обобщеніе движимыхъ цѣнностей, или же землевладѣніе совмѣстно съ капиталовладѣніемъ. И владѣніе имуществомъ служитъ основаніемъ политическихъ правъ не только въ республикахъ или конституціонныхъ монархіяхъ, гдѣ опредѣленныя партіи могутъ во всеуслышаніе заявлять о своихъ цѣляхъ и свободно начертывать свои программы, какъ бы ни были онѣ сильно запечатлѣны духомъ партійности и противообщественности: во всѣхъ странахъ воля и цѣли государства опредѣляются общественными классами, которые располагаютъ наибольшею экономическою силой.

Въ Россіи такими силами являются въ настоящее время землевладѣніе и капиталовладѣніе. Мы считаемъ неправильнымъ говорить о преобладающемъ въ Россіи значеніи дворянства. Дворянское землевладѣніе, какъ таковое, умерло съ освобожденіемъ крестьянъ. Изъ общей массы дворянъ мелкіе пользуются правами, которыя не могутъ охранить ихъ въ экономической самостоятельности, а потому и имѣютъ для нихъ только платоническое значеніе. Такому дворянству оказываетъ очень малую услугу право участвовать въ дворянскомъ самоуправленіи или право воспитывать дѣтей въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, или даже право государственной службы; послѣднее очень рѣдко расчищаетъ бѣдному мелкопомѣстному дворянину путь даже къ такой скромной должности, какъ должность земскаго начальника, уже не говоря о

болѣе значительныхъ постахъ. Выдающееся положеніе занимаютъ дворянство и недворяне, какъ представители крупнаго и средняго землевладѣнія, и классы, принадлежащіе къ крупнымъ и частью среднимъ промышленности и торговлѣ. Между этими обѣими группами нѣтъ рѣзкой границы: недворяне занимаютъ видное мѣсто въ рядахъ среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ; а переходъ изъ рядовъ промышленниковъ и торговцевъ въ дворянство не связанъ со значительными трудностями; онъ дается не только государственной службой, но и денежнымъ пожертвованіемъ или столѣтнею принадлежностью къ крупному купечеству и т. д. Какъ бы то ни было, вся политика Россіи обнаруживаетъ совокупность мѣропріятій, которыя служатъ интересамъ преимущественно этихъ группъ, причемъ однѣ мѣры оказываютъ бо́льшія услуги землевладѣнію, другія — капиталовладѣнію. Цензъ въ земскомъ самоуправленіи, институтъ земскихъ начальниковъ, кредитъ землевладѣльцамъ изъ дворянскаго банка, законы о порубкахъ и потравахъ и другія мѣры являются средствами, которыя приносятъ выгоды землевладѣльцамъ. А промышленно торговая политика (таможенная, банковъ, краткосрочнаго кредита, путей сообщенія) служитъ интересамъ крупной и частію средней промышленности и торговли Выгоды обѣихъ общественныхъ группъ охраняются до такой степени, что за послѣднее время можно намѣтить цѣлый рядъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ въ печати и общественныхъ собраніяхъ было затрудняемо, такъ какъ то и другое рѣшеніе ихъ близко затрогивало интересы одной изъ указанныхъ группъ. Еще немного лѣтъ тому назадъ обсужденіе въ печати вопроса о переселеніяхъ было

затрудняемо, и только потому, что большое переселенческое движеніе грозило причинить землевладѣльцамъ убытки: поднять плату сельскихъ рабочихъ и понизить арендныя цѣны. Эта боязнь разсѣялась только за послѣдніе годы, послѣ того, какъ статистическія изслѣдованія частныхъ лицъ, земства и, наконецъ, правительства, показали, что приростъ населенія въ губерніяхъ, откуда направляется главная волна переселенцевъ, составляетъ болѣе милліона въ годъ и что выселеніе даже сотенъ тысячъ не можетъ быть убыточно для частныхъ землевладѣльцевъ. Переселенческій вопросъ сталъ свободно обсуждаться въ печати, какъ скоро исчезла эта боязнь. То же можемъ сказать и по поводу заботъ объ интересахъ крупной промышленности и торговли. Когда выработывался крайне покровительственный таможенный тарифъ 1891 года, обсужденію этого вопроса фритредерами въ печати и ученыхъ обществахъ ставились серьезныя затрудненія. Приведемъ и другой примѣръ. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣйствуетъ гласный судъ, повременная печать свободно излагаетъ и обсуждаетъ самыя тяжкія преступленія, подробности которыхъ могутъ иногда развращающимъ образомъ дѣйствовать на юныхъ читателей. А между тѣмъ нужно говорить о стачкахъ рабочихъ съ большою осторожностью, только самыми общими чертами касаться фабричныхъ правилъ, которыя и вызвали стачку. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ стачки не связаны съ тяжелыми преступленіями: онѣ являются гражданскими правонарушеніями и сопровождаются незначительными проступками, а потому въ основаніи суроваго отношенія къ оцѣнкѣ стачекъ лежитъ сознаніе, что строгая и часто безжалостная для рабочаго дисциплина фабрики необхо-

дима, что противодѣйствіе ей есть попытка измѣнить порядокъ, который правиленъ по существу. Къ немногимъ приведеннымъ примѣрамъ можно было бы пріобщить и много другихъ доказательствъ того, что большая часть законодательной работы совершается въ интересахъ землевладѣнія и капиталовладѣнія, т.-е., что этимъ классамъ принадлежитъ политическая власть.

Вопросъ о вліяніи экономическихъ фактовъ на науку и искусство еще ожидаетъ изслѣдователей; онъ принадлежитъ къ числу вопросовъ, въ высокой степени важныхъ. Сдѣлаемъ нѣкоторыя указанія относительно того, какъ экономическая жизнь вліяетъ на произведенія изящной словесности. Вліяніе обнаруживается въ той формѣ, что сферой дѣйствія служитъ обыкновенно среда, которая господствуетъ въ данное время. Нельзя объяснять это исключительно принадлежностью писателя къ данной средѣ: нѣтъ, писатель останавливается на ней именно потому, что она господствуетъ, потому, что она всѣми особенностями своего быта налагаетъ печать на извѣстный историческій періодъ, потому, что ея члены чаще напоминаютъ о себѣ во всѣхъ сферахъ общественной жизни, и ея идеалы, цѣли и стремленія считаются идеалами, цѣлями и стремленіями всего общества. Вотъ почему отъ Грибоѣдова и Пушкина до Тургенева и Гончарова предъ нами проходитъ рядъ типовъ изъ русскаго дворянства. И не только Пушкинъ и Лермонтовъ, сами принадлежавшіе къ дворянству, любуются мельчайшими привычками, даже подробностями одежды своихъ героевъ, но и Гончаровъ, непринадлежавшій къ дворянству, даетъ въ дядюшкѣ Адуевѣ положительный типъ и оттѣняетъ не только его практичность, дѣловитость, но и свѣтскость, внѣш-

ній лоскъ, которые въ то время могли быть воспитаны исключительно дворянской средой, матеріально обезпеченной и праздной. Господство этой среды и вліяніе на писателей при направленіи творчества убѣдительно доказывается положительными типами Гоголя. Передъ нами проходитъ цѣлая галлерея отрицательныхъ типовъ, взятыхъ изъ средней помѣщичьей среды: Маниловъ, Собакевичъ, Ноздревъ, Пѣтухъ, Коробочка и другіе. Все это—живые люди; на каждой страницѣ первой части *Мертвыхъ Душъ* развертывается сама жизнь. Давая отрицательные типы, эта среда почти не давала положительныхъ. Однако, Гоголь не ищетъ ихъ внѣ этого круга; онъ изображаетъ Тентетникова, Костанжогло, Платоновыхъ и человѣка близкаго къ этому кругу, откупщика Муразова, который друженъ съ высшей губернской администраціей. Эти типы не удовлетворяютъ читателя: ни Тентетниковъ со своими безсвязными мечтаніями, ни Костанжогло, дѣятельный, предпріимчивый, помѣщикъ крестьянъ, у которыхъ прочно покрыты избы, но сухой, строго-разсчетливый, ни, наконецъ, добродѣтельный откупщикъ, заступившійся за Чичикова. Намъ важно не то, что положительные типы *Мертвыхъ Душъ* сѣры, заурядны (такъ они и были въ дѣйствительности), а то, что Гоголь, не взирая на крайнюю ихъ заурядность и безцвѣтность, ищетъ ихъ въ предѣлахъ помѣщичьей Россіи или сродной съ ней среды—высшихъ рядахъ буржуазіи, среди откупщиковъ.

Дворянство, классъ экономически наиболѣе сильный и юридически—господствующій, не могло удержать во второй половинѣ 19 столѣтія то преобладающее мѣсто въ изящной словесности, которое принадлежало ему ранѣе. На сцену русской исторіи, въ

качествѣ болѣе замѣтнаго дѣятеля, выступилъ средній классъ, представители промышленности и торговли и выплывающіе вмѣстѣ съ ними члены свободныхъ профессій—адвокатъ, врачъ, литераторъ. И изящная словесность даетъ намъ рядъ типовъ уже не изъ одной дворянской среды, но изъ среды людей разныхъ званій и состояній. И не только герои въ романѣ: «Что дѣлать» или многихъ современныхъ писателей, близкихъ къ этому классу по рожденію и воспитанію, выхвачены изъ этой среды; къ немувсе чаще и чаще обращаются писатели, принадлежащіе къ дворянству, а по времени воспитанія — къ старой помѣщичьей средѣ. Тургеневъ создаетъ Базарова, Соломина, Маріанну, г. Боборыкинъ—Василія Теркина. Въ этомъ теченіи можно подмѣтить много искусственнаго, заимствованнаго съ Запада, наскоро прилаженнаго къ условіямъ русской жизни. Но въ значительной мѣрѣ это теченіе было самобытно. Русская жизнь давала болѣе разнообразные типы; дворянство, какъ землевладѣльческій классъ, сохранило и государственное значеніе, но его же пріобрѣли и средніе классы; среда, экономически сильная, а потому и господствующая, раздвинулась, и художественное творчество стало почерпать для себя матеріалъ не изъ одного источника, какъ ранѣе, а изъ многихъ. Крестьяне не стали экономической силой, а служатъ теперь, какъ и до освобожденія, матеріаломъ для увеличенія могущества землевладѣнія и капиталовладѣнія. Почему же возникла литература о мужикѣ? На это мы отвѣтимъ ниже.

II.

Предъидущія страницы напоминаютъ въ бѣгломъ очеркѣ о первостепенной важности явленій хозяйства въ жизни частной и общественной, о томъ, что экономіей народа могутъ быть объяснены многочисленные и разнообразные факты культуры. Это уже давно извѣстно людямъ науки и практики. Однако, только развитіе статистики, какъ усовершенствованной методы наблюденія, позволило сдѣлать предметомъ изслѣдованія многія стороны общественной жизни и облегчило выводы, которые обязаны своимъ происхожденіемъ великимъ представителямъ научнаго соціализма — Марксу и Энгельсу и которые принято за послѣднее время обозначать именемъ *экономическаго матеріализма*. Сущность этого ученія сводится къ тому, что экономическіе факты служатъ основаніемъ всѣхъ общественныхъ отношеній, что политическій строй даннаго общества, его гражданское и семейственное право, его наука, искусство, религія, измѣняются подъ вліяніемъ перемѣнъ въ народномъ хозяйствѣ, а послѣднія являются результатами измѣненій въ пріемахъ производства. Эта связь до такой степени тѣсна, что знакомство съ хозяйственнымъ

бытомъ народа позволяетъ безошибочно опредѣлить характеръ и другихъ общественныхъ явленій у этого народа. Сюда присоединяется также утвержденіе, что всѣ народы проходятъ одни и тѣ же періоды экономическаго развитія, и что отсталое общество, изучая жизнь опередившихъ его странъ, можетъ видѣть въ ней, какъ въ зеркалѣ, свои грядущія судьбы.

Давая въ общемъ очеркѣ такія положенія, Марксъ и Энгельсъ, какъ строгіе мыслители, дѣлаютъ извѣстныя ограниченія; и они ставятъ такія ограниченія не потому, чтобы не могли или не хотѣли быть послѣдовательными, но потому, что ограниченія вызываются самимъ существомъ дѣла. Въ мелкой же литературѣ, которая приняла и разводнила эти начала, мы встрѣчаемъ много заблужденій: предполагаютъ, что всѣ общественныя явленія могутъ быть объяснены фактами народнаго хозяйства, что экономическая жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, а потому и вся общественная жизнь, слагается, развивается и видоизмѣняется подъ вліяніемъ себялюбія, что экономическіе факты развиваются механически, независимо отъ сознанія людей, что творчества не существуютъ и что человѣкъ сдѣлаетъ всего лучше, если всецѣло подчинится этому процессу. Постараемся же отмѣтить нѣкоторыя условія индивидуальной и общественной жизни, ограничивающія вліяніе экономическихъ фактовъ.

Во-первыхъ, у людей есть влеченія, которыя стоятъ за предѣлами хозяйственныхъ интересовъ. Эти влеченія сами по себѣ не могутъ быть приведены въ связь съ экономическимъ положеніемъ отдѣльнаго лица или цѣлой страны и, при своемъ осуществленіи, въ главномъ не зависятъ отъ окружающихъ условій эконо-

мической жизни. Эти условія. создавая вокругъ человѣка опредѣленную обстановку, могутъ облегчать его дѣятельность или затруднять ее; но, сами по себѣ, цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ, часто не имѣютъ ничего общаго съ міромъ хозяйства и въ самомъ главномъ, дѣятельность его можетъ не зависить ни отъ имущественныхъ средствъ, которыми онъ располагаетъ, ни отъ общаго уровня экономической жизни страны, которая и служитъ ему полемъ дѣйствія. Возьмемъ, напр., дѣятельность всѣхъ проповѣдниковъ вѣры, трезвости, воздержанія. Внѣшнія матеріальныя условія опредѣляютъ, будутъ ли лица, которыя посвятили свою жизнь проповѣдыванію трезвой жизни, передвигаться по странѣ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ или по грунтовымъ путямъ и на парусныхъ судахъ; печатный станокъ позволяетъ проповѣднику воздѣйствовать на большую площадь, нежели въ отдаленныя отъ насъ времена то могло быть достигнуто однимъ устнымъ словомъ; результаты этой проповѣди могутъ имѣть вліяніе на хозяйство тѣхъ, которые станутъ послѣдователями ученія; но самая цѣль не имѣетъ прямой связи съ хозяйствомъ. Поставленіе этой цѣли и энергія въ ея преслѣдованіи не могутъ быть объяснены ни экономическимъ положеніемъ лицъ. которыя ставятъ ее главной задачей жизни, ибо во всѣ времена можно найти такихъ людей среди богатыхъ и бѣдныхъ, именитыхъ и простолюдиновъ, ни экономическимъ развитіемъ страны, гдѣ происходитъ такая дѣятельность. Въ первые вѣка христіанства послѣдователи Христа, проповѣдуя слово Божіе, пѣшкомъ передвигались по странѣ, всею своей дѣятельностью отрѣшались отъ цѣлей, которыя связаны съ народнымъ

хозяйствомъ; они были полны одушевленія, которое не можетъ быть приведено въ ближайшую связь съ экономическимъ бытомъ того времени. Одушевленная проповѣдь Стефана Пермскаго среди зырянъ не можетъ быть, въ своемъ содержаніи и своей напряженности, истолкована по связи съ грубымъ экономическимъ укладомъ нашихъ предковъ. Нельзя сказать, чтобы знаменитый проповѣдникъ трезвости среди ирландцевъ, Мэтью, достигшій въ своей дѣятельности большихъ результатовъ, былъ типомъ, могущимъ сложиться только въ 19 вѣкѣ, при условіяхъ экономической жизни новаго времени, или чтобы, съ помощью условій современнаго общественнаго хозяйства можно было выяснить благородные порывы англичанки, которая изслѣдуетъ положеніе прокаженныхъ якутовъ въ далекомъ углу Сибири и призываетъ благотворителей облегчить ихъ тяжкую долю. Объяснять экономическими фактами подобные случаи со всѣми ихъ подробностями, случаи многочисленные и въ прошломъ и въ настоящемъ — значить строить обширное зданіе самыхъ непозволительныхъ натяжекъ. Сама дѣятельность этого рода, вытекая изъ чувства дружелюбія, не связана прямо съ экономическими явленіями и послѣднія, повсюду переплетаясь съ иными фактами общественной жизни, имѣютъ значеніе лишь постольку, что могутъ затруднять эту дѣятельность въ однихъ случаяхъ и облегчать въ другихъ.

Сюда нужно отнести также влеченіе къ знанію, которое часто вовсе не связано съ экономическими условіями и образуетъ въ человѣкѣ самостоятельную потребность, имѣющую мало общаго съ цѣлями хозяйства. Мы знаемъ неутолимую жажду знанія, которая отличала Аристотеля, Архимеда, Лейбница, Ог.

Конта и другихъ. Можно согласиться, что направленіе научныхъ трудовъ этихъ мыслителей тѣсно связано со всѣми условіями быта даннаго времени и мѣста, что голова Аристотеля, перенесенная въ обстановку, среди которой жилъ Ог. Контъ, работала бы иначе, чѣмъ въ четвертомъ вѣкѣ до Рождества Христова; но совершенно неумѣстно говорить, что Дарвинъ, живя въ 19 вѣкѣ, долженъ былъ заниматься естественными науками, тогда какъ блаженный Ѳома Аквинскій—теологіей. Н. К. Михайловскій, со свойственнымъ ему остроуміемъ, опровергаетъ мнѣніе одного начинающаго экономиста, будто бы характеръ и направленіе трудовъ Дарвина могутъ быть объяснены одной причиной—современными условіями народнаго хозяйства (*Русское Богатство*, 1896, I, 64—65) Можно объяснять многія изъ новѣйшихъ пріобрѣтеній науки фактами хозяйственной жизни; можно связать съ ними тѣ или другія изъ открытій Эдиссона, то, чѣмъ имъ обязана наука въ трудахъ Спенсера, Маркса, однако, несомнѣнно, что и теперь богословская литература представляетъ очень большую площадь для работы ума и число богословскихъ сочиненій, ежегодно выходящихъ на главныхъ языкахъ, гораздо болѣе значительно, нежели въ то время, когда жили великіе средневѣковые теологи.

Эти замѣчанія могутъ вызвать возраженіе, что они касаются единичныхъ фактовъ, которые нѣсколько пестрятъ картину, но не измѣняютъ ея, что наука имѣетъ дѣло со среднимъ явленіемъ, типичнымъ, и что въ массѣ этихъ среднихъ явленій совершенно исчезаютъ влеченія и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, которыя не могутъ быть тѣсно связаны съ состояніемъ хозяйства.

Предусматривая такое возраженіе, мы скажемъ, что не только единичныя, но и многія массовыя явленія не могутъ быть истолкованы въ связи со складомъ хозяйственной жизни, что они должны быть признаны отвѣтомъ на особыя самостоятельныя потребности людей, стоящія внѣ міра хозяйства. Въ первые вѣка христіанства наиболѣе убѣжденные и ревностные поборники новаго ученія проповѣдывали жизнь простую, воздержную, свободную отъ всякихъ излишествъ, и эта проповѣдь находила въ массахъ многихъ послѣдователей. И въ наше время проповѣдь трезвости, о которой я уже упомянулъ, связанная съ именами немногихъ людей, ведетъ къ ослабленію пьянства въ предѣлахъ цѣлыхъ округовъ отдѣльныхъ странъ. Наиболѣе выдающіяся доказательства этого рода представляютъ Соединенные Штаты и Скандинавія. Дѣятельность проповѣдниковъ первой группы отдѣлена отъ дѣятельности второй почти двумя тысячелѣтіями; она развивается въ несходныхъ условіяхъ общественной жизни; хотя въ обоихъ случаяхъ преслѣдуется одна и та же цѣль, однако еслибы эта дѣятельность опиралась на условія экономической жизни и въ нихъ находила корни для своего развитія, то не могла бы приводить къ однороднымъ результатамъ. А между тѣмъ получаемые результаты однородны: они даютъ намъ массовое явленіе—укрѣпленіе въ обширныхъ кругахъ привычки къ воздержной жизни.

Возьмемъ явленія, которыя доказываютъ присущую людямъ острую жажду знанія. Еслибы мы, зная объ Архимедѣ, Аристотелѣ, Гёте, Гумбольдтѣ, не могли объяснить великую пытливость ихъ ума общимъ состояніемъ народнаго хозяйства въ ихъ время, то не

трудно было бы приписать эту особенность явленія совершенно исключительнымъ силамъ, которыми природа надѣлила этихъ мужей. Но, наблюдая любознательность въ очень обширныхъ кругахъ, мы рѣшительно не въ состояніи связать ихъ съ особенностями экономической жизни. Занимай влеченіе къ знанію подчиненное мѣсто въ душѣ человѣка, будь оно въ полной зависимости отъ хозяйственнаго быта, мы должны были бы наблюдать относительно среднихъ, типичныхъ людей такого рода факты. 1) Члены мало обезпеченныхъ классовъ стремятся къ пріобрѣтенію знаній, которыя облегчаютъ имъ ихъ спеціальное занятіе; сапожникъ старается усвоить навыки, которые относятся къ его ремеслу, поселянинъ—свѣдѣнія, которыя помогаютъ улучшить его полеводство или огородничество и проч. 2) Люди богатыхъ классовъ обладаютъ наиболѣе всестороннимъ знаніемъ, такъ какъ полная имущественная обезпеченность совершенно парализуетъ стремленіе обогащать свой умъ такими спеціальными свѣдѣніями, которыя ведутъ къ какой-либо практической цѣли. И, 3) въ общемъ, жажда знанія прямо пропорціональна матеріальному благосостоянію данной среды. Однако, нѣтъ фактовъ, чтобы подкрѣпить сдѣланныя нами предположенія.

Во-первыхъ, наблюденія надъ литературой, которая пролагаетъ себѣ дорогу въ бѣднѣйшіе классы населенія, всегда даетъ въ результатѣ, что спеціальныя изданія по сельскому хозяйству и ремесламъ имѣютъ самое ограниченное число читателей, спросъ на изящную словесность и популярныя книги по исторіи, общимъ вопросамъ естествознанія многократно превышаетъ запросъ на то, что можетъ дать читателю

точныя указанія относительно лучшихъ способовъ пахоты, обращенія съ навозомъ, изготовленія красокъ для ремесла и проч. И это наблюденіе сдѣлано повсюду. Напомнимъ, напр., о поразительномъ успѣхѣ, который имѣетъ среди бѣднѣйшихъ классовъ Англіи и Америки распространеніе университетскихъ знаній, и о фактахъ, которые отмѣчены въ нашихъ деревняхъ. Сказать, что масса простаго люда несравненно охотнѣе читаетъ вышедшее изъ-подъ пера Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, чѣмъ ясно и даже красиво написанную брошюру о травосѣяніи, потому, что не понимаетъ пользы, которая можетъ быть принесена этой брошюрой, значитъ уклониться отъ отвѣта.

Во-вторыхъ, нельзя утверждать, что чѣмъ выше мы поднимаемся по ступенямъ имущественной лѣстницы, тѣмъ болѣе замѣчаемъ, какъ любознательность принимаетъ форму стремленія къ широтѣ и разнообразію знаній съ отстраненіемъ спеціальныхъ свѣдѣній, могущихъ приносить пользу въ занятіяхъ лица, которыя даютъ доходъ. Именно въ обезпеченныхъ слояхъ населенія мы находимъ среди общаго запроса на литературу относительно гораздо большій запросъ на спеціально-утилитарную литературу; книги и журналы по сельскому хозяйству и разнымъ другимъ отраслямъ прикладныхъ знаній читаются здѣсь относительно больше, нежели изданія этого рода среди произведеній общей литературы, проникающихъ въ бѣднѣйшіе классы.

И относительно третьяго пункта мы не можемъ установить общее положеніе. Древніе Аѳины даютъ намъ въ своихъ гражданахъ, свободныхъ отъ тѣлеснаго труда и хозяйственныхъ заботъ, интересный примѣръ того, какъ сильно можетъ быть влеченіе къ

знанію у всего высшаго класса въ государствѣ. Въ настоящее время мы не находимъ, однако, ничего подобнаго. Потребность знанія въ высшихъ и даже среднихъ слояхъ гораздо менѣе напряженна, чѣмъ среди простолюдиновъ. По отзыву многихъ изслѣдователей, аудиторіи народныхъ университетовъ въ западной Европѣ и Америкѣ, наполненныя ремесленниками и рабочими фабрикъ, рудниковъ, горныхъ заводовъ, поражаютъ напряженнымъ вниманіемъ и глубокой сосредоточенностью, съ которыми слушатели хотятъ уловить каждое слово. Напрасно думаетъ Кауцкій, что жажда знанія присуща именно тѣмъ работникамъ, которые захвачены машиннымъ трудомъ. Этотъ трудъ, говоритъ онъ, не предъявляетъ запроса духовнымъ силамъ работающаго; спеціальныя свѣдѣнія не могутъ поднять фабричнаго работника на болѣе высокую ступень матеріальнаго благосостоянія, а потому не початыя духовныя силы стремятся удовлетворить себя полученіемъ общаго образованія. Это невѣрно; совершенно однородная потребность въ знаніи обнаруживается и среди другихъ группъ бѣднѣйшихъ классовъ, которыя еще не привлечены къ машинному труду и гдѣ пріобрѣтеніе спеціальныхъ свѣдѣній можетъ имѣть вліяніе на успѣшность работы и матеріальныя условія жизни. Подобныя явленія могутъ быть наблюдены и въ русской деревнѣ: сильное и не отмѣченное печатью утилитарности влеченіе къ знанію доказывается посѣщаемостью народныхъ чтеній въ деревняхъ, заботами крестьянъ объ открытіи училищъ и другими фактами этого рода. Все это побуждаетъ сказать, что влеченіе къ знанію образуетъ особую потребность человѣка. Возможность удовлетворять ее стоитъ въ связи съ экономическимъ бытомъ даннаго

времени. Но было бы тщетною попыткой стараніе объяснить фактами хозяйственной жизни и напряженность этой потребности, и ближайшія цѣли, къ которымъ стремятся при ея удовлетвореніи отдѣльныя лица и многочисленныя массы.—Можно сказать то же о многихъ другихъ явленіяхъ частной и общественной жизни.

Я укажу, далѣе, на сферу хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ и напомню о необходимости разсматривать всю эту область, не какъ одно сплошное цѣлое. Экономическія дѣйствія людей могутъ быть въ разныхъ случаяхъ вполнѣ сходны. Но мотивы, которыми они вызываются, вліяніе, которое они оказываютъ на общественную жизнь, чрезвычайно различны. Образцовая ферма можетъ быть вполнѣ подобна благоустроенному имѣнію въ ея ближайшемъ сосѣдствѣ; но если владѣлецъ первой, стремясь воздѣйствовать на хозяйства окрестныхъ поселянъ примѣромъ, затрачиваетъ всѣ доходы на дальнѣйшее развитіе этого предпріятія, а владѣлецъ втораго, получая относительно столь же большіе доходы, проживаетъ ихъ весело и беззаботно, то мы называемъ перваго филантропомъ, а втораго—только искуснымъ хозяиномъ. Домъ трудолюбія можетъ имѣть полное внѣшнее сходство съ любымъ промышленнымъ заведеніемъ. Дешевыя квартиры, построенныя благотворительнымъ обществомъ, могутъ имѣть управленіе, технически совершенно однородное съ управленіемъ домовъ, владѣльцы которыхъ не упускаютъ ни одного удобнаго случая, чтобы обложить нанимателей новыми поборами. Но какъ ни сходны акты, названные мною, мы ясно различаемъ ихъ и говоримъ, что въ обоихъ случаяхъ дѣйствуетъ хозяйственный разсчетъ, но въ однихъ онъ

направленъ только къ личнымъ выгодамъ, а въ другихъ — къ выгодѣ стороннихъ лицъ, бѣднѣйшихъ.

Установимъ, наконецъ, положеніе, что дѣятельность отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ группъ можетъ быть успѣшна иногда и въ томъ случаѣ, когда она направлена противъ интересовъ класса, который обладаетъ наибольшими имущественными средствами, а потому въ общемъ и среднемъ и наибольшимъ политическимъ могуществомъ. Сошлемся въ видѣ примѣра на фабричное законодательство, какъ оно развивалось и примѣнялось въ Англіи. Эти законы охраняютъ интересы рабочихъ, а рабочіе имѣютъ въ своемъ распоряженіи очень малыя имущественныя средства; въ этомъ отношеніи они являются не только порознь, но даже въ массѣ слабой частью населенія. Фабричные законы невыгодны для хозяевъ промышленныхъ заведеній, такъ какъ умаляютъ ихъ власть, возможность пользоваться наемнымъ трудомъ. Извѣстно, что эти законы были проведены въ Англіи при большомъ противодѣйствіи со стороны промышленнаго класса. Разъ они вошли въ жизнь, то могли оказывать вліяніе, котораго ожидалъ отъ нихъ законодатель, лишь подъ условіемъ, что для надзора за ихъ исполненіемъ нашлись люди, недоступные ни увѣщаніямъ, ни угрозамъ, ни подкупамъ, люди, которые были способны возвыситься надъ экономическими разсчетами, надъ соображеніями личныхъ выгодъ и поставить себя внѣ сферы вліянія денегъ. На долю Англіи выпало большое благополучіе имѣть въ числѣ старѣйшихъ фабричныхъ инспекторовъ людей, которые пріобрѣли себѣ громкую славу, сломили сопротивленіе промышленниковъ, заставили исполнять законъ и тѣмъ провели мѣру, вопреки вожделѣніямъ класса, который служитъ въ

большинствѣ случаевъ выразителемъ воли и цѣлей государства. Возьмемъ другой примѣръ,—тѣ акты, посредствомъ которыхъ бѣднѣйшіе классы населенія, даже раньше времени, когда были расширены политическія права, получили право собраній и сходокъ. Это случилось въ Англіи въ 1824—25 годахъ, тогда какъ только въ 1832 году распространеніе политическихъ правъ на города и мѣстечки увеличило число гражданъ, пріобщенныхъ къ законодательной власти. Дарованіе свободы сходокъ, которая повела къ чрезвычайному развитію въ Англіи различныхъсоюзовъ, было актомъ, рѣзко противорѣчившимъ интересамъ высшихъ классовъ. Было очевидно, что право собраній постепенно приведетъ къ чрезвычайному развитію союзной жизни, сплотитъ бѣднѣйшія и дотолѣ разрозненныя группы населенія, укрѣпитъ въ нихъ сознаніе общихъ цѣлей, побудитъ стремиться къ расширенію правъ и ограниченію классовъ, которымъ раньше исключительно принадлежало господство. И, однако, это совершилось. Оно совершилось потому, что въ законодательной работѣ, которая вела къ такому результату, было велико вліяніе людей, умѣвшихъ подавить эгоистическія влеченія, подняться надъ интересами своего класса и, хотя временно, увлечь на этотъ путь менѣе рѣшительныхъ, колеблющихся. Обстоятельства были благопріятны тому, чтобы этотъ актъ былъ не только проведенъ, но и укоренился въ общественной жизни. При большихъ усиліяхъ мысли можно найдти подобный примѣръ и въ русской жизни. Ссылка на крестьянскую реформу была бы неумѣстна потому, что хотя эту реформу проводили дворяне-чиновники при помощи дворянъ-помѣщиковъ, однако, не было сдѣлано ничего, противнаго интересамъ господству-

ющаго сословія: дворянскія земли были уступлены крестьянамъ на условіяхъ, очень выгодныхъ для дворянъ, а самое уничтоженіе крѣпостной зависимости, если оно и было невыгодно для дворянъ, можетъ быть объяснено неумолимыми требованіями общественнаго и государственнаго хозяйства, которыя не могли долѣе примиряться съ трудомъ крѣпостныхъ, крайне мало производительнымъ. Но вполнѣ умѣстно сослаться на земскую реформу 1864 года Она вовсе (въ томъ видѣ, какъ была создана) не была необходимымъ продуктомъ русскаго экономическаго быта. Чиновники, работавшіе надъ этой реформой, также принадлежали къ дворянству. Въ угоду дворянству, какъ господствующему сословію и, наконецъ, въ угоду промышленному классу, который уже становился замѣтной общественной силой, нужно было построить земское самоуправленіе такъ, чтобы оно было почти дворянскимъ—сословнымъ, съ небольшими отступленіями въ пользу другихъ сословій (примѣнительно къ строю земскихъ учрежденій 1890 года). Однако, оно явилось безсословнымъ, съ уничтоженіемъ въ этой сферѣ привилегій дворянства, которыя отличаютъ дворянское самоуправленіе, и съ весьма замѣтнымъ расширеніемъ правъ другихъ сословій. Нѣтъ надобности называть имена. Но сколько бы дѣятелей ни было прикосновенно къ выработкѣ положенія 1864 года о земскихъ учрежденіяхъ, они займутъ почетное мѣсто въ исторіи Россіи, какъ люди, которые заставили себя подняться надъ разсчетами, интересами и вожделѣніями своего сословія, вполнѣ понимая, что этимъ создается такая сфера общественной дѣятельности, гдѣ члены ихъ сословія не могутъ удовлетворять

свои личные интересы съ ущербомъ для другихъ общественныхъ группъ.

Однородныя явленія могутъ быть подмѣчены въ мірѣ науки и искусства. Было бы сизифовой работой стараться доказать, что эта область всецѣло подчиняется общественнымъ группамъ, наиболѣе богатымъ и властнымъ. Нѣтъ, мы находимъ въ ней много говорящаго за то, что она часто освобождается отъ этихъ вліяній. Припомнимъ нѣкоторыя явленія изъ исторіи русской литературы. Понятно, почему интересы изящной словесности вращались до послѣднихъ десятилѣтій преимущественно около дворянства; понятно, почему съ 60-хъ годовъ представители буржуазіи заняли въ ней видное мѣсто. Но какъ объяснить, что крестьянинъ все чаще и чаще приковываетъ къ себѣ вниманіе научной мысли и художественнаго творчества? Если-бы литература подчинялась исключительно господствующей средѣ, то и до послѣдняго времени она должна бы имѣть такой видъ, что крестьянству, какъ общественной группѣ, бѣдной и подчиненной, должно было бы принадлежать въ словесности соотвѣтствующее низкое мѣсто. Это не значитъ, чтобы не было повѣстей или романовъ изъ народнаго быта, чтобы удрученное положеніе народныхъ массъ не было освѣщено иногда талантомъ крупнаго писателя: это значитъ только, что всѣ произведенія этого рода занимали бы и количественно и качественно очень скромное мѣсто среди произведеній, для которыхъ служатъ центромъ жизнь и интересы господствующихъ классовъ. А между тѣмъ мы наблюдаемъ нѣчто иное. Творчество такихъ писателей, какъ Глѣбъ Успенскій, Златовратскій, Николай Успенскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ, было посвящено исключительно быту бѣднѣйшихъ классовъ.

Перо Льва Толстаго, за послѣднія 15 лѣтъ, служитъ, главнымъ образомъ крестьянству. Могутъ замѣтить, въ объясненіе этого факта, что крестьяне пользуются личной свободой и уже своей массой образуютъ большую экономическую силу: а потому и естественно, что они привлекли къ себѣ вниманіе литературы. Однако, такой доводъ былъ бы неубѣдителенъ потому, что при всей своей численности, они занимаютъ положеніе подчиненное и по имущественной обезпеченности, и по совокупности правъ, которыя предоставляетъ имъ государство. Такое объясненіе было бы тѣмъ болѣе неудовлетворительно, что литература стала все чаще говорить о крестьянахъ еще до освобожденія, когда они занимали гораздо болѣе подчиненное положеніе, чѣмъ теперь. Въ эту область вступаетъ Тургеневъ и знакомитъ съ нею русское общество. Лучшее, что написалъ Григоровичъ, относится исключительно къ жизни крестьянства. И Некрасовъ, отдавшій этому міру свое творчество, началъ писать еще задолго до крестьянской реформы.

Все сказанное побуждаетъ насъ сдѣлать выводъ, что нельзя объяснить экономическими фактами всю совокупность явленій общественной жизни и что, изслѣдуя міръ хозяйства, нужно помнить о дружелюбіи, какъ силѣ, дѣйствующей на ряду съ себялюбіемъ. Сила дружелюбія, стремится ли она къ цѣлямъ экономическимъ или же къ цѣлямъ за предѣлами хозяйства, характеризуется именно тѣмъ, что человѣкъ отрѣшается отъ своихъ личныхъ выгодъ и нерѣдко до такой степени, что ослабляетъ могущество экономическихъ фактовъ.

Все то въ наукѣ, что носитъ на себѣ печать крупнаго ума, проникновенія въ дѣйствительную жизнь,

прямо или косвенно, признавало наличность этихъ обѣихъ силъ, и уже однимъ признаніемъ отрицало исключительность какъ вліянія экономическихъ фактовъ, такъ и сложенія экономическихъ фактовъ подъ господствомъ личнаго интереса. Я не буду говорить о старыхъ писателяхъ, такъ какъ ихъ мнѣнія объ этомъ вопросѣ не возбуждаютъ спора. Коснусь тѣхъ мыслителей, воззрѣнія которыхъ часто вызываютъ неправильное толкованіе. Такъ, относительно Маркса многіе думаютъ, что онъ признаетъ исключительное вліяніе за экономическими фактами и оттѣсняетъ на задній планъ всѣ другія условія общественной жизни. Однако, мы находимъ у него указаніе, что изъ процесса ухудшенія въ бытѣ рабочаго класса, которое можетъ быть наблюдаемо въ Англіи въ 16 и 17 столѣтіяхъ, «исключеніе составляетъ время Кромвеля. До тѣхъ поръ, пока существовала республика, всѣ слои народа поднялись изъ того униженія, въ которомъ они погрязали при Тюдорахъ». Какъ ни кратко это замѣчаніе, оно позволяетъ вычитать между строками очень много. Оно должно быть пояснено такимъ образомъ. Экономическій строй Англіи былъ при Кромвелѣ такой же, какъ и предъ самымъ вступленіемъ его во власть. За этотъ краткій періодъ не произошло въ народномъ хозяйствѣ никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Но государственный строй, установившійся съ Кромвелемъ въ Англіи, позволилъ обнаружиться силамъ, благопріятнымъ для народа; давъ просторъ работѣ этихъ силъ въ политической жизни, онъ направивъ дѣятельность всего государственнаго механизма такъ, что она служила не однимъ привилегированнымъ классамъ, а всѣмъ, и быстро подняла народъ изъ униженія, въ которомъ онъ находился немного

лѣтъ ранѣе. Возьмемъ другой примѣръ изъ книги того же автора. Схема, въ которой онъ изображаетъ развитіе промышленной жизни, даетъ намъ безостановочные успѣхи техники, сосредоточеніе производства въ немногихъ рукахъ и все большее порабощеніе рабочаго класса. Если представить себѣ, что это движеніе совершается по прямой линіи и подъ вліяніемъ только эгоизма людей, который пользуется успѣхами техники и направляетъ ихъ къ личнымъ цѣлямъ, то невозможны перемѣны къ лучшему въ бытѣ рабочихъ. Однако, самъ же авторъ *Капитала* говоритъ о полезномъ вліяніи англійскихъ фабричныхъ законовъ и отзывается съ величайшею похвалой о дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ, особенно Горнера, Редгрэва, Сандерса. Вотъ его слова. «Вообще, рабочее населеніе, подчиненное фабричному акту, значительно улучшилось въ физическомъ отношеніи. Всѣ медицинскія изслѣдованія единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ, также какъ и мои собственныя личныя наблюденія, произведенныя въ разные періоды» [1]). Обратимся къ Фридриху Энгельсу. Онъ, повидимому, еще болѣе послѣдователенъ въ сведеніи всѣхъ фактовъ общественной жизни на условія и способы производства. Говоря о безрезультатности усилій Карла В., направленныхъ къ устроенію обширныхъ хозяйствъ въ королевскихъ виллахъ, Энгельсъ замѣчаетъ, что усилія были безплодны, такъ какъ средневѣковые способы производства не примирялись съ подобной организаціей. Однако, прибавляетъ онъ, «эти попытки продолжались въ монастырскихъ имѣніяхъ и были для нихъ

---

[1]) *Марксъ*, Капиталъ, I, 244.

плодотворны. Но монастыри были ненормальными общественными группами, основанными на безбрачіи; они могли создавать исключительныя вещи, но должны были вслѣдствіе этого оставаться исключеніями» [1]). Возможность достигнуть на монастырскихъ земляхъ того, что не было возможно въ имѣніяхъ свѣтскихъ владѣльцевъ, должна быть приписана не условіямъ хозяйственной жизни, а быту монашествующихъ, связанному съ областью религіи. А разъ «исключеніе» охватывало очень большую площадь явленій (извѣстно, что земли духовенства составляли на западѣ Европы $^1/_4$, $^1/_3$ всей территоріи), то получается очень важный аргументъ въ пользу того, какъ много могутъ вліять на складъ хозяйства факты, принадлежащіе къ совершенно иной сферѣ.

Прочитаемъ у того же Энгельса страницы, посвященныя дѣятельности Роберта Оуена, этого «великаго реформатора, человѣка съ характеромъ дѣтски-наивнымъ и возвышеннымъ, этого прирожденнаго вождя людей»; Оуенъ, говоритъ Энгельсъ, обратилъ своихъ 2,500 рабочихъ, развращенныхъ, преданныхъ пьянству, «въ образцовую колонію, гдѣ пьянство, полиція, судьи, процессы, призрѣніе бѣдныхъ, потребности въ благотворительности были неизвѣстными вещами. И эта цѣль была достигнута тѣмъ однимъ, что люди были поставлены въ условія, достойныя человѣка. и подрастающее поколѣніе получало очень хорошее воспитаніе». Обратимъ вниманіе на увлеченіе, съ которымъ написаны эти страницы, и мы скажемъ, что нельзя говорить болѣе краснорѣчиво о вліяніи дружелюбія въ общественной жизни, о возможности подчинять

[1]) *Engels*, Ursprung der Familie. 1894, 160

своему вліянію среду, чѣмъ говоритъ этотъ мыслитель, по мнѣнію многихъ, вездѣ проводящій начало экономическаго матеріализма.

Кауцкій, вѣрный завѣтамъ своихъ учителей, Маркса и Энгельса, также нерѣдко ограничиваетъ положенія экономическаго матеріализма. Онъ признаетъ въ человѣкѣ возможность стремиться ко всестороннему развитію духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, работать надъ вопросами относительно общественной жизни и внѣшней природы, любить «философское мышленіе, т.-е. исканіе высшихъ истинъ ради ихъ самихъ». А тамъ, гдѣ этотъ писатель задается вопросомъ о помощи, которой низшіе классы должны ожидать отъ высшихъ и среднихъ въ дѣлѣ общественнаго преобразованія, онъ признаетъ и дружелюбіе движущею силой. Есть условія, говоритъ онъ, вслѣдствіе которыхъ рабочіе классы не должны много ожидать для этого дѣла отъ ремесленниковъ, крестьянъ-собственниковъ, высшей буржуазіи. «Но въ рядахъ послѣдней найдутся отдѣльныя лица, которыя станутъ за это дѣло, именно тѣ, которыя міросозерцаніемъ отличаются отъ класса, въ который входятъ по своему экономическому положенію».

То же находимъ мы и у г. Бельтова, весьма даровитаго сторонника этого направленія. Напоминая, что общественная жизнь представляетъ борьбу людей застоя съ тѣми, которымъ невыгоденъ старый порядокъ, г. Бельтовъ говоритъ о послѣднихъ: «ихъ психологія измѣняется въ направленіи тѣхъ отношеній производства, которыми замѣнятся современемъ старыя, отживающія экономическія отношенія. Приспособленіе психологіи къ экономіи... продолжается, но медленная психологическая эволюція пред-

шествуетъ экономической революціи» [1]). Эта мысль можетъ быть выражена гораздо проще: у людей застоя настроеніе ума таково, что всецѣло подчиняется господствующему порядку вещей и прежде всего экономическимъ отношеніямъ. Люди же передовые, разрывая эти узы, смотрятъ далеко впередъ. И въ научномъ и художественномъ творчествѣ, и въ практическихъ мѣропріятіяхъ они идутъ на встрѣчу будущему, болѣе совершеннымъ формамъ жизни; они въ большомъ или хотя маломъ дѣлѣ наносятъ удары тому, что есть. Нѣтъ основанія думать, что передовыми людьми являются только тѣ, которымъ *невыгоденъ старый* порядокъ. Такое предположеніе было бы вѣрно, если бы эти лица состояли только изъ членовъ бѣдныхъ и обездоленныхъ классовъ; нѣтъ, мы находимъ въ этихъ рядахъ и представителей богатыхъ торговыхъ домовъ, и потомковъ людей, которые носили золотыя шпоры при Карлѣ Великомъ. Имъ выгоденъ старый порядокъ въ отношеніи матеріальномъ; но онъ невыгоденъ имъ потому, что противорѣчитъ возвышеннымъ идеаламъ, съ которыми они проходятъ жизнь. Г. Бельтовъ переноситъ въ область экономическихъ фактовъ мысль Брюнетьера, что «мы не только приспособляемся къ средѣ, а и приспособлемъ ее къ своимъ нуждамъ». Тотъ же писатель, послужившій для многихъ изъ его читателей доказательствомъ послѣдовательнаго мышленія на почвѣ экономическаго матеріализма, даетъ намъ примѣръ крайняго субъективизма. Такъ, взглядъ меркантилистовъ объясняется неразвитостью товарнаго производства въ ихъ время; а

---

[1]) *Бельтовъ*. Къ вопросу о развитіи монистич. взгляда на исторію, 1895, 176.

противоположный взглядъ на деньги, высказанный Юмомъ и нѣкоторыми другими, доказываетъ не крупныя перемѣны въ области общественнаго хозяйства, а только «желаніе этихъ писателей противорѣчить меркантилистамъ». Такое объясненіе должно быть признано совершенно произвольнымъ. Оно не можетъ быть принято; но оно поучительно въ томъ отношеніи, что косвенно содержитъ признаніе автора что многое и многое не можетъ быть объяснено только фактами хозяйственной жизни.

III.

Мы переходимъ къ вопросамъ о сходствахъ и различіяхъ въ экономической жизни отдѣльныхъ народовъ и о томъ, насколько общественное хозяйство развивается и измѣняется подъ вліяніемъ сознательнаго творчества.

Если припомнимъ исторію экономическаго быта различныхъ государствъ, то съ полнымъ основаніемъ сдѣлаемъ такіе выводы:

1) Хозяйственный бытъ отдѣльныхъ народовъ, слагаясь, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ перемѣнъ въ производствѣ, обнаруживаетъ сходство относительно важнѣйшихъ экономическихъ фактовъ. Перемѣны въ техникѣ повсюду влекутъ за собою крупныя перемѣны въ экономическомъ быту: натуральное хозяйство исчезаетъ, мелкая промышленность уступаетъ мѣсто крупной; мѣновыя сношенія выходятъ далеко за предѣлы отдѣльныхъ странъ; кредитные обороты становятся болѣе широкими и разнообразными, и т. д.

2) При многочисленныхъ сходствахъ, въ экономической жизни отдѣльныхъ народовъ могутъ быть наблюдены и значительныя различія. Напрасно было-

бы объяснять ихъ племенными особенностями или такими слишкомъ много, а потому и ничего не говорящими словами, какъ «народный духъ», «національная самобытность». Эти различія должны быть сводимы на реальныя данныя — на особенность климата, почвы, изобиліе естественныхъ богатствъ, густоту населенія. Англія и Соединенные Штаты стоятъ примѣрно на одной высотѣ техническаго развитія. Обѣ страны одновременно подчинялись въ своей экономической жизни росту знаній вообще и техническимъ успѣхамъ промышленности. Обѣ страны развиваются при условіи широкой гражданской и политической свободы; наконецъ, оба народа могутъ быть сопоставлены тѣмъ съ большимъ правомъ, что въ основѣ Соединенныхъ Штатовъ находятся англо-саксонская раса и англійская цивилизація. Однако, мы находимъ въ экономическомъ бытѣ этихъ государствъ очень существенныя различія. Наиболѣе рѣзкимъ является различіе относительно поземельной собственности: Англія имѣетъ крупное землевладѣніе, а Соединенные Штаты даютъ очень пеструю панораму размѣровъ земельныхъ владѣній. И въ то время, какъ англійскій работникъ совершенно лишенъ доступа къ землѣ, американскій рабочій имѣетъ доступъ, а самая возможность перехода изъ промышленнаго заведенія на ферму служитъ регуляторомъ заработной платы. Къ сравнительной легкости пріобрѣтенія земли и большему матеріальному благосостоянію американскаго работника нужно свести и различіе въ крупной и важной организаціи на пользу трудящихся классовъ — въ союзахъ рабочихъ. Въ Англіи союзы являются постоянными учрежденіями съ весьма разнообразными задачами, среди которыхъ стачки занимаютъ совершенно второстепенное

мѣсто, а на выдающійся планъ выдвигаются заботы о вспоможеніи членамъ, о ихъ умственномъ развитіи, о статистикѣ труда и проч Въ Америкѣ союзы возникаютъ преимущественно для стачекъ и, сравнительно съ англійскими, представляются, по однообразію своихъ задачъ, какими-то недоразвившимися учрежденіями. Было-бы наивно объяснять это различіе тѣмъ, что англичане обладаютъ большими организаторскими способностями и навыками, чѣмъ американцы: безпримѣрная предпріимчивость послѣднихъ и ихъ рѣдкій организаторскій талантъ стоятъ внѣ спора; различіе объясняется только тѣмъ, что въ Америкѣ рабочій меньше зависитъ отъ своей судьбы на фабрикѣ, и союзы рабочихъ не распространяютъ такъ далеко заботъ о своихъ членахъ, какъ въ Англіи. Эти и многія другія различія между обѣими странами должны быть объяснены тѣмъ, что Англія была уже густо населена и не имѣла свободныхъ земель въ то время, когда крупныя техническія изобрѣтенія толкнули ее на путь современнаго промышленнаго развитія, а Америка и до послѣднаго времени сохранила большія площади свободныхъ земель. Къ указаннымъ фактамъ можетъ быть пріобщено и много другихъ. Возьмемъ, напримѣръ, важную отрасль народнаго хозяйства—пути сообщенія. Сопоставляя нѣкоторыя страны, мы подмѣчаемъ въ однѣхъ постепенное развитіе, въ другихъ—рѣзкіе переходы отъ несовершенныхъ путей къ наиболѣе усовершенствованнымъ. Государства западной Европы обнаруживаютъ большую постепенность въ этомъ движеніи: въ нихъ еще столѣтія тому назадъ улучшались грунтовыя дороги, а съ начала 18 вѣка усиленно строились шоссейныя и послѣдовательно перешли къ желѣзнымъ. Въ Америкѣ дороги были не

проѣздны еще очень недавно, и страна, почти миновавъ періодъ шоссейныхъ дорогъ, быстро перешла въ періодъ усиленнаго строительства желѣзныхъ. Въ Россіи мы наблюдаемъ, хотя въ очень малыхъ размѣрахъ, движеніе, которое можетъ быть уподоблено сѣверо-американскому: наши грунтовыя дороги крайне неудовлетворительны, шоссейныхъ очень мало, а за послѣдніе годы намѣчена сѣть желѣзныхъ подъѣздныхъ путей.

Возьмемъ гораздо болѣе крупный фактъ — освобожденіе крѣпостныхъ. Сопоставляя разныя страны, мы видимъ, что это явленіе произошло не по какому-либо одному образцу. И совокупность экономическихъ условій, среди которыхъ совершилось освобожденіе, не можетъ быть признана одной и тою-же во всѣхъ государствахъ. Въ мелкихъ республикахъ сѣверной и средней Италіи, подъ вліяніемъ быстраго развитія городовъ, крѣпостное право было отмѣнено въ концѣ 13 и въ теченіе 14 столѣтія. Въ Англіи оно постепенно вымирало, начиная отъ 14 вѣка. Его остатки были уничтожены около 1600 года: хотя во Франціи освобожденіе крѣпостныхъ началось задолго до великой революціи, въ 14 и 15 столѣтіяхъ, однако, нужны были удары послѣдней для того, чтобы стереть многочисленные и очень замѣтные въ общественной жизни слѣды крѣпостничества. Освобожденіе крѣпостныхъ въ германскихъ государствахъ, начавшееся еще въ 15 и 14 столѣтіяхъ, завершилось только въ первой четверти нынѣшняго вѣка, при условіяхъ гораздо болѣе высокаго экономическаго развитія и духовной культуры, нежели была Англія въ концѣ 16 столѣтія, когда тамъ были уничтожены остатки крѣпостнаго состоянія. Процессу медленнаго вымиранія крѣпостнаго права въ нѣкоторыхъ стра-

нахъ Запада можетъ быть противопоставлена сравнительно быстрая отмѣна его въ Россіи. При Александрѣ I и Николаѣ I принимались для ограниченія крѣпостничества нѣкоторыя мѣры, въ общемъ незначительныя, и всѣ работы по освобожденію падаютъ на 4-лѣтній періодъ 1857—61 годовъ. Можно подмѣтить также крупныя различія и въ обстановкѣ, которую создало для крестьянъ въ отдѣльныхъ странахъ ихъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Медленному и постепенному исчезновенію крѣпостничества въ Англіи соотвѣтствовало то, что бывшіе крѣпостные растворились во всемъ населеніи, перешли въ группы горожанъ или остались въ деревняхъ сельскими рабочими, но не сохранили земли. Хотя во Франціи крѣпостное право вымирало медленно, однако, нѣсколько сильныхъ ударовъ революціи, покончившихъ съ нимъ, и одновременно энергичная политика по распродажѣ земель дворянства и духовенства надѣлили землей многочисленные сельскіе классы: вырученная отъ продажи сумма опредѣляется цифрою отъ 2,069 до 16,000 милліоновъ франковъ; въ Россіи состоялось освобожденіе крестьянъ съ землею.

Обратимъ вниманіе на другую важную сторону народной жизни—формы владѣнія землей. Общинное землевладѣніе рушилось въ Англіи очень давно, еще въ 16 столѣтіи. Мѣстами на материкѣ Европы (въ Италіи, Франціи, юго-западномъ углу Германіи) оно отошло въ область преданій еще гораздо раньше. Швейцарія сохранила его остатки во многихъ кантонахъ, въ Россіи-же община существуетъ наканунѣ 20 столѣтія, и нельзя сказать, чтобы она была окончательно расшатана. Подумаемъ о совокупности экономическихъ и общекультурныхъ фактовъ, при кото-

рыхъ оно существовало въ разныхъ странахъ, и мы отмѣтимъ крупныя различія въ развитіи хозяйственнаго быта отдѣльныхъ народовъ. На западѣ Европы общинное землевладѣніе держалось въ періодъ рѣдкаго населенія, ремесла, рѣзкихъ сословныхъ различій, при низкомъ уровнѣ духовнаго развитія населенія. Членъ-же руской земельной общины работаетъ иногда на машиностроительномъ заводѣ, за механическимъ ткацкимъ станкомъ, строитъ желѣзную дорогу, и около крестьянъ общинниковъ начинается движеніе, направленное къ тому, чтобы открыть всѣмъ доступъ къ грамотѣ и начальному знанію. Можно было-бы привести и много другихъ однородныхъ параллелей.

3) Мы получаемъ право сдѣлать выводъ, что каждый народъ можетъ заимствовать у другихъ народовъ, переносить многое въ свою жизнь, приспособлять къ своей обстановкѣ. Возьмемъ-ли мы монетное дѣло, желѣзнодорожное, политику банковъ, формы предпріятій, особенно акціонерную, мы находимъ такъ много заимствованій народами отсталыми у народовъ, болѣе развитыхъ, что нужно было бы употребить не мало времени для того одного, чтобы перечислить важнѣйшія заимствованія, усвоенныя любымъ народнымъ хозяйствомъ. Если заимствованіе совершается своевременно, если приносимое исчужи соотвѣтствуетъ условіямъ среды, въ которую оно вносится, то оно пускаетъ глубоко корни на своей родинѣ и становится необходимою принадлежностью ея общественнаго быта. Сошлемся въ видѣ примѣра на фабричные законы. Англія послужила образцомъ для всѣхъ государствъ Европы. Такъ какъ условія хозяйственной жизни, вызвавшія изданіе фабричныхъ законовъ, были на материкѣ Европы однородны съ тѣми, кото-

рыя Англія переживала на 2—3 десятилѣтія ранѣе, то работы континентальныхъ государствъ были чрезвычайно облегчены въ этомъ направленіи, и ихъ фабричные законы, за небольшими различіями въ частностяхъ, явились снимками съ англійскихъ образцовъ.

Дѣлая такіе выводы, мы естественно подходимъ къ вопросу о сознательномъ творчествѣ въ народномъ хозяйствѣ. За послѣднія десятилѣтія въ экономической литературѣ часто высказывается мысль, что народное хозяйство представляетъ процессъ безсознательнаго развитія отъ простѣйшихъ формъ къ формамъ, болѣе сложнымъ, что человѣкъ въ теченіе длиннаго ряда поколѣній является безотчетнымъ орудіемъ этого процесса, который совершается, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ перемѣнъ въ техникѣ.

Вполнѣ примыкая къ тѣмъ, которые признаютъ за фактами экономической жизни первенствующее вліяніе на развитіе общества, мы отнюдь не можемъ принять положеніе о безсознательности этого процесса. Чѣмъ ниже уровень духовнаго развитія людей, тѣмъ слабѣе сознаніе необходимости перемѣнъ, которыя должны быть внесены въ общественную жизнь. тѣмъ болѣе медленно совершаются перемѣны, тѣмъ болѣе отличаются онѣ частичностью, касаются отдѣльныхъ явленій жизни. Чѣмъ болѣе поднимается духовное развитіе человѣка, чѣмъ болѣе великъ запасъ знаній. тѣмъ болѣе обнаруживается способность людей дѣйствовать цѣлесообразно, сознательно стремиться къ осуществленію идеала и не только порывисто, но планомѣрно работать въ извѣстномъ направленіи. Экономическія условія могущественно вліяли на людей, жившихъ въ періодъ каменнаго вѣка; они могущественны и въ жизни англичанина или сѣверо-

американца на порогѣ 20 столѣтія. Но если для первыхъ мельчайшее измѣненіе орудій требовало полусознательныхъ усилій и полуавтоматическаго приспособленія къ обстановкѣ въ теченіе многихъ поколѣній, то для наиболѣе цивилизованныхъ обществъ нашего времени крупныя юридико-экономическія реформы даются въ теченіе немногихъ лѣтъ. Разница между дикарями и европейскими обществами состоитъ не въ томъ, чтобы первые имѣли болѣе острую потребность въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, развлеченіяхъ, чѣмъ мы, а въ томъ, что накопленіе знаній, возможность предсказывать отъ современныхъ общественныхъ условій къ будущимъ и вѣковая привычка приспособляться къ внѣшней природѣ и даннымъ общественной среды позволяютъ намъ, не освобождаясь отъ вліянія на насъ экономическихъ фактовъ, предвидѣть ихъ послѣдствія. Это предвидѣніе позволяетъ намъ или пользоваться другими рядами фактовъ, чтобы предупредить наступленіе первыхъ, разъ эти послѣдствія представляются намъ неблагопріятными, или-же, если мы сознаемъ ихъ благотворное вліяніе на нашу жизнь, направлять нашу дѣятельность такъ, чтобы ускорить ихъ наступленіе. Когда оцѣниваютъ экономическій бытъ будущаго, то обѣщаютъ, что наши потомки, съ ростомъ благосостоянія и переходомъ отъ современнаго — частно капиталистическаго производства—къ ассоціаціонному, будутъ свободно и цѣлесообразно творить формы хозяйства. Я не отрицаю, что дальнѣйшее накопленіе знаній и упражненіе силъ дастъ нашимъ потомкамъ такіе навыки и пріемы, какими мы не располагаемъ. Однако, нѣтъ основанія утверждать, что въ настоящее время человѣчество не имѣетъ этой способности.

Энгельсъ, полемизируя съ Дюрингомъ, рисуетъ такую картину воздѣйствія человѣка на экономическій бытъ. «Силы, дѣйствующія въ общественной жизни, подобно тому, какъ силы природы, дѣйствуютъ слѣпо, насильственно, разрушительно, пока мы не знаемъ ихъ и не считаемся съ ними. Но разъ мы познали ихъ въ ихъ дѣятельности, направленіи и послѣдствіяхъ, которыя онѣ влекутъ за собой, то зависитъ отъ насъ однихъ все болѣе и болѣе подчинять ихъ нашей волѣ и, при ихъ посредствѣ, достигать нашихъ цѣлей Въ особенности слѣдуетъ сказать это о могучихъ производительныхъ силахъ нашего времени. До тѣхъ поръ, пока мы упорно отказываемся понять ихъ природу и характеръ,... эти силы дѣйствуютъ противъ насъ и властвуютъ надъ нами. Но, будучи разъ познаны въ своей природѣ, онѣ могутъ стать въ рукахъ товарищески-связанныхъ производителей изъ господъ покорными слугами. И здѣсь можно найти такую же разницу, какъ между разрушительной силой электричества въ молніи и привлеченнымъ на службу человѣку электричествомъ телеграфа... Анархія въ общественномъ производствѣ будетъ замѣнена планомѣрной сознательной организаціей. Борьба отдѣльныхъ людей за существованіе прекратится. Только при этомъ человѣкъ окончательно выдѣлится изъ царства животныхъ, перейдетъ въ условія истинно человѣческаго существованія. Совокупность условій жизни, окружающихъ людей и властвующихъ надъ ними, будетъ подчинена ихъ господству и контролю. Люди впервые станутъ истинными владыками природы именно потому, что они станутъ господами общественной жизни».

Авторъ приведеннаго отрывка высказываетъ убѣ-

жденіе, что вполнѣ сознательное творчество людей въ общественной жизни начнется только тогда, когда капиталистическій способъ производства уступитъ мѣсто болѣе совершенной формѣ—производству артельному. Несомнѣнно, товарищеская форма производства, на всѣхъ пунктахъ замѣнившая частно-капиталистическую, предполагаетъ для своего торжества высокое развитіе ума большинства людей и большую сумму накопленныхъ знаній; она облегчитъ сознательную и планомѣрную дѣятельность въ областяхъ, которыя еще не подчинены власти человѣка. Но странно было бы думать, что человѣкъ сразу совершитъ прыжокъ изъ состоянія, подобнаго животному, къ условіямъ истинно человѣческой жизни. Этотъ переходъ совершается медленно, постепенно, причемъ работа мысли каждаго поколѣнія облегчаетъ людямъ сознательно устраивать отдѣльныя сферы жизни, а распространеніе знаній безостановочно увеличиваетъ число людей, которые могутъ участвовать въ процессѣ сознательнаго творчества. И если, по мнѣнію писателя, слова котораго мы привели, и другихъ представителей того же направленія, капитализмъ является, сравнительно съ предъидущими формами, высшею ступенью въ развитіи народнаго хозяйства, то онъ знаменуетъ развитіе въ общественной жизни силъ, которымъ присуще болѣе сознательное отношеніе къ окружающей средѣ и большіе организаторскіе навыки относительно многихъ условій экономическаго быта, нежели то было возможно ранѣе.

Исторія человѣчества позволяетъ подкрѣпить эти положенія безчисленнымъ множествомъ примѣровъ. Возьмемъ сельское хозяйство. На низшихъ ступеняхъ экономическаго быта оно представляетъ, въ теченіе

длиннаго ряда столѣтій, однѣ и тѣ же черты, какъ въ крупномъ такъ и въ мелкомъ. Традиціонная русская соха, сохранившаяся въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ, и до сихъ поръ очень мало отклоняется отъ своего стариннаго типа. Вошедши въ употребленіе очень давно, она была полусознательно приспособлена къ потребностямъ полеводства и остается неизмѣнною въ теченіе столѣтій, а плуги усовершенствованныхъ образцовъ подвергаются цѣлесообразнымъ измѣненіямъ и улучшеніямъ не однажды въ годъ, особенно въ странахъ, гдѣ техника дѣлаетъ наибольшіе успѣхи. Успѣхи въ этой области и цѣлесообразность даже мельчайшихъ перемѣнъ, которыя совершаются въ ней, доказывается числомъ патентовъ, выдаваемыхъ на изобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій или перемѣну въ ихъ частяхъ. Присмотримся къ другому важному факту сельскаго хозяйства—перемѣнамъ, которыя происходятъ въ системахъ земледѣлія и видахъ воздѣлываемыхъ растеній. Русское трехполье даетъ въ этомъ отношеніи примѣръ, заслуживающій вниманія. Господствуя въ средней Россіи уже съ 16 столѣтія, оно было медленнымъ, почти незамѣтнымъ преемникомъ переложнаго хлѣбопашества; оно заняло мѣсто послѣдняго не по ясно сознанному и предварительно начертанному плану людей, а подъ вліяніемъ возроставшей плотности населенія. И разъ оно упрочилось, то явилась длящаяся многія поколѣнія картина однообразныхъ хлѣбныхъ посѣвовъ, ржи и немногихъ яровыхъ, при слабой умственной работѣ земледѣльца надъ тѣмъ, полезно ли держаться упрочившагося обычая, не цѣлесообразно ли сдѣлать въ полеводствѣ нѣкоторыя измѣненія. Сознательное творчество въ этой области выдѣлится особенно ярко,

если автоматически повторяемымъ пріемамъ хозяйства, которые связаны съ трехпольемъ, мы противопоставимъ вольныя системы земледѣлія, наилучше упрочившіяся вблизи большихъ городовъ: тамъ земледѣлецъ точно помнитъ то, что̀ дѣлали отцы и дѣды, во всей своей дѣятельности, до самыхъ мелочныхъ подробностей, копируетъ предковъ; здѣсь же онъ забылъ даже то, что̀ самъ дѣлалъ 2—3 года назадъ, а, прислушиваясь къ требованіямъ рынка, воздѣлываетъ продукты, на которые предъявляется наибольшій запросъ, слѣдитъ за дѣятельностью опытныхъ станцій и избираетъ то удобреніе, которое обезпечиваетъ наиболѣе обильные урожаи. Онъ съ карандашемъ въ рукѣ вычисляетъ, не будетъ ли ему выгодно купить новую, дорогую, только что изобрѣтенную машину и продать за безцѣнокъ свою малоподержанную, которою онъ пользуется еще немного лѣтъ.

Сознательное творчество въ народномъ хозяйствѣ обрисовывается особенно яркими чертами, если мы остановимся на строеніи и дѣятельности нѣкоторыхъ организацій, возникшихъ въ новое время. Таковы, напр., союзы предпринимателей, которые, въ своей новѣйшей формѣ, формѣ исполинскихъ синдикатовъ, еще не могутъ праздновать 25-лѣтняго юбилея. Мы можемъ на каждой частности въ ихъ строеніи и дѣятельности прослѣдить за тѣмъ, какъ ихъ организаторы ясно даютъ себѣ отчетъ и въ цѣляхъ, къ которымъ стремятся союзы, и въ условіяхъ экономической жизни, которыя опредѣляютъ ихъ дѣятельность. Современная экономическая жизнь даетъ гораздо болѣе вѣское доказательство, нежели можно было почерпнуть изъ прошлаго, что крупное производство побѣждаетъ мелкое и достигаетъ господствующаго

положенія во всѣхъ сферахъ хозяйственной жизни. Опираясь на знаніе только этого факта, организаторы союзовъ образуютъ огромныя общественно-хозяйственныя единицы, которыя властвуютъ надъ хозяевами и работниками, производителями и потребителями, запасами товаровъ и цѣнами, внутреннимъ и внѣшнимъ рынками. Изучая экономическій бытъ предъидущихъ вѣковъ, мы говоримъ о вліяніи монополій, которыя государство установляло или для себя или въ пользу частныхъ лицъ. Но какъ незначительны эти монополіи и по своимъ размѣрамъ, и по своему вліянію, когда мы сравнимъ ихъ съ монополіями, которыя даетъ сама жизнь исполинскимъ союзамъ предпринимателей нашего времени. Было бы наивно не видѣть въ этихъ союзахъ продукта сознательнаго творчества; оно вполнѣ зависитъ отъ условій экономической жизни, но достигаетъ своихъ цѣлей именно потому, что глубоко знаетъ эти условія. Остановимся нѣсколько на послѣдствіяхъ дѣятельности синдикатовъ, и мы согласимся, что они сознательно вносятъ замѣтныя, а иногда и крупныя перемѣны въ хозяйственную жизнь. Такъ, если при данныхъ техническихъ особенностяхъ извѣстной отрасли производства, въ ней могло бы быть 1000 предпріятій и 1000 частныхъ хозяйствъ могли бы занимать самостоятельное положеніе, то усилія синдикатовъ уменьшаютъ это число до немногихъ сотенъ, даже десятковъ и лишаютъ многихъ возможности достигнуть полной самостоятельности въ сферѣ производства. Американскій союзъ нефтяниковъ закрылъ или присоединилъ къ себѣ 74 завода; американскій сахарный синдикатъ обнялъ 18 предпріятій. И въ Россіи синдикатъ сахаро-заводчиковъ привелъ къ тому, что съ половины 80-хъ го-

довъ до настоящаго времени число заводовъ уменьшилось на 20 (240 и 220) хотя общее производство возросло въ $1^1/_2$ раза. Въ распредѣленіе богатствъ синдикаты вносятъ еще болѣе замѣтныя перемѣны. Установляя цѣны товаровъ внѣ вліянія соперничества, синдикаты держатъ ихъ на довольно высокомъ уровнѣ и удорожаютъ свои продукты для всѣхъ потребителей, что ложится бременемъ на бѣднѣйшіе классы населенія. Возможность же получать большіе барыши увеличиваетъ матеріальныя средства участниковъ синдиката и тѣмъ создаетъ болѣе рѣзкія имущественныя различія между богатыми и бѣдными. Сюда присоединяются и другія послѣдствія, которыя влечетъ за собою сосредоточеніе большихъ богатствъ въ немногихъ рукахъ: вліяніе на все направленіе политики, возможность—въ виду зависимости массы людей отъ каждаго крупнаго синдиката—проводить «своихъ» на административныя должности.

Возьмемъ другую высоко-важную организацію нашего времени—союзы рабочихъ. Можно-ли утверждать, что они—продуктъ безсознательной дѣятельности людей, слѣпо повинующихся экономическимъ законамъ? Ихъ возникновеніе и дѣятельность въ Англіи въ то время, когда законъ преслѣдовалъ ихъ, неослабная борьба ихъ сторонниковъ и съ равнодушіемъ рабочихъ, которые первоначально медленно входили въ составъ союзовъ, и съ внѣшними неблагопріятными условіями не доказываютъ-ли, что союзы, будучи порожденіемъ современнаго экономическаго строя, возникли, развились, окрѣпли и стали могучими организаціями, которымъ предстоитъ великая роль въ пересозданіи всего экономическаго уклада, подъ вліяніемъ сознательной дѣятельности всѣхъ, кто прибавлялъ хотя

небольшой камень къ этимъ величественнымъ зданіямъ? Что мы сказали о синдикатахъ, тоже съ нѣкоторыми измѣненіями въ частностяхъ можетъ быть сказано о союзахъ рабочихъ. Старѣйшіе союзы, англійскіе, имѣютъ уже 70-лѣтнюю исторію; каждое расширеніе ихъ программы позволяетъ прослѣдить за глубокой продуманностью ихъ дѣйствій, за полнымъ сознаніемъ связи между цѣлями союзовъ и средствами, которыми они пользуются для достиженія цѣлей. За первыя десятилѣтія существованія союзовъ стачки и и забастовки занимали въ ихъ дѣятельности выдающееся мѣсто; но постепенно упрочилось сознаніе, что нужно обращаться въ этой мѣрѣ только въ случаѣ крайней необходимости, такъ какъ хозяева промышленныхъ заведеній образуютъ противъ стачекъ оборонительные союзы, и есть иные способы достигать соглашенія,—путемъ переговоровъ съ хозяевами, введенія третейскихъ судовъ. Стачки настолько утратили предъ союзами значеніе главнаго средства борьбы съ предпринимателями, что, напр., изъ устава союза машиностроителей были даже вычеркнуты нѣкоторые пункты, легко вызывавшіе борьбу. Задаваясь цѣлью всесторонне служить интересамъ рабочихъ классовъ, союзы вносили въ свою программу все новыя и новыя задачи: помимо поддержанія больныхъ, увѣчныхъ, старыхъ, лишенныхъ занятія, явилось стремленіе союзовъ принимать мѣры противъ работы дѣтей, противъ поштучной платы, принимать мѣры къ повышенію уровня умственнаго развитія членовъ. Словомъ, каждый даже небольшой періодъ въ исторіи союзовъ рабочихъ знаменуетъ все болѣе глубокое и многостороннее пониманіе интересовъ рабочаго класса и все

болѣе близкое изученіе общественной среды, гдѣ они призваны дѣйствовать.

Перейдемъ въ другую область—къ формамъ труда, которыя справедливо пользуются сочувствіемъ всѣхъ истинно-гуманныхъ людей; вспомнимъ о движеніи, корое обнаружилось во Франціи въ концѣ 40-хъ годовъ, когда сотнями возникали артели. Прочитавшій исторію возникновенія артелей кресельниковъ, стульниковъ, фортепіанщиковъ, ламповщиковъ объяснитъ себѣ ихъ непоколебимое мужество, лишенія, которыя выпадали на ихъ долю, высокій героизмъ, проявленный въ этомъ скромномъ дѣлѣ, только свободнымъ выборомъ новой формы хозяйства, которая—такъ имъ казалось—должна измѣнить все лицо земли. Экономическая жизнь, развертывая картину страданій рабочаго класса, выдвинула предъ нимъ новый идеалъ и заставила страстно стремиться къ его осуществленію. Не слѣдуетъ объяснять безуспѣшность большей части этихъ начинаній тѣмъ, что, будто-бы, рабочіе дѣйствовали безсознательно, по мимолетному увлеченію, которое ослѣпляетъ человѣка. Сознательность ихъ стремленій доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что они придавали большое значеніе самопомощи и тѣснымъ, истинно товарищескимъ отношеніямъ, безъ которыхъ не могутъ сколько-нибудь успѣшно развиваться эти формы предпріятій. Они понимали, что можно противостоять подъ напоромъ крупнаго частно-капиталистическаго производства только при особыхъ исключительныхъ условіяхъ, по усвоеніи такихъ личныхъ качествъ, которыя стоятъ, вообще, гораздо выше средняго уровня. Они выбирали сознательно; большинство попытокъ было неудачно не потому, чтобы они не знали того, что избирали, но потому,

что не оцѣнивали во всей полнотѣ преградъ, которыя ставилъ имъ современный общественный строй.

Итакъ, если есть основаніе говорить, что древнѣйшіе факты народнаго хозяйства, такіе, напр., какъ деньги, мѣновыя сдѣлки, теряясь во мракѣ давно прошедшихъ вѣковъ, были результатомъ полусознательной дѣятельности нашихъ предковъ, инстинктивно приспособлявшихся къ условіямъ жизни, то нѣтъ основанія утверждать, что современная Европа, опираясь на большой запасъ знаній и наслѣдственно развитую привычку къ умственному труду, также безотчетно подчиняется силамъ, которыя дѣйствуютъ въ народномъ хозяйствѣ. Нѣтъ, мы видимъ на каждомъ шагу примѣры творчества въ экономической жизни, свободнаго въ выборѣ по стольку, по-скольку знаніе можетъ дѣлать человѣка свободнымъ. И это творчество обнаруживается, какъ въ созданіи новыхъ экономическихъ учрежденій, которыя, вообще, еще неизвѣстны, такъ и въ перенесеніи извѣстныхъ учрежденій исчужи; послѣднія могутъ упрочиться въ данной странѣ, если не встрѣчаютъ большихъ препятствій со стороны условій туземной жизни. Куда ни оглянемся, вездѣ мы наблюдаемъ, на ряду съ познаніемъ связи причинъ и слѣдствій, выраженіе идеаловъ и стремленій; въ однихъ случаяхъ мы стараемся ускорить наступленіе явленій, а въ другихъ—стремимся замедлить дѣйствіе причины. Вотъ что говоритъ Каутскій по этому вопросу: «Мы не хотимъ сказать, что общественное переустройство совершается само собою, что о немъ заботится непреодолимый, естественный процессъ развитія, безъ участія людей; мы не хотимъ сказать, что общественныя реформы являются чѣмъ-то ненужнымъ; что тѣмъ, которые страдаютъ

отъ противорѣчія между силами производства и строемъ права собственности и ихъ послѣдствіями, не остается ничего болѣе, какъ спокойно сложить руки и ждать, когда это противорѣчіе будетъ устранено. Когда говорятъ о естественности общественнаго развитія, то разумѣютъ при этомъ, что люди—не куклы, а люди съ извѣстными потребностями и страстями, съ извѣстными тѣлесными и духовными силами, которыя они и стараются примѣнять съ наибольшею для себя пользою. Праздно созерцать то, что кажется неизбѣжнымъ, не значитъ предоставить общественное развитіе собственному теченію, но значитъ остановить его... Можно воздѣйствовать на экономическое развитіе различными способами; можно ускорить его или замедлить, можно ослабить или усилить его вліяніе, можно смягчить или увеличить страданія, которыя оно причиняетъ». Таково мнѣніе писателя, который принадлежитъ къ сторонникамъ направленія въ наукѣ, высказывающагося наиболѣе послѣдовательно за законосообразность явленій общественной жизни, а въ частности, хозяйственныхъ. Напомнимъ, что сторонники этого направленія, выступая практическими дѣятелями, выдвигаютъ пункты, которые убѣждаютъ насъ въ полной возможности примирить знаніе закономѣрности общественной жизни и поставленіе цѣлей, къ достиженію которыхъ нужно напрягать всѣ силы. Эта партія требуетъ, напримѣръ, для Германіи всеобщаго и прямаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ для лицъ обоего пола, достигшихъ 20 лѣтъ, замѣны постояннаго войска ополченіемъ, отмѣны всѣхъ законовъ, которые стѣсняютъ свободу слова и собраній, которыя ставятъ женщину въ менѣе благопріятныя условія общественной дѣятельности, чѣмъ

стоятъ мужчины, требуетъ обязательнаго обученія всѣхъ въ общественныхъ школахъ, прогрессивности въ государственныхъ и общинныхъ налогахъ, восьмичасоваго рабочаго дня, широкаго развитія государственнаго страхованія рабочихъ и проч. Программа обширна; она охватываетъ всѣ стороны общественной жизни и позволяетъ говорить отъ лица всѣхъ, кто стремится къ осуществленію программы, что человѣкъ не только сознательно творитъ въ общественной жизни, не только совершаетъ въ ней частичныя измѣненія, но и является *носителемъ цѣлой системы цѣлей* при каждомъ актѣ своего участія въ общественной дѣятельности. Онъ руководствуется цѣлями и въ томъ случаѣ, когда хочетъ послужить самымъ низменнымъ потребностямъ своей природы, и тогда, когда одушевляется идеей общаго блага; цѣль есть налицо въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ воскресить давно прошедшее, безъ отчета передъ самимъ собой, можетъ-ли народъ снова переживать то, что давно отошло въ область преданій, и тогда, когда онъ пророчески раскрываетъ грядущія судьбы. Сознаніе закономѣрности общественныхъ явленій не противорѣчитъ возможности для человѣка ставить себѣ цѣли и даже цѣлую систему цѣлей, а знаніе общественной жизни, пониманіе слѣдствій, которыя будутъ произведены причинами, дѣйствующими теперь, облегчаетъ въ выборѣ такихъ цѣлей, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ законосообразности въ экономической жизни и стремленіе къ которымъ знаменуетъ ея развитіе.

IV.

За послѣднее десятилѣтіе въ развитіи русскаго народнаго хозяйства рѣзко обозначаются черты, которыя отличаютъ развитіе экономической жизни въ западной Европѣ и Америкѣ. Отмѣтимъ прежде всего ростъ главныхъ отраслей обрабатывающей промышленности и замѣну мелкихъ заведеній средними и крупными, усовершенствованіе орудій производства и возрастаніе успѣшности промышленнаго труда. Главная отрасль нашей крупной промышленности—хлопчато-бумажное дѣло, уже не говоря о его успѣхахъ за нѣсколько десятилѣтій, даетъ картину выдающагося роста даже въ послѣднія 12—15 лѣтъ. Еще въ 1873 году на русскихъ фабрикахъ было переработано хлопка не полныхъ 3.700.000 пудовъ, тогда какъ въ 1891 году его количество достигло $11^1/_2$ милліоновъ пудовъ. Годовой оборотъ всѣхъ вѣтвей хлопчато-бумажнаго производства не превышалъ въ 1880 году 240,4 милліоновъ, а въ 1889 году онъ былъ равенъ уже 487 милліонамъ. Подобное же движеніе находимъ мы и въ производствѣ чугуна: за 1881 годъ оно составляло 27,3 милліона рублей, тогда такъ въ 1893 году поднялось до 70,8 милліоновъ. Приготовленіе желѣза

увеличилось съ 17,9 милліоновъ пудовъ въ 1880 году до 30,1 мил. въ 1893. Но особенно крупный ростъ подмѣчается въ нефтяной промышленности: за 1871 г. было добыто только 2 милліона пудовъ нефти, а въ 1893—337 милліоновъ. Добыча каменнаго угля возросла съ 200,9 милліоновъ въ 1880 году до 460,2 милліоновъ въ 1893. Въ сахарномъ производствѣ мы тоже находимъ очень большое увеличеніе: за 1881/2 годъ общее количество произведеннаго сахара составляло не полныхъ 16 милліоновъ пудовъ, тогда какъ въ 1890/1 оно достигло 27½ милліоновъ. Укажемъ также на машиностроеніе. Въ 1870 году въ Россіи было произведено машинъ на 29.391,755 рублей, а въ 1890—почти на 50 милліоновъ. Сходныя сопоставленія могутъ быть сдѣланы и относительно многихъ другихъ отраслей промышленности. Замѣтимъ, что общая производительность фабрикъ и заводовъ въ Имперіи опредѣлялась суммою 1214 милліоновъ рублей для 1880 года и въ 1656 милліоновъ для 1890.

Мы получимъ однородное впечатлѣніе, если обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла—успѣшность промышленнаго труда. Не легко собрать данныя, которыя изображали бы точными числами производительность труда въ Россіи для различныхъ періодовъ. Однако, усовершенствованіе машинъ, которыми пользуется промышленность, даетъ для этого несомнѣнныя указанія. Прядильныя машины, введенныя за послѣдніе года въ русскомъ бумагопряденіи, увеличили на 10—15% производительность труда сравнительно съ тѣми машинами, которыя начали распространяться отъ 70-хъ годовъ. Число самоткацкихъ станковъ въ хлопчатобумажной промышленности, составлявшее для 1877 года 54,566, достигло въ 1886 г. 84,516, т. е.

увеличилось на 60%. Большее совершенство пріемовъ промышленности выражается и въ сахароваренiи: за 1881/2 годъ изъ свекловицы вышло 7,43% чистаго сахару, а въ 1890/1 году уже 9,73%.—Въ сельскомъ хозяйствѣ мы также находили ростъ производительности труда; его существеннымъ признакомъ является большее примѣненiе машинъ. До 70-хъ годовъ сельскохозяйственныя машины были совершенно исключительными явленiями. Съ тѣхъ поръ онѣ распространились въ крупныхъ хозяйствахъ южныхъ губернiй, отчасти въ среднихъ. Это доказывается усиленнымъ машиностроенiемъ, которое служитъ и сельскому хозяйству.

Съ перечисленными фактами связано и образованiе въ разныхъ отрасляхъ промышленности очень крупныхъ единицъ, которыя вовсе не были извѣстны еще недавнему прошлому. Возьмемъ, наприм., мукомольное дѣло. Хотя оно приняло довольно крупные размѣры еще въ 40-хъ годахъ, однако, только за послѣднiя 20 лѣтъ обнаружилась окончательная побѣда исполинскихъ паровыхъ мельницъ надъ средними и даже крупными водяными и паро-водяными. Въ 1893 году на Волгѣ было всего 186 мельницъ; изъ нихъ 40 крупныхъ, перемалывающихъ болѣе ½ милiона пудовъ ржи каждая, могли перемолоть 39 милiоновъ пудовъ (66% общаго количества), а 146 мелкихъ и среднихъ — 19½ милiоновъ пудовъ — 34%. Винокуренiе представляетъ другой примѣръ этого рода. Въ концѣ 60-хъ годовъ (1866—71) было въ среднемъ 4353 заводовъ со средней выкуркой 6770 ведеръ спирта, а за послѣднiе года (1886—91) существовало въ среднемъ 2107 заводовъ и на каждый приходилось въ среднемъ 15.261 ведро. Насколько крупные заводы заняли преобладающее положенiе въ

винокуренной промышленности, доказывается тѣмъ фактомъ, что хотя крупные составляли за послѣдніе годы только 80% общаго числа, однако они производили 38% (до 12 милліоновъ ведеръ) всего количества спирта. То же замѣчаемъ мы и въ сахароваренной промышленности. Въ 1854—55 гг. было 395 заводовъ, которые изготовили 800,000 пудовъ сахарнаго песку; въ 1881–82 годахъ было 235 заводовъ, но они изготовили сахарнаго песку около 16 милліоновъ пудовъ, а въ 1890—91 году осталось только 223 завода съ годичнымъ производствомъ около 28½ милліоновъ пудовъ сахару. Мы находимъ тоже и въ стекольной промышленности. Въ 1850 году въ Россіи было около 200 заводовъ, причемъ цѣнность ихъ издѣлій не достигала и 3 милліоновъ рублей, а въ 1890 году было 258 заводовъ съ годичной цѣнностью издѣлій до 11½ милліоновъ. Машиностроеніе даетъ намъ такую же картину. Съ 1850 по 1890 годъ число заводовъ увеличилось въ 13,52 раза, тогда какъ цѣнность издѣлій въ 100,78, т.-е. послѣдняя возросла относительно въ 7 разъ больше, нежели число заводовъ, и каждый заводъ сталъ среднимъ числомъ въ 7 разъ крупнѣе, чѣмъ былъ въ началѣ этого періода.

Параллельно съ развитіемъ крупной промышленности шло и развитіе кредита. Въ началѣ 60-хъ годовъ государственный банкъ былъ совсѣмъ микроскопическимъ учрежденіемъ; города, имѣвшіе значительные торговые обороты, довольствовались кредитомъ изъ скромныхъ средствъ городскихъ общественныхъ банковъ, а частные банки вовсе не были извѣстны. Но съ половины 60-хъ годовъ въ этой области замѣчается движеніе, которое изъ года въ годъ можетъ быть отмѣчено довольно крупными цифрами. Въ

1880 году государственный банкъ имѣлъ уже 55 конторъ и отдѣленій и сдѣлалъ оборотъ на 225 милліоновъ, а въ 1894 г.—на 329 милліоновъ, при 107 учрежденіяхъ. Обороты же частныхъ банковъ представлены теперь крупными цифрами: 40 коммерческихъ банковъ съ капиталомъ болѣе 160 милліоновъ рублей. Къ этому присоединяется успѣшное развитіе земельнаго кредита, сосредоточеннаго какъ въ частныхъ банкахъ, такъ и въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Когда говорятъ объ успѣхахъ русскаго народнаго хозяйства, то охотно останавливаются на желѣзныхъ дорогахъ. И здѣсь мы можемъ отмѣтить затрату крупной доли народнаго капитала — болѣе 2-хъ милліардовъ рублей — и протяженіе желѣзнодорожной сѣти почти въ 34,000 верстъ. Про всѣ желѣзныя дороги, которыя проводились въ Европейской Россіи, можно было сказать, что онѣ вызваны экономическими потребностями данной мѣстности или же стратегическими соображеніями. Почти каждая изъ нихъ,—одна больше, другая меньше,—служила интересамъ настоящаго поколѣнія и обѣщала въ недалекомъ будущемъ освободить государственное казначейство отъ приплатъ. А постройка сибирской дороги представлялась и представляется предпріятіемъ, которое должно вызвать къ жизни производительныя силы огромной территоріи и принести, только въ далекомъ будущемъ, замѣтные плоды. Приступая къ этому начинанію и ассигнуя огромный капиталъ на 7,000-верстный путь, безъ котораго еще долго могло бы обойтись наше отечество, Россія уподобилась въ желѣзнодорожной политикѣ наиболѣе богатому и экономически развитому государству—Соединеннымъ Штатамъ.

Развитіе внѣшней торговли также выдаетъ черты,

которыя уподобляютъ наше народное хозяйство экономіи европейско-американскаго міра. Оглядываясь назадъ, къ началу 70-хъ годовъ, мы замѣчаемъ крупное увеличеніе общихъ итоговъ по ввозу и вывозу: за 1872 — 1876 года средніе ежегодные обороты по ввозу и вывозу составляли 800 милліоновъ кредитныхъ рублей, тогда какъ въ 1893 году они дали 1 милліардъ 77 милліоновъ рублей, при уровнѣ цѣнъ, вообще, на 30% ниже, чѣмъ въ 70-хъ годахъ. Но въ нашей внѣшней торговлѣ обращаетъ на себя вниманіе фактъ бо́льшаго разнообразія предметовъ вывоза: въ первой половинѣ 70-хъ годовъ фабричныя, заводскія и ремесленныя издѣлія были представлены только 5 — 5½ милліонами ежегодно, тогда какъ въ 1890 — 1892 годахъ цѣнность вывезенныхъ издѣлій превышала 30 милліоновъ рублей въ годъ. А самый фактъ вывоза издѣлій свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ нашей промышленности.

Къ явленіямъ, почерпнутымъ изъ сферы народнаго хозяйства, можно пріобщить и данныя изъ міра финансовъ. Сюда относится прежде всего увеличеніе суммы государственныхъ долговъ, что отличаетъ финансовую политику и нашихъ западныхъ сосѣдей: сошлемся только на то, что государственный долгъ Россіи, составлявшій въ 1881 году 3,840,4 милліоновъ кредитныхъ рублей, достигъ въ 1894 году 5,589 милліоновъ.

Всѣ эти факты и многіе однородные имъ должны быть признаны или свѣтлыми сторонами экономической жизни народа, или же безразличными явленіями. Отмѣчая ихъ, изслѣдователь не можетъ умолчать и о темныхъ сторонахъ, которыя также напоминаютъ многое, переживаемое западной Европой и Америкой.

Такова биржевая игра. За послѣдніе два года она выразилась у насъ въ очень рѣзкихъ формахъ. Биржи Петербурга, Москвы и нѣкоторыхъ большихъ провинціальныхъ городовъ привлекаютъ къ себѣ людей не только богатыхъ, опытныхъ въ дѣлахъ, искусившихся въ торговыхъ оборотахъ, но и лицъ самаго скромнаго общественнаго положенія, съ маленькими средствами, лицъ, скопившихъ продолжительнымъ и упорнымъ трудомъ нѣсколько сотъ рублей и даже не знающихъ различія между акціями и облигаціями. Офицеръ, учительница музыки, прикащикъ книжнаго магазина, мелкій землевладѣлецъ, чиновникъ консисторіи, учитель гимназіи стоятъ, по своимъ занятіямъ, очень далеко отъ биржи; ремесленникъ и домашняя прислуга стоятъ еще дальше Но общее теченіе увлекаетъ и этихъ людей: слыша объ удачѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ, они постепенно увлекаются соблазнительными примѣрами и несутъ свои сбереженія въ банкирскія конторы. Развитіе биржевой игры выражалось въ крупномъ повышеніи цѣны многихъ бумагъ, послѣднее время въ сильномъ пониженіи; оно не разъ вызывало со стороны министерства финансовъ предостереженіе тѣхъ неопытныхъ людей, которые обыкновенно попадаютъ въ сѣти искусныхъ дѣльцовъ, и привело къ составленію проекта закона, который—такъ думаютъ многіе—долженъ поставить спекуляцію въ очень тѣсные предѣлы.

Насколько развитіе биржевыхъ оборотовъ съ цѣнными бумагами является результатомъ достаточнаго запаса свободныхъ денежныхъ капиталовъ и сопутствуетъ росту крупной промышленности, настолько же образованіе промысловыхъ и торговыхъ синдикатовъ, облегчаемое замѣной многихъ мелкихъ промыш-

ленныхъ и торговыхъ единицъ крупными, указываетъ на воспитаніе среди промышленниковъ и торговцевъ той дисциплины, которая не довольствуется тѣсными предѣлами даже обширнаго предпріятія, а стремится создать новыя и властныя организаціи для всего внутренняго, а частью и международнаго рынка. Мы находимъ въ Россіи начало и такихъ организацій. Русскія страховыя общества уже давно образовали синдикатъ; подобные союзы сложились также въ гвоздильной и писчебумажной промышленности, въ нефтяномъ дѣлѣ и особенно среди сахарозаводчиковъ. Послѣдній охватываетъ $^{9}/_{10}$ всѣхъ сахарозаводчиковъ, опредѣляетъ запасы сахару, который долженъ имѣть каждый изъ участвующихъ въ соглашеніи заводовъ на случай неурожая свекловицы, установляетъ высшій предѣлъ цѣны сахару, при которомъ возможенъ вывозъ заграницу, и указываетъ количество, которое можетъ вывезти каждый заводъ.

Отмѣтимъ, наконецъ, самыя темныя стороны новѣйшаго промышленнаго развитія Россіи. Во главѣ ихъ долженъ быть поставленъ избытокъ рабочихъ рукъ. Въ западной Европѣ, гдѣ населеніе деревень рѣзко отграничено отъ рабочихъ крупной промышленности, избытокъ людей, не имѣющихъ занятія, выражается въ томъ, что десятки и сотни тысячъ безземельнаго люда не знаютъ, къ чему приложить свой трудъ, и ожидаютъ помощи отъ частной благотворительности и общественнаго призрѣнія. Тамъ всѣ безработные являются пролетаріями, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора. Въ Россіи нельзя провести такую рѣзкую пограничную черту между работниками фабрикъ и заводовъ и деревенскимъ населеніемъ. Большая часть представителей первой группы принадлежитъ

къ крестьянству и сохраняетъ съ землею связь хотя бы только потому, что имѣетъ дворъ и клочекъ полеваго надѣла. Кто не имѣетъ привычнаго промысловаго занятія, тотъ не является, однако, совсѣмъ бездомнымъ. Но многочисленность незанятыхъ рабочихъ рукъ представляется въ особенно грозныхъ образахъ, когда мы ко всѣмъ, утрачивающимъ работу, вслѣдствіе лихорадочнаго движенія современной промышленности, прибавимъ тѣхъ, кого крупное производство лишило возможности продолжать занятіе кустарнымъ промысломъ, тѣхъ, имѣющихъ землю крестьянъ, которые по ничтожнымъ размѣрамъ надѣла, могутъ покрывать отъ него только $^1/_4$ часть своихъ скудныхъ потребностей. Особенный складъ русской жизни и объясняетъ, почему нужно отыскивать неимѣющихъ работы не только въ предѣлахъ городовъ или ближайшихъ окрестностяхъ фабрикъ, заводовъ, рудниковъ, а по всему пространству Имперіи, что нужно искать ихъ не только среди населенія столичныхъ подваловъ и чердаковъ, но и по крестьянскимъ дворамъ, не только среди тѣхъ, кто проводитъ ночь подъ открытымъ небомъ или платитъ за полнары въ ночлежномъ домѣ, но даже среди тѣхъ, кто имѣетъ избу съ надворными постройками и вспахиваетъ на собственной лошади свой надѣлъ. Забудемъ о числѣ русскихъ людей, не имѣющихъ занятія, какъ это число опредѣляется частными изслѣдователями и даже земствами; припомнимъ только цифры, собранныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ, и мы получимъ больше 2 милліоновъ мужчинъ; вмѣстѣ съ членами ихъ семей это составитъ больше 6 милліоновъ.

Не мудрено, если и нашему отечеству знакомы тѣ явленія, которыя принято называть стачками и за-

бастовками. Есть внѣшнія причины, вслѣдствіе которыхъ стачки не принимаютъ у насъ такихъ широкихъ размѣровъ, какъ на Западѣ, не охватываютъ одновременно нѣсколько отраслей промышленности или, по крайней мѣрѣ, многихъ промышленныхъ заведеній. Однако, вспыхивая то здѣсь, то тамъ, вызываемыя то ночной работой, обыкновенно очень тягостной, то исполненіемъ нѣкоторыхъ фабричныхъ работъ въ праздники, то строгими взысканіями администраціи, то вычетами изъ заработной платы, онѣ являются вполнѣ родственными фактамъ этого рода, которые даетъ намъ Западъ.

Отмѣчу еще одинъ пунктъ—пониженіе тѣлесныхъ силъ населенія въ мѣстностяхъ, которыя имѣютъ наиболѣе развитую крупную промышленность. Какъ на Западѣ промышленные округа даютъ обыкновенно наибольшій процентъ молодыхъ людей, негодныхъ къ отбыванію воинской повинности, такъ и въ Московской, напр., губерніи рабочіе бумагопрядиленъ гораздо меньше ростомъ и имѣютъ болѣе узкую грудь, чѣмъ чернорабочіе, уроженцы той же Московской губерніи. Многочисленныя измѣренія рабочихъ показали, что всѣ рабочіе безъ различія мѣста рожденія и занятій имѣютъ средній ростъ въ 165,2 сантиметровъ, тѣ же, которые работаютъ на фабрикахъ, имѣютъ ростъ въ 162—164 сантиметра. И въ то время, какъ средній вѣсъ рабочихъ безъ различія занятій достигаетъ $59^1/_2$ килограммовъ, вѣсъ фабричныхъ рабочихъ не превышаетъ 57—58. Къ этому присоединяется и незначительное во многихъ отрасляхъ число рабочихъ, которые перешагнули за 40 лѣтъ: въ обработкѣ хлопчатой бумаги ихъ встрѣчается 22%, 9,48% и даже 9,30% (прядильщики и самоткачи). А такъ

какъ въ другихъ отрасляхъ труда это число превышаетъ даже 70% (ручные ткачи сукна) и 73 — 77% (чернорабочіе), то малое число лицъ, перешедшихъ за 40-лѣтній возрастъ, есть живое доказательство преждевременной дряхлости и смерти.

Можно уловить и другія сходства между развитіемъ хозяйственной жизни Россіи и процессами, которые совершаются на Западѣ или въ Америкѣ. До сихъ поръ мы вели рѣчь о перемѣнахъ, которыя происходятъ какъ бы механически; мы не видимъ дѣятелей: мы наблюдаемъ только массовыя силы въ дѣйствіи и оцѣниваемъ послѣдствія, которыя они влекутъ за собой. Теперь же мы напомнимъ о планомѣрной дѣятельности, направленной къ измѣненію нѣкоторыхъ условій экономической жизни. Такова прежде всего дѣятельность правительства. Уже одна страница въ этой дѣятельности — политика внѣшней торговли — раскрываетъ намъ очень большое сходство между Россіею и ея западными сосѣдями. Покровительство туземной промышленности посредствомъ таможенныхъ пошлинъ стало усиливаться въ Западной Европѣ съ конца 70-хъ годовъ. И у насъ, начиная отъ 1877 года, это теченіе, обозначаясь все болѣе и болѣе рѣзко, привело къ высоко охранительному тарифу 1891 года. Съ 1891 года въ западной Европѣ совершился переломъ: торговая политика перешла изъ періода высокихъ и односторонніхъ таможенныхъ тарифовъ въ періодъ торговыхъ договоровъ; и у насъ съ 1893 года былъ заключенъ рядъ торговыхъ договоровъ съ нашими сосѣдями. Въ эту же сферу дѣятельности относятся и другія мѣропріятія, направленныя къ отысканію новыхъ внѣшнихъ рынковъ. Поиски за рынками со стороны Европы издавна выражаются въ ея коло-

ніальной политикѣ, а также въ преміяхъ на вывозимые товары отечественнаго производства. Въ Россіи также была усвоена система премій (на спиртъ, сахаръ, предложеніе премій на уголь), и съ тѣмъ вмѣстѣ правительствомъ и частными обществами былъ сдѣланъ рядъ попытокъ для ознакомленія съ Малой Азіей, Персіей, Египтомъ, какъ странами, которыя могутъ быть покупателями русскихъ товаровъ. Можно найти очень большое сходство и въ сферѣ кредита. Въ области государственнаго кредита западно-европейскія государства ступили еще въ началѣ нынѣшняго вѣка на путь пониженія процентовъ по займамъ. И въ нашемъ отечествѣ съ конца 80-хъ годовъ былъ начатъ рядъ конверсій государственныхъ долговъ, обратившій ихъ изъ 5%-ныхъ въ 4%-ные. Однородныя теченія обнаружились и въ сферѣ общественнаго кредита. Западная Европа и Америка уже давно выработали разнообразныя формы, посредствомъ которыхъ кредитъ дѣлается доступнымъ и для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. У насъ это движеніе, начавшееся въ 60-хъ годахъ посредствомъ насажденія ссудосберегательныхъ артелей, не дало удовлетворительныхъ результатовъ. И, вотъ, въ самое послѣднее время, съ измѣненіемъ устава государственнаго банка, поставлены на очередь такія операціи, которыя должны облегчить выдачу ссудъ и ремесленникамъ, кустарямъ, крестьянамъ. Напомнимъ также о фабричныхъ законахъ Вмѣшательство государства въ эту область началось на Западѣ и Америкѣ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ; у насъ первый фабричный законъ изданъ только въ 1882 году. Теперь мы располагаемъ нѣкоторыми нормами, ограничивающими въ промышленности власть хозяина надъ работниками. — Къ сказанному можно

было бы пріобщить и еще много другихъ параллелей.

Движеніе въ литературѣ также заслуживаетъ вниманія. Между европейско-американскимъ міромъ и нашимъ отечествомъ мы находимъ, во-первыхъ, то общее сходство, что на разработку экономическихъ вопросовъ затрачивается больше силъ, чѣмъ на изученіе другихъ сторонъ жизни, вмѣстѣ взятыхъ. И, во-вторыхъ, можно отмѣтить также другое сходство у насъ, подобно тому, какъ на западѣ Европы и въ Америкѣ, многіе экономисты и практическіе дѣятели ждутъ улучшенія общественной жизни отъ дальнѣйшаго развитія силъ, которыя дѣйствуютъ уже давно; необходимы, думаетъ большинство, лишь тѣ частичныя поправки, которыя можетъ вносить государственная власть и которыя можетъ создавать присущее людямъ чувство дружелюбія. Пусть крупная промышленность дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи на развалинахъ мелкаго производства; пусть возрастаетъ городское населеніе на счетъ сельскаго; пусть работа внутри семьи для собственныхъ потребностей на всѣхъ пунктахъ замѣняется платнымъ потребленіемъ; пусть огромныя предпріятія новаго времени достигаютъ въ синдикатахъ по истинѣ гигантскихъ размѣровъ... Если зоркій глазъ государства будетъ неослабно слѣдить за теченіемъ промышленной жизни, то могутъ быть смягчены всѣ невыгоды, которыя она причиняетъ слабѣйшимъ членамъ общества. Отсюда—усиленное развитіе фабричныхъ законовъ, страхованіе рабочихъ, улучшеніе жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ и проч. и проч. И въ нашей экономической литературѣ слышатся громкіе голоса, что развитіе промышленной жизни, какъ оно совершается въ западной Европѣ,

есть развитіе нормальное, что нужно ускорить это теченіе у насъ и мы войдемъ въ русло, которое постепенно приведетъ къ высокому уровню благосостоянія и правильному распредѣленію богатства. И наша литература и протоколы ученыхъ обществъ, которыя работаютъ надъ экономическими вопросами, содержатъ запасы изслѣдованій и разсужденій, а главное, проектовъ и соображеній о томъ, что должно быть сдѣлано для скорѣйшаго развитія промышленной жизни; цѣль этихъ соображеній и проектовъ составляетъ развитіе нашей промышленности въ направленіи, которое она приняла на Западѣ и уподобленіе нашего отечества великому американскому государству, которое, будто-бы, представляетъ во многомъ большое сходство съ нашей родиной.

Все это оправдываетъ выводъ, что Россія переживаетъ тотъ періодъ экономическаго развитія, который Западъ переживалъ 50 лѣтъ тому назадъ. Если извѣстные экономическіе факты (размѣры отдѣльныхъ отраслей промышленности, обороты банковъ, желѣзнодорожное дѣло) выражаются на Западѣ и въ Америкѣ милліардами, а у насъ только сотнями милліоновъ, то количественная разница не затемняетъ характера движенія и позволяетъ заключить объ однородности экономической жизни въ Россіи и на Западѣ. А если такъ, то не позволительно-ли утверждать, что и въ будущемъ наше народное хозяйство будетъ повторять то, что уже пережито опередившими насъ народами, и мы, изучая бытъ нашихъ сосѣдей, получаемъ право сказать, что Россія обнаружитъ современемъ тѣ же черты, дастъ тѣ же формы жизни, которыя теперь мы наблюдаемъ на Западѣ?

V.

Какъ ни напрашивается такой выводъ, въ русской литературѣ есть писатели, которые рѣшительно отказываются сдѣлать его. Это направленіе, извѣстное подъ именемъ *народническаго*, заслуживаетъ серьезнаго вниманія критической мысли. Оно представляетъ намъ интересъ въ двоякомъ отношеніи: 1) оно указываетъ нѣкоторыя общія условія экономической жизни, служащія ручательствомъ за то, что развитіе народнаго хозяйства Россіи во многомъ не будетъ сходно съ развитіемъ Запада; 2) оно отмѣчаетъ въ русской жизни силы, которыя облегчатъ намъ миновать путь, пройденный Западомъ, и помогутъ построить наше народное хозяйство на основаніяхъ, гораздо болѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ справедливости, нежели жизнь народовъ Европы. Г. В. В., одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ представителей этого направленія, оцѣнивая законы экономическаго развитія человѣчества, считаетъ возможнымъ для странъ, которыя отстали въ промышленной жизни, одинъ изъ трехъ исходовъ. «1) Или страны, позднѣе выступившія на путь развитія, должны вѣчно оставаться на низкой, напримѣръ, ремесленной ступени его, 2) или процессъ

обобществленія труда можетъ совершиться у нихъ инымъ, некапиталистическимъ путемъ, 3) или, наконецъ, онъ совершится лишь послѣ того, какъ въ странахъ, ушедшихъ впередъ, капиталистическое производство закончитъ всю цѣпь своего развитія и превратится въ народное; въ такихъ странахъ производство перестанетъ стремиться къ возможному расширенію; цѣлью его будетъ не наводненіе иноземныхъ рынковъ товаромъ ради возростанія прибавочной стоимости, а удовлетвореніе потребностей самихъ производителей, которые въ то же время и хозяева, и рабочіе; всякое техническое улучшеніе въ орудіяхъ производства будетъ служить не къ расширенію послѣдняго, а къ сокращенію труда работающихъ, увеличенію ихъ досуга» [1]). Въ странахъ, гдѣ всего ранѣе совершилось развитіе капиталистической промышленности, должны были быть на лицо люди, свободные для найма, т.-е. лишенные земли и другихъ орудій самостоятельнаго производства. Въ этихъ странахъ капиталистическое производство развивалось медленно, такъ какъ вырабатывало методу для своего развитія. Тамъ область самостоятельнаго приложенія рабочими своего труда сокращалась постепенно, вслѣдствіе чего и не происходило повальнаго обѣдненія массы народа. Привыкнувъ къ довольно высокому уровню потребностей, рабочіе въ такихъ странахъ удерживали заработную плату на извѣстной высотѣ. Въ странахъ, которыя позднѣе выступили на путь капиталистическаго развитія, процессъ можетъ совершиться гораздо болѣе быстро. Ремесло въ новой отрасли производства можетъ и не проходить здѣсь всѣхъ ступеней, которыя

---

[1]) В. В. Судьбы капитализма въ Россіи. 1882, 16.

были пройдены тамъ, гдѣ крупная промышленность развилась ранѣе: оно можетъ перескакивать чрезъ нѣсколько ступеней Русскому промышленнику, намѣревающемуся замѣнить ручное производство машиннымъ, вовсе нѣтъ надобности первоначально пріобрѣсти машины, которыя употреблялись въ Англіи 50 лѣтъ тому назадъ, позднѣе замѣнить такими, которыя были тамъ въ ходу 20 лѣтъ назадъ и только послѣ нихъ перейдти къ новѣйшимъ. Онъ можетъ сразу ввести наиболѣе усовершенствованныя машины. А это ставитъ запросъ на наемныхъ рабочихъ въ очень тѣсные предѣлы. Въ такой странѣ, какъ Россія, крупная промышленность можетъ развиваться безъ того, чтобы многочисленныя массы населенія были обезземелены, потеряли свои орудія производства и давали обильный матеріалъ для наемнаго труда. Однако, этимъ массамъ неизбѣжно грозитъ обѣдненіе. Самостоятельные ремесленники и землевладѣльцы-кустари не могутъ соперничать съ крупнымъ производствомъ: послѣднее, уменьшая ихъ заработокъ отъ промысла или даже вовсе лишая его, или оставитъ ихъ самостоятельными земледѣльцами, но полуголодными, или вынудитъ ихъ бросить земельный надѣлъ и бродить по свѣту въ поискахъ за работой. «Не думаемъ,—говоритъ г. В. В.,— чтобы такая перспектива для работника молодыхъ странъ имѣла какія-либо преимущества передъ участью странъ зрѣлыхъ. Тамъ рабочій-пролетарій бросалъ родину, не желая конкуренціей понизить заработную плату до minimum'a; здѣсь самостоятельный земледѣлецъ бросаетъ свое хозяйство, убѣгая отъ голодной смерти или полуголоднаго существованія» [1]). Овла-

[1]) В. В. Т. ж., 19.

дѣвъ внутренними рынками и произведя опустошенія въ рядахъ ремесленниковъ и кустарей, частно-капиталистическое производство не достигнетъ большихъ размѣровъ, вслѣдствіе ограниченности рынка сбыта, такъ какъ ему не удастся овладѣть внѣшними рынками: на немъ господствуютъ народы, ранѣе развившіе свою промышленность и было бы напрасно надѣяться вытѣснить ихъ оттуда. Другой изслѣдователь русской экономической жизни г. Николай—онъ съ удареніемъ говоритъ о трудности для Россіи завоевать внѣшніе рынки. «Какъ продуктъ каждой фабрики далеко превосходитъ потребность въ немъ всего работающаго фабричнаго населенія, точно также продуктъ капиталистической націи далеко превосходитъ потребность въ немъ всего занятаго промышленностью населенія и превосходитъ именно потому, что нація эта капиталистическая, раздѣленіе общественныхъ рабочихъ силъ которой направлено не на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей населенія, а на удовлетвореніе потребленія платящаго. Поэтому какъ отдѣльный фабрикантъ, какъ капиталистъ не можетъ просуществовать и дня, если его рынокъ ограничится только предѣлами потребностей его рабочихъ и его собственныхъ, точно такъ же не можетъ удовлетвориться одними своими собственными внутренними рынками и развившаяся капиталистическая нація... Выходомъ изъ такого затрудненія представляется расширеніе рынка за предѣлы страны—пріобрѣтеніе внѣшняго рынка» [1]). Сравненіе цѣнъ однихъ и тѣхъ же товаровъ, производимыхъ въ Англіи и Россіи, показываетъ, что наши

[1]) Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. 1893, 205.

надежды на пріобрѣтеніе внѣшнихъ рынковъ не могутъ оправдаться. Сравнивая на московскомъ и ливерпульскомъ рынкахъ цѣны хлопка, пряжи и миткаля извѣстныхъ сортовъ, мы получаемъ выводъ, что на московскихъ фабрикахъ къ одному пуду хлопка, пряденье и ткачество прибавляли, сравнительно съ цѣною хлопка, 117,50%, тогда какъ въ Англіи—49,3%. Оказывается, что производительность труда англійскихъ бумагопрядильныхъ и бумаготкацкихъ фабрикъ вдвое выше, нежели русскихъ, положено вдвое меньше труда и, даже при одинаковой цѣнѣ хлопка, англичане могутъ продавать товаръ почти въ полтора раза дешевле, чѣмъ русскіе (217,5:149) [1]). Разница въ успѣшности труда и отражается на снабженіи внѣшняго рынка: Англія вывозитъ бумажныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій на 850 милліоновъ рублей въ годъ, а Россія только на 12—15 милліоновъ. Оба названные мною экономиста высказываютъ и ту мысль, что если бы Россіи удалось завладѣть внѣшними рынками и вытѣснить съ нихъ западную Европу и Америку, то могла-бы быть доставлена работа только небольшой части людей, которые не находятъ занятія: нужно только немногимъ болѣе 600,000 человѣкъ, чтобы одѣть въ хлопчатобумажныя издѣлія $^2/_3$ всѣхъ потребителей ихъ на земномъ шарѣ; чтобы получить все количество угля, добываемаго Англіей, нужно только 500,000 рабочихъ. То же можно сказать и о всѣхъ другихъ производствахъ.

На ряду съ недостаточностью рынка, который препятствуетъ широкому развитію у насъ крупнаго частно-капиталистическаго производства, есть и дру-

[1]) Т. ж., 207.

гое препятствіе: дешевизна рабочихъ рукъ. Введеніе машинъ можетъ быть выгодно только при томъ условіи, что онѣ вытѣсняютъ довольно дорогія рабочія руки. Какъ скоро ручной трудъ, замѣняемый машиннымъ, очень дешевъ, то становятся невыгодными техническія усовершенствованія, съ которыми обыкновенно связано крупное производство. Гдѣ, какъ въ Америкѣ или Англіи, трудъ въ 2, 3, 4 раза дороже, чѣмъ у насъ, тамъ введеніе машинъ становится безусловно необходимымъ.

Эти разсужденія, подкрѣпляемыя довольно большимъ числомъ фактовъ изъ русской жизни, побуждаютъ сторонниковъ народническаго направленія сдѣлать такіе выводы: 1) Крупное частно-капиталистическое производство, перенесенное къ намъ съ Запада, не можетъ охватить такую массу населенія, чтобы дать тонъ всей нашей хозяйственной жизни. 2) Развившись въ нѣкоторыхъ, быть можетъ, довольно многихъ отрасляхъ до возможности удовлетворить всю потребность въ данныхъ товарахъ внутри страны, оно уничтожитъ мелкіе промыслы и будетъ причиной обѣднѣнія многихъ милліоновъ русскихъ людей.

Въ этихъ положеніяхъ много вѣрнаго; однако, нужно ограничить ихъ. Такъ, прежде всего, нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что дешевизна рабочихъ рукъ препятствуетъ развитію въ Россіи машиннаго производства. Если новый способъ производства только въ небольшой мѣрѣ увеличиваетъ успѣшность труда, и расходы на введеніе перваго значительны, то дешевая заработная плата препятствуетъ такому промышленному преобразованію. Если же машина дѣлаетъ трудъ во много разъ болѣе успѣшнымъ, то становится выгоднымъ ввести ее, хотя бы да

имѣла въ 2—3 раза низшую плату, нежели народы, занимающіе въ промышленности первыя мѣста. Съ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка въ русскую хлопчатобумажную промышленность начали вводить заграничныя машины; выгодность ихъ примѣненія сказалась въ томъ, что свѣтелки кустарей, работавшихъ на ручныхъ ткацкихъ станкахъ, стали закрываться и крупная фабрика стала господствующимъ типомъ промышленныхъ единицъ въ этой отрасли производства. То же скажемъ мы о гвоздарномъ промыслѣ. Русскіе кустари куютъ гвозди съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, рабочій день содержитъ 16 часовъ, доходъ отъ промысла считается достаточнымъ, если достигаетъ только 50 рублей въ годъ. И, несмотря на такое напряженіе силъ и такія скромныя потребности, заводы, изготовляющіе гвозди машиннымъ способомъ, вытѣсняютъ этотъ кустарный промыселъ изъ самыхъ отдаленныхъ закоулковъ, гдѣ онъ еще сохранился. Тоже скажемъ мы и о сельскомъ хозяйствѣ. Вообще дѣлая въ Россіи мало успѣховъ, оно годъ отъ году даетъ все больше доказательствъ того, что машины доставляютъ ему выгоду. И это наблюдается не только въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ рабочій очень дорогъ, но и въ среднихъ черноземныхъ—Тульской, Орловской, Пензенской, гдѣ заработная плата крайне низка. Изслѣдованія, произведенныя полтавскими земскими статистиками еще въ половинѣ 80-хъ годовъ, показываютъ, что въ крупныхъ имѣніяхъ довольно распространены жнеи, паровыя молотилки, конныя грабли, а въ среднихъ имѣніяхъ, по крайней мѣрѣ, сѣялки и конныя молотилки. Нѣтъ, это обстоятельство не воспрепятствуетъ развитію у насъ машиннаго производства. Имѣя передъ собой относительно техники мно-

жество образцовъ за предѣлами отечества, русскіе промышленники избавлены отъ необходимости изобрѣтать; они могутъ брать готовымъ то, что наиболѣе пригодно по условіямъ мѣста и времени.

Первое соображеніе — объ отсутствіи внѣшнихъ рынковъ — имѣетъ болѣе существенное значеніе. Есть ли въ самомъ дѣлѣ основаніе разсчитывать, что Россія можетъ удержать за собою первенствующее мѣсто на міровомъ рынкѣ относительно какого-либо изъ товаровъ, которые она вывозитъ? Мы допускаемъ, что ея вывозъ возрастетъ сравнительно съ цифрами послѣднихъ лѣтъ, возрастетъ не только относительно сырья, которое составляетъ 95% въ итогѣ вывоза, но даже относительно полуфабрикатовъ и издѣлій. Но мы рѣшительно не видимъ основаній, которыя позволили-бы предсказать, что Россія будетъ властвовать на всемірномъ рынкѣ относительно какой-либо крупной статьи своего вывоза. Американцы, англичане, французы, нѣмцы превосходятъ насъ и общимъ, и техническимъ образованіемъ, высотой промышленнаго искусства, разнообразными приспособленіями для производства товаровъ и ихъ перевозки, энергіей труда, и мы не можемъ понять, какіе успѣхи дадутъ нашей жизни рѣзкій толчекъ къ движенію впередъ и затормозятъ развитіе другихъ народовъ настолько, чтобы мы съумѣли опередить ихъ и стать господами въ какой-либо обширной области всемірнаго рынка. Извѣстно, что движеніе совершается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ дальше двигается тѣло; это положеніе примѣнимо и къ общественной средѣ: а потому параллельно съ улучшеніями, которыя будутъ дѣлать въ Россіи относительно производства товаровъ, кредита, желѣзныхъ и водныхъ путей, наши главные соперники за-гра-

ницей будутъ дѣлать еще болѣе крупныя усовершенствованія въ своей хозяйственной жизни.

Однако, принято ссылаться на естественныя богатства Россіи, какъ скоро обсуждаютъ вопросъ о возможности для нея упрочиться на міровомъ рынкѣ съ нѣкоторыми или даже многими продуктами нашего производства. Не будемъ преувеличеннаго мнѣнія о нашихъ естественныхъ богатствахъ. Конечно, страна, столь обширная и рѣдко населенная, какъ Россія, имѣетъ много естественныхъ богатствъ, до которыхъ еще не коснулась человѣческая рука: есть милліоны десятинъ плодородной земли, еще не взятой подъ культуру, есть воды, обильныя рыбой, гдѣ еще мало развитъ рыболовный промыселъ, есть обильныя мѣсторожденія металловъ и минераловъ, еще не взятыя въ разработку. Запасъ нашихъ естественныхъ богатствъ производитъ особенно сильное впечатлѣніе, когда разсматриваемъ его абсолютно и когда сопоставляемъ его съ низкимъ уровнемъ техники и мало развитою промышленностью нашего отечества. Разнообразные дары природы, которыми владѣетъ Россія, представляются громадными и тогда, когда сравниваемъ наше отечество съ западной Европой, которая густо населена и пространствомъ далеко уступаетъ Россійской Имперіи. Если же взять всю ту часть земнаго шара, которая входитъ въ составъ міроваго рынка, то окажется, что Россія уступаетъ и Америкѣ (особенно сѣверной и южной вмѣстѣ взятымъ) и обширнымъ пространствамъ южной Азіи, Африки и Австраліи, что она уступаетъ имъ прежде всего въ отношеніи климата. Прибѣгнемъ къ сравненіямъ. Когда то[illegible]ъ объ естественныхъ богатствахъ Россіи, то обыкновенно имѣютъ въ виду ея азіатскія владѣнія. Европейская

Россія или довольно густо населена, или же (сѣверныя губерніи) принадлежитъ такому климатическому поясу, гдѣ нельзя ожидать ни большаго роста населенія, ни развитія разнообразной промышленной жизни. Азіатская Россія представляетъ площадь около 16½ милліоновъ километровъ съ населеніемъ только около 20 милліоновъ душъ. Какъ ни кажется великъ земельный просторъ въ Сибири и средне-азіатскихъ владѣніяхъ, не слѣдуетъ забывать, что большая часть этой площади лежитъ въ климатѣ очень суровомъ, мало обѣщающемъ для развитія хозяйственной жизни. Если изъ средне-азіатскихъ владѣній откинуть степи, которыя поддадутся культурѣ только по затратѣ очень большихъ капиталовъ, когда уже будутъ заняты болѣе удобныя мѣста земнаго шара, то окажется, что, быть можетъ, ⅓ всего этого пространства, 5—6 милліоновъ километровъ, должна быть отнесена къ мѣстностямъ, допускающимъ въ недалекомъ будущемъ расцвѣтъ хозяйственной жизни. Ограничивая такой цифрой площадь, которая представляетъ разнообразныя естественныя богатства, мы не только не умаляемъ ихъ, но идемъ отчасти даже дальше оффиціальныхъ исчисленій. Эти исчисленія опредѣляютъ для лучшихъ мѣстъ Сибири и средней Азіи очень скромною цифрою площадь земель, которыя могутъ послужить мѣстомъ водворенія переселенцевъ изъ Европейской Россіи: въ лучшихъ округахъ Тобольской губерніи—Ишимскомъ, Курганскомъ, Ялуторовскомъ почти не находятъ такихъ земель; подобные же отзывы даются о Минусинскомъ округѣ, нѣкоторыхъ округахъ Акмолинской области и другихъ. Площадь въ 5—6 милліоновъ километровъ, если признать таковою удобную часть владѣній Азіатской Россіи, огромна; при благо-

пріятныхъ условіяхъ она могла бы прокормить не одну сотню милліоновъ. Но она становится очень скромною, если припомнить богатства, которыми природа надѣлила другія страны земнаго шара. Четыре южно-американскія государства—Бразилія, Аргентина, Перу и Чили имѣютъ площадь въ 23 милліона километровъ, а австралійскія колоніи Великобританіи до $8^1/_4$ милліоновъ. Общее число жителей на этой площади, превосходящей всю азіатскую Россію, только немногимъ превышаетъ 30 милліоновъ. Конечно, и среди этихъ пространствъ найдутся мѣста, не легко поддающіяся культурѣ; но ихъ сравнительно немного: во всякомъ случаѣ, удобная площадь далеко превосходитъ Азіатскую Россію, а климатомъ эти мѣста превосходятъ даже лучшія части Россійской Имперіи. Къ этому нужно прибавить и многія малонаселенныя части Соединенныхъ Штатовъ, Канады, долину Конго и разныя другія мѣстности земнаго шара. Разъ всѣ лучшія мѣста земнаго шара будутъ захвачены въ вѣдѣніе европейско-американской культуры, то многіе иноземцы выступятъ на всемірномъ рынкѣ представителями болѣе обильныхъ естественныхъ богатствъ, нежели Россія, и побѣдятъ насъ, даже при одинаковомъ уровнѣ техническихъ знаній. Такимъ образомъ, мы не видимъ основанія ссылаться на естественныя богатства, какъ на условіе, которое поможетъ намъ завладѣть значительною частью всемірнаго рынка.

Слабая надежда на то, что страна откроетъ себѣ обширный внѣшній рынокъ, заставляетъ сдѣлать относительно ея экономическаго будущаго такое предсказаніе. Однимъ исходомъ будетъ умноженіе класса безработныхъ. Наука говоритъ намъ, что въ каждой странѣ, имѣющей развитую крупную промышленность,

нѣсколько сотъ тысячъ не находятъ себѣ занятія. Нельзя опредѣлить точною цифрою maximum числа безработныхъ, которое можетъ приходиться на какую-либо страну: нельзя сказать, что число безработныхъ въ странѣ не можетъ превышать 3, 5, 10% всего населенія. Очень большое число безработныхъ уживается съ высоко развитой промышленностью и съ картиной блестящихъ техническихъ успѣховъ. Частная благотворительность и общественное призрѣніе—вотъ источники, на которые живутъ люди, не имѣющіе занятія. Мы можемъ изобразить такимъ примѣромъ результаты, которые пріобрѣтаетъ народное хозяйство вслѣдствіе увеличенія числа безработныхъ. Предположимъ, что, при общемъ числѣ жителей въ 4 милліона, годовой доходъ равенъ 1 милліарду рублей, т.-е. по 250 рублей на каждаго жителя. Но 200.000 душъ не имѣютъ занятія и не зарабатываютъ ничего, 50 милліоновъ, которые при поголовной развертскѣ приходились-бы на ихъ долю, поступаютъ состоятельнымъ классамъ. Если, вслѣдствіе неравнаго распредѣленія доходовъ между общественными группами, на каждаго изъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія приходится только 125 рублей въ годъ, то безработные получили-бы, имѣй они работу, 25 милліоновъ; но благотворительность даетъ имъ, быть можетъ, только по 50 рублей на душу, т.-е. въ итогѣ 10 милліоновъ, а 15 распредѣляются между остальными, преимущественно, болѣе достаточными классами населенія. Представимъ себѣ теперь, что дальнѣйшіе успѣхи техники позволяютъ обществу имѣть ежегодный доходъ въ 1 милліардъ при меньшемъ числѣ работающихъ и что не 200.000, какъ прежде, а 400.000 душъ образуютъ безработныхъ. Еслибы они работали, то, согласно съ

предыдущимъ расчетомъ, на ихъ долю пришлось-бы 50 милліоновъ рублей въ годъ. Не имѣя занятія, они живутъ на счетъ частной благотворительности или общественнаго призрѣнія и получаютъ только 20 милліоновъ. Можно прослѣдить еще дальше за этимъ движеніемъ. Оцѣнивая этотъ процессъ, мы получаемъ право сдѣлать такіе выводы. Увеличеніе числа людей, не имѣющихъ занятія, не всегда связано съ обѣднѣніемъ страны въ томъ смыслѣ, чтобы ея капиталъ и доходъ уменьшались; ея капиталъ и доходъ, по расчету на жителя, могутъ возрастать, а относительное число безработныхъ можетъ увеличиваться. Можетъ не быть обѣднѣнія страны и въ другомъ смыслѣ: наименѣе обезпеченные классы населенія могутъ получать изъ общественнаго дохода большую долю въ качествѣ безработныхъ, нежели за сто лѣтъ ранѣе приходилось въ той-же странѣ работникамъ, трудъ которыхъ оплачивается наиболѣе низко. Наконецъ, успѣхи техники настолько увеличиваютъ общественный доходъ и долю богатыхъ классовъ въ этомъ доходѣ, а организація общественнаго призрѣнія и формы частной благотворительности настолько совершенствуются, что и бѣдные, не имѣющіе работы, могутъ получать больше, нежели работники въ странахъ, технически отсталыхъ. Словомъ, для глаза, который со словами «бѣдность», «безработица» связываетъ представленіе о лохмотьяхъ, о совершенно негодной пищѣ, о жилищѣ грязномъ и полуразрушенномъ, можетъ и не быть интереснаго матеріала.

Можно подкрѣпить эти общія положенія нѣкоторыми данными изъ области пауперизма. Въ 1894 году общее число бѣдныхъ составляло въ Великобританіи и Ирландіи 1.011,540 душъ, на содержаніе которыхъ

за 1893 годъ было израсходовано 11.183,288 фунт. стерлинговъ. Среди общей массы бѣдняковъ было до 200,000 душъ, способныхъ къ труду. Такъ какъ рѣчь идетъ о бѣднякахъ, то естественно предположить, что они получаютъ содержаніе крайне скудное, безконечно меньшее, нежели работники, могущіе собственными силами заработывать пропитаніе. А между тѣмъ, положеніе англійскихъ бѣдныхъ гораздо болѣе благопріятно, нежели матеріальныя условія жизни милліоновъ и милліоновъ людей, которые не зачислены въ списокъ бѣдняковъ. На содержаніе каждаго бѣдняка затрачивается въ Соединенномъ королевствѣ больше 11 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, что составитъ на семью изъ 5 душъ слишкомъ 55 фунтовъ, т.-е. больше 500 рублей. Какъ же не назвать этого положенія завиднымъ, если мы сравнимъ его съ положеніемъ русскихъ рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, въ сахароваренномъ дѣлѣ, лѣсопильномъ, шерстопрядильномъ, фарфоро-фаянсовомъ, гдѣ заработокъ семьи не превышаетъ 200—250 рублей въ годъ, или же съ заработкомъ нашихъ кустарей, гдѣ на душу приходится въ промыслахъ, которые не совсѣмъ стѣснены, 40—50 рублей, а во многихъ, особенно по обработкѣ дерева, 25—20 и менѣе? Хотя предметы потребленія въ Англіи на 30—40% дороже, чѣмъ въ Россіи, но какъ не сказать, что 5-ти-душная семья англійскаго паупера поставлена гораздо лучше и имѣетъ гораздо больше жизненныхъ удобствъ, нежели русская крестьянская семья, годовой расходъ которой исчисленъ (для Воронежской губерніи) въ 53 р. 5 коп. на душу; и изъ этой скромной суммы 12 рублей затрачиваются на арендованіе земли, на покупной кормъ для скота, т.-е. на статьи, которыя не связаны съ

личными потребностями; для послѣднихъ остается не полныхъ 200 рублей на 5 душъ. Положеніе англійскаго бѣднаго представится въ еще болѣе выгодномъ свѣтѣ, если мы сравнимъ его съ матеріальнымъ бытомъ рабочихъ въ такихъ странахъ низкой культуры, какъ Остъ-Индія или Китай.

Можно показать на томъ же примѣрѣ, что съ успѣхами промышленности замѣтно увеличивается доля, получаемая бѣдными классами. Въ концѣ 50-хъ годовъ въ Соединенномъ королевствѣ было почти столько же бѣдныхъ, занесенныхъ въ списки, какъ и теперь; однако, содержаніе ихъ было гораздо болѣе скудно: на душу расходовалось не больше 7½ фунтовъ, что составитъ до 350 рублей для семьи изъ 5 душъ. Нечего и прибавлять, что положеніе англійскаго бѣдняка теперь гораздо лучше, чѣмъ было положеніе англійскаго рабочаго въ концѣ прошлаго столѣтія. И если теперь мы называемъ Англію самой богатой страной, хотя она имѣетъ больше одного милліона офиціально признанныхъ бѣдняковъ, то мы не посягнемъ на такую ея репутацію, если чрезъ 50 лѣтъ число бѣдняковъ увеличится. Очень возможно, что такое увеличеніе будетъ идти рука объ руку съ большимъ приростомъ народнаго дохода и съ возможностью давать бѣднякамъ большую долю дохода, чѣмъ они получаютъ нынѣ. Сходная перспектива можетъ открыться и передъ нашимъ отечествомъ отъ дальнѣйшаго развитія частно-капиталистическаго производства: большая успѣшность труда будетъ развиваться на ряду съ возрастаніемъ числа незанятыхъ рабочихъ: вмѣсто 3—4 милліоновъ, какъ теперь, ихъ будетъ 6—7 милліоновъ. Организація общественнаго призрѣнія, посредствомъ налога для бѣдныхъ, будетъ

давать въ распоряженіе незанятыхъ рабочихъ большія суммы, нежели тѣ, которыя расходуются теперь тружениками, и положеніе незанятыхъ рабочихъ можетъ быть даже болѣе благопріятно, чѣмъ положеніе большей части крестьянскихъ дворовъ въ настоящее время.

Недостаточно широкій рынокъ сбыта, будь то внутренній или внѣшній, увеличиваетъ число людей, не имѣющихъ занятія, а общая высота народнаго богатства и вся постановка благотворительности въ странѣ объясняютъ, сколько выпадаетъ на долю безработныхъ, влачатъ-ли они самое жалкое существованіе, на границѣ голодной смерти, или же имѣютъ необходимое для жизни. Представляя такой исходъ, мы не считаемъ его единственнымъ, ибо все то, что̀ расширяетъ внутренній рынокъ, стремится уменьшить число безработныхъ. Въ странахъ, которыя, подобно Америкѣ и Россіи, имѣютъ рѣдкое населеніе и обширныя площади незанятыхъ земель, переселенія имѣютъ первостепенную важность, могутъ расширять сбытъ туземныхъ товаровъ и восполнять недостатокъ внѣшняго рынка. Мы видимъ, что Америка, быстро развивая всѣ отрасли промышленности, потребляетъ сама большую часть продуктовъ и вывозитъ сравнительно небольшое ихъ количество. За 1890 годъ Соединенные Штаты произвели фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій на 8.600 милліоновъ долларовъ, а вывезли на 169 милліоновъ—2%. Такъ и Россія, при мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ расширенію внутренняго рынка (крупныя мѣропріятія этого рода являются слѣдствіемъ только широкихъ общественныхъ реформъ), могла бы обойтись безъ значительнаго сбыта за границу своихъ товаровъ. Мы дѣлаемъ изъ всего сказаннаго тотъ окончательный выводъ, что трудность завоеванія внѣш-

нихъ рынковъ еще не служитъ неодолимымъ препятствіемъ для развитія въ Россіи многихъ отраслей крупной промышленности, ни причиною того, что это развитіе поведетъ къ крайнему обѣднѣнію народа, взятаго въ его цѣломъ.

Итакъ, по убѣжденію народниковъ, предпринимательскій капиталъ играетъ и можетъ играть только незначительную роль въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. А потому возникаетъ вопросъ, не можетъ-ли у насъ развиваться промышленная жизнь на началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя проникаютъ ее въ западной Европѣ? Народники отвѣчаютъ на это утвердительно.

Такъ какъ въ странахъ молодыхъ, для которыхъ борьба со старыми народами за рынки является непосильной, все же есть стремленіе достигнуть болѣе высокаго уровня экономическаго развитія, то послѣднее пойдетъ особыми, своеобразными путями. Такая страна будетъ стараться насадить у себя крупную промышленность по образцу, который у насъ есть передъ глазами, и въ этомъ отношеніи ея усилія будутъ не совсѣмъ безплодны. «Пользуясь пріемами, выработанными тѣми же промышленными странами, — запретительными тарифами, ссудою правительственными капиталами частныхъ предпринимателей, предоставленіемъ имъ казенныхъ заказовъ и другими покровительственными мѣрами, — она достигнетъ водворенія у себя крупной промышленности, но значеніе здѣсь послѣдней будетъ совершенно иное. Не имѣя возможности развиваться такъ, какъ требуетъ этого природа капитализма, послѣдній какъ появился, такъ и останется гостемъ, привлеченнымъ почти насильно, чувствующимъ себя не дома и потому не могущимъ оказать

здѣсь того громаднаго вліянія на всѣ сферы жизни, какое онъ имѣетъ въ странѣ своего естественнаго зарожденія и процвѣтанія. Бокъ о бокъ съ нимъ будетъ существовать мелкое производство, будетъ продолжаться національный прогрессъ развитія общественной формы труда, тихое, естественное теченіе котораго было лишь слегка взволновано такимъ вмѣшательствомъ крупнаго капитала. Процессъ этотъ, на сколько онъ совершается капиталистическимъ путемъ, пойдетъ крайне медленно, ибо отсутствіе внѣшняго рынка мѣшаетъ ему развернуть всѣ свои силы. Весь запасъ опыта и все громадное развитіе техники, какіе онъ можетъ даромъ получить съ запада—все это отразится на немъ очень мало по той же причинѣ. А если капитализація туземнаго производства пойдетъ такимъ черепашьимъ шагомъ, то есть надежда повернуть весь процессъ развитія общественной формы труда на народный путь, на путь артелей, гдѣ рабочіе трудятся не для возрастанія капитала, а для удовлетворенія собственныхъ потребностей, гдѣ стремленіемъ производства сдѣлается не безграничное его расширеніе, а сокращеніе труда работающихъ» [1]).

Мы часто встрѣчаемъ мысль о возможности широкаго развитія у насъ артельнаго производства. При этомъ въ условіяхъ русской жизни намѣчаются начала, которыя могутъ облегчить рѣшеніе этой задачи. Мысль о возможности достигнуть этой цѣли идетъ двумя путями. Во-первыхъ, говорится съ удареніемъ о томъ, что новое промышленное развитіе Россіи искусственно, что его толкнули на этотъ путь только послѣ освобожденія крестьянъ и что легко было

[1]) Судьбы капитализма, 173.

остаться въ то время вѣрнымъ основнымъ и самобытнымъ условіямъ нашей экономической жизни. Во-вторыхъ, въ современной русской дѣйствительности указываются начала, которыя еще живы, могущественны и способны поднять на себя такой тяжелый трудъ.

Г. В. В. развиваетъ мысль, что отъ времени освобожденія крестьянъ въ нашей общественной жизни можно подмѣтить двѣ стороны—разложеніе старыхъ формъ и развитіе новыхъ. Народный трудъ былъ освобожденъ отъ узъ крѣпостничества, наше общество столкнулось съ Западомъ и широко отворились двери для европейскихъ идей. Оторванное отъ народа и старинныхъ формъ нашей экономической жизни, русское общество явилось листомъ сѣрой бумаги, на которомъ могло быть написано все, что угодно. Своя жизнь не выработала представленій того, во что должно было воплотиться русское народное хозяйство. А Западъ привлекалъ русскихъ людей величественной картиной капиталистическаго производства и ученіемъ, которое санкціонировало его. Безпощадная борьба личныхъ интересовъ—вотъ доктрина, которую далъ намъ Западъ. Наше общество было расшатано внутри, оно не имѣло собственной точки опоры, а потому эта доктрина оказалась наиболѣе привлекательною для него. Она дала толчекъ для развитія крайняго эгоизма подъ знаменемъ либеральныхъ идей. Управляющіе классы также были увлечены этимъ потокомъ и преклонились предъ западно-европейской идеей. Признавая Западъ своимъ образцомъ, управляющій классъ долженъ былъ слѣдовать за нимъ осторожно. И вотъ, правительство начало расчищать почву для водворенія новаго порядка вещей. Началось покровительство банкамъ и акціонернымъ компаніямъ, начались заботы

объ устраненіи препятствій для развитія крупной промышленности.

Г. Николай—онъ начинаетъ свою книгу словами Высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 года. Въ манифестѣ говорится, что цѣлью надѣленія крестьянъ землею является обезпеченіе ихъ быта и исполненіе ихъ обязанностей передъ обществомъ; православный народъ приглашается къ свободному труду, какъ залогу домашняго благополучія и общественнаго блага. «Принципъ манифеста—надѣленіе крестьянъ землею или, выражаясь шире, доставленіе самимъ производителямъ орудій труда для наибольшаго развитія производительности, и слѣдовательно—для развитія условій, наиболѣе обезпечивающихъ экономическій ростъ всего народа, принципъ этотъ, говоримъ мы, стоялъ въ безусловномъ противорѣчіи съ принципомъ, на которомъ зиждется хозяйственный строй западноевропейскихъ государствъ» [1]). У того же писателя мы читаемъ въ другомъ мѣстѣ такія слова: «Вмѣсто того, чтобы придерживаться тѣхъ основъ нашей хозяйственной жизни, которыя оставило намъ наше историческое прошлое; вмѣсто того, чтобы развивать достигнутые результаты помощью науки, знанія и опыта, которые намъ давались даромъ западной Европой, мы свернули съ пути, которымъ шли въ продолженіи многихъ вѣковъ; мы стали устранять производство, основанное на тѣсной связи непосредственнаго производителя со средствами производства, на тѣсной связи земледѣлія и обрабатывающей промышленности и положили въ основаніе своей хозяйственной политики развитіе производства капиталистическаго, основан-

[1]) Очерки нашп. пореформ. обществ. хозяйства, 2—3 и 281—83.

наго на экспропріаціи непосредственныхъ производителей отъ средствъ производства, со всѣми сопровождающими его бѣдствіями, которыми теперь страдаетъ западная Европа. Мы не только шли навстрѣчу этимъ бѣдствіямъ, но обостряли ихъ, покровительствовали болѣе быстрому отдѣленію средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей, и въ концѣ концовъ достигли того, что капитализмъ развился дѣйствительно сильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ валовое производство страны сократилось... Сокращеніе это обязано исключительно тому, что самое производство приняло капиталистическую форму, что оно перестало быть народнымъ, что мы постарались, при всей нашей «самобытности» перенять отъ западной Европы именно то, что въ ней было худшаго, то, отъ чего она бѣдствуетъ, то, что она никакъ не можетъ упорядочить. Такое наше пренебрежительное отношеніе къ собственному историческому прошлому, такое попираніе народнаго производства и насажденіе капитализма на почвѣ совершенно неподготовленной для его укорененія произвело то, что должно было произвести... постоянное, непрерывное освобожденіе общественныхъ рабочихъ силъ, не находящихъ себѣ занятія» [1]).

Если такой поворотъ отъ вѣковыхъ устоевъ русской народной жизни на путь, который вовсе не соотвѣтствуетъ ни нашимъ преданіямъ, ни нашимъ интересамъ, совершился только за послѣднее 30-тилѣтіе, то не естественно-ли требовать, чтобы былъ оставленъ этотъ новый путь и не естественно-ли надѣяться, что въ нашемъ общественномъ строѣ есть условія, при помощи которыхъ можетъ быть воз-

[1]) Очерки наш. пореформ. обществ. хозяйства, 2—3 и 281—83.

двигнуто болѣе совершенное зданіе народнаго хозяйства. Народники ставятъ такія требованія и высказываютъ эти упованія.

«Находясь въ семьѣ европейскихъ народовъ, быстро развивающихъ производительность труда, мы не можемъ довольствоваться ни тою формою мелкаго домашняго производства, которая насъ удовлетворяла не далѣе трехъ, четырехъ десятилѣтій тому назадъ— и о поддержкѣ которой мечтаютъ многіе,—ни тою, которая ее смѣнила и которую мы искусственно насаждаемъ и которой покровительствуемъ въ ущербъ благосостоянію всего населенія. Русскому обществу предстоитъ рѣшеніе великой задачи, крайне трудной, но не невозможной — развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народъ. Тридцать лѣтъ — это мгновеніе въ народной жизни; но въ продолженіе этого мгновенія произошла и продолжаетъ происходить коренная ломка всѣхъ нашихъ промышленныхъ формъ, которыя такъ или иначе удовлетворяли народныя потребности... Это несоотвѣтствіе формъ производства съ потребностями большинства угрожаетъ такими губительными послѣдствіями и населенію, и всему государству, что не остается иного средства, какъ, опираясь на матеріальныя условія производства, унаслѣдованныя нами отъ нашего историческаго прошлаго, прекратить ломку нашей вѣками сложившейся формы производства, основанной на владѣніи орудіями производства самими непосредственными производителями... и направить всѣ усилія на объединеніе земледѣлія и обработывающей промышленности въ рукахъ непосредственныхъ производителей, но объединенія не на

почвѣ мелкихъ, разрозненныхъ производительныхъ единицъ,—что было бы равносильно «увѣковѣченію всеобщей посредственности», — а на почвѣ созданія крупнаго общественнаго, обмірщеннаго производства, основаннаго на свободномъ развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, на приложеніи науки и техники и имѣющаго въ виду удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей и благосостоянія всего населенія» [1]).

Въ русскомъ обществѣ, по мнѣнію народниковъ, есть силы, способныя облегчить рѣшеніе этой великой задачи. Европейскій западъ взираетъ на пролетарія, какъ на творца грядущихъ формъ общественности. Но вся обстановка его жизни не воспитываетъ въ немъ навыковъ, которые необходимы для творческой дѣятельности: $^3/_4$ своего бодрственнаго состоянія проводитъ онъ въ качествѣ придатка машины: онъ связанъ съ дѣломъ тѣлесно, но не участвуетъ въ немъ ни мыслью, ни чувствомъ. Онъ проводитъ досугъ отъ труда въ семьѣ, въ библіотекѣ, въ кабакѣ, онъ поучается и забавляется; онъ можетъ быть дисциплинированъ и сдѣланъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ искусныхъ демагоговъ, но не воспитываетъ въ себѣ тѣхъ свойствъ, которыя необходимы для самостоятельной общественной дѣятельности. Насколько пролетарій можетъ подчиниться руководству извнѣ, настолько онъ можетъ стать матеріаломъ, пригоднымъ для созданія новыхъ формъ общежитія. Разъ нѣтъ такого внѣшняго и сильнаго руководительства, то страны, гдѣ масса населенія состоитъ изъ пролетаріевъ, ставятся въ неблагопріятныя условія для созданія луч-

[1]) Т. ж. 343—46.

шихъ и прочныхъ формъ общественнаго быта, если даже пролетаріи имѣютъ широкія политическія права.

Въ противоположность этому, Россія обладаетъ хорошей почвой для воспитанія въ массѣ способности къ самодѣятельности. Земледѣлецъ, будучи самостоятельнымъ хозяиномъ, участвуетъ въ процессѣ коллективнаго творчества. Необходимость согласовать свою дѣятельность съ интересами и требованіями сообщественниковъ, развиваетъ въ населеніи привычку къ соціальному взаимо-приспособленію. Личный интересъ ограничивается подчиненіемъ другому интересу, идеѣ общей пользы. «Непосредственное участіе всѣхъ членовъ общества въ разрѣшеніи множества весьма существенныхъ для интересовъ каждаго мірскихъ дѣлъ— при чемъ въ народѣ замѣчается стремленіе разрѣшать спорные вопросы не путемъ образованія въ пользу извѣстнаго мнѣнія достаточнаго большинства, а, по возможности, примиреніемъ требованій всѣхъ заинтересованныхъ лицъ — служитъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для развитія способности къ солидарной дѣятельности. Совокупнымъ вліяніемъ перечисленныхъ обстоятельствъ въ русскомъ народѣ создается психологически подготовленная почва не для стадныхъ дѣйствій подъ руководствомъ вожака, а для самостоятельнаго соціальнаго творчества, путемъ работы коллективной мысли, каковое обстоятельство обезпечиваетъ практичность, оригинальность и разносторонность результатовъ этого творчества, а слѣдовательно и возможности развитія въ будущемъ высокихъ соціально-бытовыхъ формъ» [1]).

Артель—вотъ форма труда, которая является вто-

---

[1]) В. В. Наши направленія. 1893, 139—142.

рымъ пособникомъ при коренномъ преобразованіи устоевъ русской экономической жизни. Укрѣпляя связь рабочаго съ землею, мы отнимаемъ почву у русскаго капитализма и облегчаемъ развитіе общественной формы труда на артельныхъ началахъ. Г. В. В. предполагаетъ, что обобществленіе труда въ формѣ артели пойдетъ быстрѣе, нежели оно шло подъ руководствомъ русскаго капитализма. И вотъ почему: капитализмъ стремится въ производствѣ только къ обогащенію; въ артели же, кромѣ этихъ побужденій, есть естественное желаніе сократить, облегчить работу. Если, поэтому, сбытъ продукта останется неизмѣннымъ, то все же артель можетъ заботиться о техническихъ усовершенствованіяхъ. Русскій рабочій доказываетъ, насколько велика притягательная сила артели. Не ожидая отдаленнаго будущаго, русскій рабочій старается уже теперь выйти изъ положенія наемника и образовать артель (Воткинская и нѣкоторыя другія) [1]).

Надежда на развитіе артелей укрѣпляется среди народниковъ еще тѣмъ, что́ можетъ быть названо декапитализаціей кустарныхъ промысловъ. Въ наукѣ упрочилось положеніе, что мелкія промышленныя заведенія исчезаютъ съ лица земли подъ вліяніемъ крупныхъ. А въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ сплошь и рядомъ обнаруживается обратное теченіе: очень многіе промыслы возникаютъ въ видѣ крупныхъ мастерскихъ; онѣ служатъ учрежденіемъ, воспитывающимъ рабочее искусство къ данному промыслу. Эти крупныя заведенія распадаются позднѣе на болѣе мелкія [2]).

---

[1]) Судьбы капитализма, 117, и «Наши направленія», 113.

[2]) Судьбы капитализма, 116.

Къ перечисленнымъ благопріятнымъ условіямъ нужно пріобщить и наличность въ рускомъ образованномъ классѣ довольно большаго числа людей, которые готовы всѣми силами служить дѣлу улучшенія народной жизни. Верхніе слои общества, какъ культурный классъ, совершенно безсильны въ качествѣ класса: они не имѣютъ высокихъ общественныхъ идеаловъ, которые были-бы идеалами этого класса; но они даютъ довольно большое число отдѣльныхъ лицъ, готовыхъ посвятить свою дѣятельность благу народа, т.-е. готовыхъ взяться за дѣло, если представится то необходимымъ, будетъ ли это дѣло заключаться въ проведеніи реформъ, съ которыми выступитъ правительство, будетъ-ли оно состоять въ томъ, чтобы просвѣщать народъ, будетъ ли оно отвѣтомъ на запросъ народа кореннымъ образомъ измѣнить формы быта. А такъ какъ въ народѣ сказывается стремленіе измѣнить формы хозяйства, при-чемъ народъ вовсе не чуждается содѣйствія науки, а охотно пользуется ея совѣтами, разъ они приноровлены къ условіямъ мѣста и времени и цѣлесообразны, то и является вполнѣ основательною надежда, что культурное безсиліе нашего привиллегированнаго класса не сдѣлается фатальнымъ для судьбы Россіи; что русскій народъ и при культурной дезорганизаціи верхнихъ слоевъ общества найдетъ себѣ путь къ прогрессивному развитію» [1]).

Наконецъ, народниковъ поддерживаетъ въ этомъ убѣжденіи и готовность самого правительства стать на путь такихъ экономическихъ преобразованій, которыя поднимаютъ благосостояніе массы населенія и

---

[1]) Наши направленія, 208—209.

могутъ освободить ее отъ давленія со стороны крупнаго частнаго капитала. Сюда относятся законы послѣднихъ лѣтъ, ограждающіе земельную общину, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія посредствомъ крестьянскаго банка, попытки къ поддержанію кустарныхъ промысловъ и артелей и нѣкоторыя другія мѣропріятія.

VI.

Кто хочетъ отвѣтить на вопросъ, осуществимы ли идеалы народниковъ, тотъ долженъ оцѣнить значеніе силъ, которыя выдвигаются, какъ дѣятели въ экономическомъ преобразованіи общества, а также условія, которыя, будучи неразрывно связаны съ русской жизнью, могутъ облегчить эту творческую работу.

Экономическая литература даетъ намъ много системъ народнаго хозяйства, которыя, по убѣжденію ихъ творцовъ, наиболѣе соотвѣтствуютъ интересамъ всего общества. Пылкое воображеніе Кабе воспроизводитъ предъ нами въ Икаріи привлекательный, но сказочный міръ; даже многія детали его тщательно отдѣланы рукой художника, лелѣющаго свое созданіе; но этотъ міръ и въ общемъ не соотвѣтствуетъ историческому человѣку, какимъ онъ извѣстенъ намъ до сихъ поръ даже въ наиболѣе цивилизованныхъ обществахъ. «Новый промышленный міръ» Фурье дается европейскому обществу готовымъ до мелочей; этотъ міръ во многомъ воспроизводитъ черты, которыя мы находимъ у людей 19-го вѣка и въ современномъ складѣ народнаго хозяйства. Писатели-народники не дали намъ хотя-бы въ общихъ чертахъ строя русской

экономической жизни, которая носится въ ихъ воображеніи. Очень вѣроятно, они не сдѣлали этого именно потому, что считали новый промышленный міръ во многомъ сходнымъ съ условіями русскаго хозяйственнаго быта.

Какой-же строй народнаго хозяйства долженъ быть созданъ согласно съ идеалами народниковъ? Насколько, руководствуясь отрывочными замѣчаніями народниковъ, можно нарисовать картину преобразованнаго общественнаго хозяйства, настолько мы можемъ представить его себѣ въ видѣ цѣлой системы артельныхъ предпріятій, охватывающихъ большую часть отраслей производства. Крупная частно-капиталистическая промышленность, не исчезнувъ окончательно, будетъ поставлена въ очень тѣсные предѣлы. Артели могутъ развиться на ряду съ нею, но будутъ преобладать уже по числу заинтересованныхъ лицъ и по числу захваченныхъ отраслей промышленности. Въ обработывающей промышленности артели займутъ мѣсто многихъ мельчайшихъ кустарныхъ и ремесленныхъ заведеній. Въ сельскомъ хозяйствѣ онѣ тѣсно примкнутъ къ общинѣ и подвинутъ общину на болѣе высокую ступень экономическаго развитія, замѣнивъ единоличную обработку земли артельною. Рука объ руку съ цѣлой сѣтью разнообразныхъ артелей, которыя покроютъ наше отечество, отдѣльныя отрасли промышленности будутъ находиться въ завѣдываніи казны: почтовое, желѣзнодорожное дѣло, быть можетъ, нѣкоторыя отрасли горнаго дѣла, даже отдѣльныя фабрики. Такой строй промышленной жизни не представляетъ ничего невѣроятнаго, несбыточнаго и вовсе не похожъ на картины народнаго хозяйства, которыя мы находимъ у утопистовъ. Довѣріе къ упо-

ваніямъ народниковъ крѣпнетъ еще болѣе потому, что они не считаютъ пригодною «мелкую, разъединенную промышленность, отживающую свой вѣкъ», не хотятъ въ этомъ смыслѣ поворотить колесо исторіи назадъ, а надѣются на быстрое движеніе впередъ, на созданіе формъ жизни, болѣе совершенныхъ, нежели современное общество, и притомъ формъ, противъ которыхъ не возстаетъ и спокойно разсуждающій умъ. Мы съ особеннымъ сочувствіемъ вспоминаемъ упреки, которые г. В. В. дѣлаетъ по адресу многихъ современныхъ писателей. Они,—говоритъ этотъ экономистъ,—«вообще гораздо больше интересуются тѣмъ, что думаютъ отживающіе отцы, а не развивающіяся дѣти. Вслѣдствіе этого они тщательно слѣдятъ за всякою потугой реакціонной мысли и не отвѣчаютъ на запросы со стороны формирующейся интеллигенціи, не оказываютъ пособія молодой мысли разработкой вопросовъ, имѣющихъ важное принципіальное значеніе» [1]). Довѣріе къ упованіямъ народниковъ поддерживается и тѣмъ, что они разчитываютъ на осуществленіе хозяйственной реформы только при свѣтѣ знанія и при помощи высоко развитой техники, которая уже завоевана западно-европейскимъ обществомъ.

Сами по себѣ ихъ идеалы не вызываютъ возраженій. Но возникаетъ цѣлый рядъ возраженій по поводу обстановки, которая, будто-бы, облегчаетъ ихъ осуществленіе.

Мы должны прежде всего отмѣтить то глубокое заблужденіе, которое или прямо вычитываемъ у нихъ или подмѣчаемъ между строкъ,—что 30 лѣтъ тому

[1]) Т. ж. 214—215.

назадъ русское народное хозяйство оставило свой самобытный путь, порвало съ традиціями и ступило на дорогу, которой оно не должно было избирать. Сѣтованіе, что такъ случилось, предположеніе, что нужно было строить новую экономическую жизнь на старыхъ и чисто русскихъ устояхъ, подвергаетъ каждаго, сколько нибудь знакомаго съ прошлымъ Россіи, въ серьезное недоумѣніе. Какіе, спрашивается, устои давала намъ дореформенная Россія? Для обширной и главной въ Россіи отрасли промышленности - сельскаго хозяйства, уже помимо невѣроятно низкой техники, она давала намъ подневольный трудъ со всѣми темными сторонами, которыя слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы стоило распространяться о нихъ. Этотъ подневольный трудъ, сковывавшій личныя силы и уничтожавшій въ самомъ зародышѣ всякую частную иниціативу, столь важную въ хозяйствѣ, какъ для усовершенствованія техники, такъ еще болѣе для творчества относительно экономическихъ формъ, былъ источникомъ обмана, который разсѣялся по освобожденіи крестьянъ. Обманъ состоялъ вотъ въ чемъ. При низкомъ уровнѣ земледѣлія вообще, каждая губернія могла насчитать десятокъ-другой помѣщиковъ, хозяйство которыхъ стояло на довольно высокомъ уровнѣ, признавалось образцовымъ и которые были, повидимому, несомнѣнно прогрессивнымъ элементомъ, способнымъ содѣйствовать даже коренному преобразованію народнаго хозяйства. На повѣрку эти хозяйства оказывались образцовыми только потому, что крѣпостной трудъ ставился ни во что и въ основаніи всего дѣла вовсе не было учета. Не дѣлая учета, можно было построить хозяйство по системѣ многополья, плодосмѣновъ, развить садоводство, устроить сахар-

ный заводъ и успѣшно вести дѣло до тѣхъ поръ, пока освобожденіе крѣпостныхъ и необходимость пользоваться наемнымъ трудомъ не убѣждали, что все это было зданіемъ, построеннымъ на пескѣ. За исключеніемъ единичныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, дѣйствительно благоустроенныхъ, весь складъ крѣпостничества не вырабатывалъ условій, которыя могли бы послужить къ серьезному улучшенію русской экономической жизни. Эти условія не вырабатывались на сторонѣ господъ; они не вырабатывались и на сторонѣ крѣпостныхъ. Послѣднее ясно не только потому, что, гдѣ мы ни наблюдаемъ подневольный трудъ—отъ народовъ древности до новѣйшихъ американскихъ хлопковыхъ или сахарныхъ плантацій—вездѣ онъ является и малоуспѣшнымъ, и лишеннымъ даже намека на инициативу, но и картиной убожества дореформенной русской деревни. Наши статистики, исчисляя количество скота у крестьянъ разныхъ губерній, имѣютъ точныя данныя для выводовъ, что количество скота уменьшилось сравнительно съ тѣмъ, что было при крѣпостномъ правѣ. Это вѣрно. Населеніе возросло, пашни расширились на счетъ луговъ, и количество скота уменьшилось очень замѣтно. Но развѣ этотъ плюсъ на сторонѣ крѣпостного крестьянина и даже тотъ плюсъ, что земельный надѣлъ былъ фактически больше, чѣмъ теперь, оправдываетъ предположеніе, будто крѣпостное населеніе не было слишкомъ бѣдно и что въ немъ были какіе-то элементы прогрессивнаго развитія? Система земледѣлія стояла на чрезвычайно низкомъ уровнѣ, урожайность полей была ничтожна, формы жизни, унаслѣдованныя отъ предковъ, оставались безъ всякихъ перемѣнъ, и каждое послѣдующее поколѣніе получало физіономію вполнѣ го-

товою отъ предыдущаго поколѣнія. И думать [1]), что нѣсколько большій достатокъ, большіе запасы въ землѣ, лѣсѣ и скотѣ,—что дѣйствительно отличало крестьянскій бытъ во многихъ мѣстахъ Россіи—было ручательствомъ за возможность наростанія въ средѣ крестьянства силъ, способныхъ преобразовать русское сельское хозяйство, значитъ то же, что считать киргизовъ или башкиръ, съ ихъ обильными запасами земли и воды, съ ихъ табунами лошадей, способными выработать новыя прогрессивныя экономическія начала по сравненію съ тѣмъ, что̀ сдѣлано культурными народами.

Что̀ мы сказали о сельскомъ хозяйствѣ дореформенной Россіи, то же съ небольшими измѣненіями въ частностяхъ, должно быть сказано о нашемъ кустарничествѣ и ремеслѣ. Кустарничество возникло въ средней и сѣверной Россіи подъ вліяніемъ климатическихъ условій; изобиліе сырыхъ матеріаловъ въ той или другой мѣстности ускоряло его развитіе; оно приспособлялось къ требованіямъ рынка и медленно измѣнялось согласно съ его запросами. Эта область не была вполнѣ чужда воздѣйствія помѣщика. Одни изъ нихъ насаждали новые промыслы среди крѣпостныхъ, справедливо видя въ этомъ дополнительный источникъ доходовъ; иногда насажденіе промысла начиналось среди дворовыхъ людей, и уже позднѣе промыселъ переходилъ въ крестьянскія избы. Другіе помѣщики заинтересовывались уже существующимъ промысломъ и давали своимъ кустарямъ-крѣпостнымъ образцы для новыхъ издѣлій. Но воздѣйствіе помѣщика на промыслы почти

[1]) Это замѣчаніе относится не къ народникамъ, а ко многимъ доморощеннымъ любителямъ русской старины.

всегда было воздѣйствіемъ техническимъ въ обширномъ смыслѣ этого слова: насажденіе новаго промысла было привитіемъ новыхъ техническихъ пріемовъ; выписка улучшенныхъ образцовъ была усовершенствованіемъ уже знакомыхъ техническихъ пріемовъ. При этомъ не дѣлалось ничего для созданія формы промысла, да по всѣмъ условіямъ того времени и дѣлаться не могло. Налицо были старинныя организаціи: семья, артель и мастерскія дворовыхъ, и промыселъ, въ зависимости отъ времени и мѣста и отъ своихъ особенностей, попадалъ въ готовую организацію и упрочивался въ ней. Такимъ образомъ въ этой области не было мѣста для экономическаго творчества. Но до-реформенная Россія оставила намъ и городскую промышленность. Много или мало она была развита, — она не представляла рѣшительно ничего своеобразнаго, что позволяло бы говорить о какихъ-либо особыхъ, самобытныхъ ея чертахъ. Городское ремесло, грубое въ отношеніи техническомъ, напоминало западно-европейскую ремесленность за 50 — 100 лѣтъ ранѣе и отличалось отъ нея крайне невыгодной особенностью,—полной разъединенностью производителей и невозможностью дать цехамъ жизненность, къ чему стремились Петръ I и Екатерина II. А цеховой строй, бывшій живою принадлежностью западно-европейскаго ремесла, имѣлъ въ томъ отношеніи доброе вліяніе на мелкую промышленность, что сплачивалъ воедино производителей, облегчалъ общеніе; когда цѣли и стремленія цеховъ отжили свое время и неудовлетворяли требованій, которыя выдвигала промышленность новаго времени, то привычка къ общенію помогла ремесленникамъ въ основаніи разнообразныхъ союзовъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ новаго

хозяйственнаго быта. А потому напрасно было бы искать и въ этой сферѣ какіе-то національные устои, которые послужили бы основой для развитія новыхъ, еще невѣдомыхъ, самобытныхъ формъ экономической жизни.

Наконецъ, до-реформенная Россія имѣла и крупную промышленность. Размѣры крупныхъ промышленныхъ заведеній, производительность труда на нихъ, сумма ихъ оборотовъ, число отраслей, въ которыя машина уже проложила себѣ дорогу, представлялись гораздо болѣе скромными цифрами, нежели въ настоящее время; однако, 40 лѣтъ тому назадъ всѣ эти факты уже были знакомы Россіи. Кто утверждаетъ, что крупная промышленность ведетъ въ Россіи начало только отъ 60-хъ годовъ, тотъ или не знаетъ исторіи русской промышленности или намѣренно искажаетъ дѣйствительность. Зачатки мануфактуры, относящіеся въ Россіи къ царствованію Петра I и возникшіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе поддержки правительства, получаютъ ко времени Екатерины II замѣтное развитіе. Первымъ десятилѣтіямъ нашего вѣка извѣстны крупные, преимущественно, поссесіонные заводы и фабрики, а въ 50-хъ годахъ мы находимъ уже законченный типъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій въ хлопчато-бумажномъ, льняномъ, шерстяномъ производствахъ въ Московской, Владимірской, Петербургской губерніяхъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. По *Статистическому Атласу* Самойлова, въ 1843 году въ Московской губерніи считались 22 бумаго-прядильныя фабрики, имѣвшія 155.404 веретена и занимавшія 8.348 работниковъ. А для другихъ отраслей этой промышленности—тканья, бѣленья, крашенья и набивки бумажныхъ издѣлій—считалось 382 заведенія; они производили въ слож-

ности на 12½ милліоновъ рублей и занимали 42.500 работниковъ. Такимъ образомъ, 1 бумаго-прядильня имѣла въ среднемъ 379 человѣкъ, и 1 заведеніе по другимъ отраслямъ хлопчато-бумажнаго производства —111. Тенгоборскій, сообщая свѣдѣнія о состояніи промышленности въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, называетъ нѣсколько бумаго-прядиленъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Владимірской губерніи съ 900—1000 работниками каждая [1]). Въ 1849 году въ Московской губерніи было по обработкѣ шерсти 132 заведенія, занимавшія до 30.000 рабочихъ; нѣкоторыя фабрики имѣли по 500—1000 рабочихъ и болѣе [2]). Въ 1843 году на 158 фабрикахъ шелковыхъ издѣлій въ Московской губерніи было 15.900 работниковъ [3]). Начало желѣзнодорожнаго дѣла, сопутствующаго развитію крупной промышленности, относится къ 50-мъ годамъ: именно въ это время открылись для движенія линіи: николаевская, петербурго-варшавская. и московско-нижегородская. Начало рѣчнаго пароходства падаетъ на 40-е года. Наконецъ, если развитіе частныхъ кредитныхъ учрежденій относится только къ послѣднему 30-лѣтію, то мы находимъ и въ дореформенной Россіи тенденцію государства облегчить кредитъ и для помѣщиковъ, и для лицъ промышленнаго и торговаго классовъ посредствомъ держанія учетнаго процента на невысокомъ уровнѣ. Итакъ, освобожденіе крестьянъ застало въ Россіи нѣкоторыя отрасли крупной промышленности довольно развитыми. Она не начала только съ 60-хъ годовъ переносить къ себѣ изъ западно-европейской жизни то,

---

1, 2 и 3) *Тенгоборскій*. О производительныхъ силахъ Россіи. 1858, II, стр. 353, 251—58 и 280.

что ей вовсе не было извѣстно, а, измѣнивъ свой общественный строй, освободивъ крестьянъ, облегчила ростъ тѣхъ элементовъ крупнаго частно-капиталистическаго производства, которые проложили себѣ дорогу въ наше отечество гораздо ранѣе.

Поэтому, говоря объ укладѣ русской жизни, который мы получили въ наслѣдство отъ до-реформенной Россіи, нужно считаться и съ крупнымъ производствомъ, значительнымъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ. Въ мірѣ русской крупной промышленности того времени — хотя она, повторяю, не можетъ быть сравниваема съ нынѣшнею ни количественно, ни качественно — уже накопился извѣстный опытъ, уже сложились извѣстные навыки по организованію промышленной жизни. Этотъ опытъ не могъ остаться безрезультатнымъ. Крупная промышленность, имѣя въ себѣ самой силы для дальнѣйшаго развитія и оттѣсненія мелкаго производства, стала дѣлать тѣмъ болѣе быстрые успѣхи, что пользовалась разнообразными поощрительными мѣрами со стороны правительства. Нечего и говорить, что эти части всей системы русскаго народнаго хозяйства предъ освобожденіемъ крестьянъ, если и могли что-либо творить въ русской экономической жизни, то лишь въ смыслѣ развитія и укрѣпленія крупнаго частно-капиталистическаго производства.

Мы дѣлаемъ такой выводъ: до-реформенный юридико-экономическій строй не давалъ условій для пересозданія русскаго народнаго хозяйства по новому образцу, который былъ бы невѣдомымъ словомъ и за предѣлами нашей родины.

Однако, мы не коснулись главнаго, мы не коснулись нашей общины, нашей артели, нашихъ кустар-

ныхъ промысловъ. Говорить о нихъ, значитъ—говорить о настоящемъ; а потому, говоря о дореформенной Россіи, мы на время оставили безъ вниманія эти условія.

Итакъ, прежде всего община. Съ ея строемъ и жизнью связаны главныя упованія народниковъ. Оцѣнивая общину, мы должны разсматривать ее и какъ союзъ, съ которымъ могутъ быть согласованы разнообразные успѣхи сельскаго хозяйства, и какъ союзъ, который служитъ хранилищемъ великой творческой силы, способной обновить русскую жизнь и создать невѣдомые образцы и для другихъ народовъ. Будучи убѣжденнымъ защитникомъ общины, я считаю несправедливыми всѣ нападки на нее въ первомъ отношеніи. Когда говорятъ, что русская земельная община застыла, что она не способна къ серьезнымъ улучшеніямъ въ хозяйствѣ, что крестьяне подворники лучше воздѣлываютъ землю, нежели крестьяне-общинники, то можно опровергнуть всѣ эти возраженія ссылкою на многочисленные факты, наблюденные въ Московской, Тверской, Ярославской, Смоленской и другихъ губерніяхъ. Эти факты, свидѣтельствующіе объ улучшеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ общинниковъ, такъ извѣстны, что нѣтъ охоты приводить ихъ. Но, утверждая, и притомъ безоговорочно, что крестьяне-общинники могутъ хорошо воздѣлывать землю и усовершенствовать хозяйство, мы не отвѣчаемъ на второй и, въ данномъ случаѣ, самый важный вопросъ. Оцѣнивая общинное владѣніе землей на ряду съ частною земельною собственностью, мы говоримъ, что какъ послѣдняя не служитъ преградою для успѣховъ сельскаго хозяйства, такъ не мѣшаетъ имъ и община: успѣхи могутъ обнаруживаться въ обѣихъ областяхъ.

Россія и представляетъ именно такія условія. Но, говоря все это, мы еще не отвѣчаемъ утвердительно на вопросъ о томъ, можетъ-ли община содѣйствовать выработкѣ совершенно новыхъ формъ народнаго хозяйства, содержитъ ли она въ себѣ начала, которыя устоятъ отъ напора многихъ враждебныхъ вліяній окружающей среды и переработаютъ всю эту среду или большую ея часть или, по крайней мѣрѣ, ея значительную часть. Оцѣнивая съ этой стороны нашу общину, мы должны принять въ расчетъ (помимо неблагопріятныхъ для нея особенностей нашего законодательства и управленія) много другихъ условій русской жизни. 1) Не слѣдуетъ забывать, что общинное землевладѣніе великорусскихъ губерній окружено частною крестьянскою земельною собственностью губерній малороссійскихъ, бѣлорусскихъ, юго-западныхъ и что въ сѣть великорусскихъ общинъ повсюду врѣзывается частная земельная собственность не крестьянъ и не только крупная и средняя, но и мелкая. 2) Частная земельная собственность и въ томъ отношеніи расцвѣчиваетъ земельно-общинный строй, что многіе крестьяне-общинники повсюду имѣютъ въ частной собственности благопріобрѣтенныя земли. 3) Атмосфера, которою дышитъ крестьянинъ, какъ членъ общины, и которая охватываетъ многіе его интересы, окружена густымъ слоемъ фактовъ и отношеній, которые во всемъ отличны отъ жизни общины, а тѣмъ болѣе отъ ея духа. Таковыми являются разнообразныя занятія въ области промышленности и торговли, которыя захватываютъ массу крестьянъ и доставляютъ ей дополнительный заработокъ. Таковыми являются, наконецъ, занятія сельскимъ хозяйствомъ со стороны общинниковъ на общинной землѣ. И въ строѣ

русской жизни, и въ дѣятельности различныхъ общественныхъ группъ даже своей среды крестьянинъ-общинникъ дѣлаетъ ежедневно наблюденія, что индивидуалистическое начало доставляетъ крупныя выгоды человѣку, разъ ему повезло. Онъ видитъ, какъ уроженецъ его деревни, сдавъ сосѣду надѣлъ за безцѣнокъ въ аренду, уѣхалъ въ столицу или губернскій городъ, занялся торговлей и нажилъ деньги. Онъ видитъ, какъ другой его землякъ началъ съ кустарной свѣтелки и въ 20 лѣтъ дошелъ до крупной полотняной фабрики. Онъ знаетъ, что третій, скопивъ 1,000 рублей, купилъ землю на сторонѣ и не нарадуется на свою рожь, овесъ, спокойно, безшумно улучшаетъ свое хозяйство и упрочиваетъ благосостояніе. Куда ни оглянется онъ, вездѣ видитъ и не только въ средѣ *господъ*, отличныхъ отъ него одеждою, языкомъ, родомъ занятій и всѣмъ складомъ жизни, но и среди своихъ, что матеріальное благополучіе достигается не на почвѣ охраненія, укрѣпленія и развитія общинныхъ порядковъ, а на такихъ основахъ, которыя не имѣютъ съ общиннымъ укладомъ никакой связи. Онъ видитъ, что секретъ упроченія матеріальнаго быта кроется въ томъ, чтобы или упорнымъ трудомъ и крайнею бережливостью, или случайно пріобрѣсти первую тысячу, даже сотню рублей, а потомъ, опираясь на вольно-наемный трудъ, быть хозяиномъ возможно большаго числа рабочихъ рукъ. Словомъ, если мы согласимся, что средній человѣкъ стремится прежде всего къ упроченію матеріальнаго благосостоянія, что онъ руководствуется почти всегда эгоистическими побужденіями, только изрѣдка отступающими подъ приливомъ чувства дружелюбія, то скажемъ, что крестьянину-общиннику знакомы или изъ ближайшаго

наблюденія, или по слухамъ разнообразные и многочисленные пути, которые ведутъ къ этой цѣли и которые не стоятъ даже въ отдаленномъ родствѣ съ общиннымъ строемъ или общиннымъ трудомъ. Говоря это, мы вовсе не отрицаемъ возможности для отдѣльныхъ общинъ и даже абсолютно большаго числа общинъ не только вести усовершенствованное хозяйство, но и слѣдовать въ пользованіи землею и взаимныхъ отношеніяхъ тѣмъ началамъ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ чувству справедливости. Но для насъ несомнѣнно, что примѣръ первыхъ отнюдь не можетъ затуманить соблазнительныя картины примѣровъ совершенно иного рода, которые видишь на каждомъ шагу. Сравнимъ. Община осушаетъ болото, обращаетъ его въ лугъ, вслѣдствіе чего площадь сѣнокосовъ каждаго увеличивается на полдесятины; это соотвѣтствуетъ годичному доходу въ 10 рублей. Деревня вводитъ общую запашку, строитъ хлѣбозапасный амбаръ, держитъ въ немъ полные запасы зерна, вслѣдствіе чего каждый домохозяинъ можетъ имѣть сѣмена для посѣва по 60 копѣекъ за пудъ, вмѣсто рубля (цѣна, платимая мѣстнымъ ростовщикамъ), и сберегаетъ 8—10 рублей въ годъ. Подобные факты служатъ выдающимися признаками прогрессивнаго движенія въ общинѣ и, въ совокупности, доставляютъ общинникамъ очень серьезныя выгоды. Но какъ блѣднѣютъ они при сравненіи съ каменнымъ домомъ, который сосѣдъ Иванъ, занимаясь торговлею, пріобрѣлъ въ Москвѣ, съ лавкою краснаго товара, которую открылъ Василій, или полотняной фабрикой, которую устроилъ Григорій. Выгоды, доставляемыя общиной, удовлетворяютъ многихъ; но абсолютно взятыя, онѣ очень скромны, и наиболѣе энергичные и

даровитые общинники всегда готовы попытать счастья внѣ общиннаго строя, чтобы получить болѣе крупный выигрышъ. А каждый новый крупный или даже просто замѣтный выигрышъ, самъ по себѣ, независимо отъ внѣшнихъ силъ, которыя разлагаютъ общину, уже имѣетъ то вліяніе, что соблазняетъ размахнуть крыльями всѣхъ, кто чувствуетъ, что можетъ хотя сколько-нибудь летать. Противъ всего, что́ мы говорили, можетъ быть сдѣлано то главное возраженіе, что эти вліянія могущественны теперь, что положеніе дѣлъ было-бы совсѣмъ иное, еслибы послѣ освобожденія крѣпостныхъ русская хозяйственная жизнь была вдвинута въ другое русло. Мы пока оставляемъ открытымъ вопросъ о томъ, какими средствами нужно было пользоваться, чтобы дать русской жизни направленіе, рѣзко отличное отъ того, которое она приняла. Но скажемъ, что и въ дореформенной Россіи перечисленныя мною вліянія, болѣе слабыя, нежели теперь, были довольно могущественны. И въ ту пору предметомъ всеобщаго удивленія и зависти, примѣромъ, достойнымъ подражанія, вовсе не былъ хозяйственный мужикъ, который лучше другихъ обрабатывалъ ниву помѣщика или свою и всѣмъ складомъ своего характера готовъ былъ поддерживать основныя начала общиннаго строя, а тотъ, котораго помѣщикъ отпустилъ на оброкъ, кто пріобрѣлъ на сторонѣ лавку, мастерскую, каменный домъ и въ концѣ концовъ дошелъ до такой ступени матеріальнаго благосостоянія, что помѣщикъ былъ вынужденъ отпустить его на волю.

Что же обѣщаютъ русскія артели дѣлу развитія въ Россіи артельнаго производства, какъ противовѣса частно-капиталистической промышленности? Артели въ

Россіи многочисленны и распространены во многихъ промыслахъ. Свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ объ этой формѣ труда, говорятъ намъ о частомъ примѣненіи артелей именно тамъ, гдѣ промыселъ не слбженъ, гдѣ между участниками нѣтъ большихъ различій ни относительно рабочаго искусства и другихъ личныхъ качествъ, необходимыхъ для общаго дѣла, ни относительно роли въ промыслѣ. Все, накопленное въ русской литературѣ объ артеляхъ, убѣждаетъ насъ. что артели особенно прочно держатся тамъ, гдѣ имъ помогаетъ старинный обычай, руководящій членами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, что, наконецъ, онѣ легко возникаютъ и въ новыхъ промыслахъ, гдѣ не примѣнялись ранѣе, если простота строенія союза и его дѣятельности позволяетъ безъ труда установить аналогію между новымъ видомъ артели и старыми, которыя по сознанію участниковъ или же безотчетно для нихъ послужили образцами. Несомнѣнно также, что вѣковое существованіе артелей во многихъ промыслахъ воспитываетъ среди людей, которые посвящаютъ себя этимъ занятіямъ, большой навыкъ къ артельному общенію. Совсѣмъ не то находимъ мы въ большинствѣ отраслей кустарной промышленности и, особенно, въ крупномъ производствѣ: артели являются здѣсь рѣдкими исключеніями. Если кустарный промыселъ утрачиваетъ свой чистый типъ и промышленное заведеніе соединяетъ не только членовъ семьи, но и людей, чуждыхъ другъ другу, то мы встрѣчаемъ обыкновенное хозяйское предпріятіе съ наемными работниками Занимаетъ ли такая уже выродившаяся кустарная мастерская 10, 5 или даже 3 работника, она подходитъ къ типу частно-капиталистическихъ предпріятій. Поднимаясь же въ область крупнаго и даже средняго производства,

гдѣ промышленное заведеніе имѣетъ нѣсколько десятковъ работниковъ, мы вовсе не находимъ артелей. Конечно, ихъ отсутствіе среди бумагопрядильныхъ фабрикъ или машиностроительныхъ заводовъ не представляетъ ничего удивительнаго. Но не странно-ли, что среди десятковъ и сотенъ тысячъ нашихъ кустарей древодѣловъ, кузнецовъ, слесарей, кожевниковъ мы встрѣчаемъ артели только какъ весьма рѣдкія исключенія? Въ этихъ промыслахъ нѣтъ сложной техники, отличающей крупное производство; въ нихъ нѣтъ трудностей, связанныхъ съ пріобрѣтеніемъ сырья или сбытомъ издѣлій, а между тѣмъ артели не развиваются въ нихъ. Причиной служитъ то обстоятельство, что при исчезновеніи семейнаго производства. замѣнѣ его другой формой, маленькое предпріятіе съ наемными рабочими всегда обладаетъ большею подвижностью, гибкостью, приспособляемостью, нежели артель. Какъ ни просты эти промыслы, они представляются гораздо болѣе сложными, нежели охота, рыболовство, крючничество, дающія наибольшее число артелей. Кустарямъ въ столярномъ или слесарномъ промыслѣ для того, чтобы образовать артель, нелегко найти пригодный образецъ; нужно совершить извѣстный процессъ мысли, чтобы выработать начала артельнаго общенія. Къ этому присоединяется недостатокъ денегъ и разныя другія частныя и мѣстныя условія, которыя препятствуютъ организованію артели. Каждый же кустарь, скопившій нѣсколько сотъ рублей, имѣетъ данныя, чтобы преобразовать свое семейное производство въ мастерскую съ наемными рабочими. Для этого ему нужно дѣйствовать только такъ, какъ дѣйствуютъ многіе въ его сосѣдствѣ. Единичныя артели, возникшія тамъ и сямъ

въ кустарной промышленности и хотя нѣсколько развившія производство, несомнѣнно доказываютъ, что артельная форма возможна и примѣнима во многихъ отрасляхъ. Но, какъ эти единичные примѣры, такъ еще болѣе того артели, рушившіяся съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, доказываютъ, что въ обширной области нашихъ мелкихъ промысловъ какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, навыкъ къ артельному общенію очень малъ, почва для этого не всегда воспріимчива, личныя качества промышленниковъ часто не соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, которыя артель ставитъ своимъ членамъ, и каждая артель имѣетъ гораздо меньше шансовъ на развитіе, нежели маленькое частно-капиталистическое предпріятіе, руководимое даже лицомъ, умственно ограниченнымъ и неспособнымъ улучшить производство.

Многіе факты изъ міра русскихъ артелей доказываютъ, что условія для примѣненія артельнаго труда въ сколько-нибудь сложныхъ предпріятіяхъ далеко неблагопріятны. Мы находимъ артельныя кузницы среди гвоздарей Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Но каждый имѣетъ свою наковальню и работаетъ самостоятельно. «Настоящей артели», схватки, въ смыслѣ общей выработки и дѣлежа выручки, нѣтъ. «Переворуемъ другъ у друга», говорятъ недовѣрчивые гвоздари [1]). Ясно, что устройство общей кузницы очень легко, а артельное производство гвоздей связано со значительными трудностями. Г. В. В., описывая артели, которыя составляются въ простѣйшихъ промыслахъ, отмѣчаетъ препятствія для образованія складочныхъ и сырьевыхъ артелей, для выгоднаго

[1]) Плотниковъ. Кустарные промыслы Нижегородской губерніи. 1894. 206.

сбыта издѣлій и покупки сырья на отдаленныхъ рынкахъ. Вотъ его слова: «При отсутствіи правильно организованныхъ кредитныхъ учрежденій для мелкаго промысла и зависимости, въ какой находятся кустари въ отношеніи кредита отъ скупщиковъ ихъ издѣлій, являющихся въ то же время и поставщиками для нихъ сырого матеріала, при безграмотности кустарей и существующей между ними *разъединенности*, и *взаимномъ недовѣріи*—организація въ ихъ средѣ союзовъ для оптовой закупки дорогого сырья на болѣе или менѣе отдаленныхъ рынкахъ представляется дѣломъ весьма трудно осуществимымъ и потому рѣдко встрѣчающимся» [1]). Если перечисленныя условія препятствуютъ образованію сырьевыхъ, сравнительно простыхъ артелей, то тѣмъ большею служатъ они преградой для артельнаго производства въ промыслахъ, которые не сохранили артельныхъ традицій.

Чего-же ожидать отъ правильно наблюденнаго факта, что многіе кустарные промыслы начинаются въ видѣ довольно крупныхъ мануфактуръ, а затѣмъ развиваются, какъ сѣть мелкихъ промышленныхъ заведеній, семейныхъ и даже одиночныхъ? Представители народничества склонны давать этому факту то объясненіе, что онъ самъ по себѣ доказываетъ непрочность частнаго капитализма на русской почвѣ и ручается за очень долгое сохраненіе многихъ отраслей нашей мелкой промышленности.

Этотъ фактъ, какъ-бы часто онъ ни былъ наблюдаемъ, не имѣетъ никакого значенія въ вопросѣ о построеніи русской промышленной жизни на но-

---

[1]) В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. 1895. 16. Курсивъ введенъ мною.

выхъ и самобытныхъ устояхъ. Этотъ фактъ объясняется техническими особенностями промысловъ и не представляетъ ничего загадочнаго. Пока въ производствѣ господствуютъ простыя орудія, а машины неизвѣстны, до тѣхъ поръ самыя мелкія единицы могутъ не совсѣмъ безуспѣшно соперничать съ крупными, хотя послѣднія всегда пользуются преимуществами, которыя связаны съ ихъ размѣрами. Если мы наблюдаемъ какой-нибудь промышленный районъ этого рода, то видимъ мастерскія съ десятками работниковъ, съ 2 — 3 работниками, а также семейное и одиночное производство. Слѣдя за положеніемъ подобнаго района нѣсколько лѣтъ къ ряду, мы можемъ быть свидѣтелями возникновенія и самыхъ мелкихъ мастерскихъ, и довольно крупныхъ заведеній. Если же мы присутствуемъ при зарожденіи промышленности въ какомъ-нибудь районѣ, то въ немъ, благодаря совершенно второстепеннымъ обстоятельствамъ, старѣйшими по образованію могутъ быть сравнительно крупныя заведенія. Съ такими фактами знакомитъ насъ исторія русскихъ кустарныхъ промысловъ. Если насадитель такого сельскаго промысла переноситъ его изъ города въ деревню, имѣетъ небольшой капиталъ, имѣетъ, быть можетъ, довольно обширную мастерскую въ городѣ, то, передвигаясь въ деревню, основываетъ промышленное заведеніе не совсѣмъ малыхъ размѣровъ. Крестьяне присматриваются къ новому производству, и такъ какъ обзаведеніе орудіями стоитъ недорого, то начинаютъ заниматься промысломъ въ своихъ избахъ, т.-е. мельчайшія промышленныя единицы слагаются позднѣе болѣе крупныхъ, которыя и послужили первоначальными разсадниками даннаго промышленнаго искусства въ этомъ районѣ. Образо-

ваніе мелкихъ промышленныхъ заведеній позднѣе крупныхъ, и совмѣстное ихъ существованіе можетъ продолжаться много лѣтъ, даже нѣсколько поколѣній, пока не произойдетъ коренной перемѣны въ техническихъ условіяхъ производства, которыя убиваютъ мелкую промышленность. Напрасно было бы думать, что подобные факты даютъ какую либо надежду, что въ этихъ промыслахъ есть творческая сила, способная создать что-то новое. Если въ подобномъ промыслѣ развивается семейное или одиночное производство, то они, конечно, принадлежатъ своей формой сѣдой старинѣ. Если возникаетъ довольно обширная мастерская, то не въ видѣ артели, а съ наемными рабочими. И перечисленіе русскихъ кустарныхъ промысловъ, развившихся изъ довольно большихъ мастерскихъ, вовсе не облегчаетъ работы—найти въ нашей кустарной промышленности элементы, которые ручались бы за то, что частный капитализмъ не разовьется въ русскомъ народномъ хозяйствѣ.

Чего же ожидать отъ дѣятельности лицъ образованнаго класса на поприщѣ пересозданія нашей промышленности? Раньше чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы хотимъ устранить ошибочное мнѣніе, будто бы въ Россіи люди образованнаго класса выдѣляютъ изъ своей среды гораздо больше, чѣмъ на Западѣ, дѣятелей въ высокой степени проникнутыхъ чувствомъ дружелюбія, готовыхъ настойчиво и самоотверженно служить народу. Для всѣхъ, кто считаетъ русскихъ представителями особой, высшей цивилизаціи, носителями духовныхъ началъ, которыхъ не вѣдали и не вѣдаютъ другіе народы, такое заблужденіе очень привлекательно. Въ основѣ же его лежитъ рѣзкая разъединенность образованныхъ классовъ и простолюди-

новъ. Она давно исчезла на Западѣ и, держась въ русской жизни, даетъ многимъ простымъ фактамъ слишкомъ яркое, почти волшебное освѣщеніе. Въ Америкѣ и на западѣ Европы, гдѣ средній классъ силенъ числомъ и образованностью, гдѣ низшіе классы обладаютъ хотя бы такими элементами культуры, какъ грамотность и начальное образованіе, и пользуются, по крайней мѣрѣ, простѣйшими удобствами матеріальной жизни, дѣятельность для народа, какой бы сферы она ни касалась, не можетъ производить впечатлѣніе чего-то необыкновеннаго, совсѣмъ выходящаго изъ ряда вонъ. Этому способствуютъ прежде всего такія условія, какъ многочисленность городскихъ центровъ, разсѣянныхъ равномѣрно по культурнымъ странамъ западной Европы, густота населенія, удобство путей и общій, довольно высокій, уровень потребностей. Западно-европеецъ, который своей дѣятельностью; въ качествѣ учителя, врача, агронома, руководителя какого нибудь рабочаго союза, принадлежитъ преимущественно деревнѣ, сохраняетъ тѣснѣйшія связи и съ представителями средняго класса, и съ городами и сохраняетъ—если то позволяютъ матеріальныя средства—такія привычки и складъ жизни, которые усвоены имъ съ ранняго дѣтства. Такъ какъ населеніе западно-европейскихъ государствъ представляетъ совокупность многочисленныхъ группъ отъ высшихъ до низшихъ, съ послѣдовательными и отнюдь не рѣзкими переходами отъ одной къ другой, то однѣ внѣшнія особенности въ жизни человѣка по сравненію со средой, гдѣ онъ дѣйствуетъ, еще не порождаютъ недовѣрія къ нему и отнюдь не служатъ препятствіемъ для его дѣятельности. Въ Англіи, Франціи и Германіи человѣкъ родовитый и богатый, если даже онъ сохра-

няетъ привычки къ комфорту, если онѣ обнаруживаются въ его манерахъ, одеждѣ и обстановкѣ жилища, въ силу одного этого обстоятельства, ни на волосъ не теряетъ въ довѣріи со стороны простыхъ, бѣдныхъ, малопросвѣщенныхъ людей, интересамъ которыхъ онъ служитъ искренно и энергично. Я вспоминаю впечатлѣніе, которое произвелъ на меня Шульце-Деличъ. Онъ жилъ въ Потсдамѣ удобно, хорошо, какъ живутъ люди средняго класса со значительными матеріальными и культурными потребностями. Его жизнь представлялась полною роскоши сравнительно съ бытомъ ремесленниковъ и мелкихъ хозяевъ, для которыхъ онъ упрочивалъ новый типъ кредитныхъ учрежденій. Вся его дѣятельность принадлежала народу, но складъ западно-европейской жизни мѣшаетъ сказать, что онъ пошелъ со своей дѣятельностью въ народъ Нѣтъ, онъ остался на своемъ мѣстѣ, членомъ той общественной группы, къ которой принадлежалъ по рожденію и воспитанію, и послужилъ центромъ, къ которому тянулись нити изъ самыхъ бѣдныхъ городскихъ кварталовъ, населенныхъ исключительно ремесленниками и рабочими, и изъ самыхъ захолустныхъ деревень. Укажемъ на дѣятеля, гораздо болѣе крупнаго — Фердинанда Лассаля: ни рожденіе и воспитаніе въ богатой купеческой семьѣ, ни склонность къ комфорту, ни щегольство въ одеждѣ, ни связи съ великосвѣтскими дамами не мѣшали ему пользоваться безграничнымъ довѣріемъ рабочихъ, движеніе которыхъ пріобрѣло подъ его руководствомъ великое историческое значеніе. То же можно сказать о сотняхъ и тысячахъ дѣятелей, гораздо менѣе извѣстныхъ. Нѣмцу и французу не придетъ и въ голову мысль, что врачъ, поселившійся въ деревнѣ для прак-

тики преимущественно среди крестьянъ, чѣмъ нибудь рѣзко отличается отъ провинціальныхъ чиновниковъ, живущихъ въ сосѣднемъ городѣ или мѣстечкѣ. Имъ и въ голову не придетъ утверждать, что первый, предпочтительно предъ вторымъ, служитъ народу. Словомъ, факты, наблюдаемые въ Россіи, производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, когда наблюдаемъ ихъ же въ иной обстановкѣ, той, которую находимъ въ западной Европѣ.

Въ Россіи дѣятельность на пользу народа—такъ принято называть ее—поставлена въ иныя условія. Вслѣдствіе причинъ, сложившихся исторически, простой народъ, какъ въ городахъ, такъ особенно въ деревняхъ, весьма рѣзко отличается отъ образованныхъ и достаточныхъ классовъ не только важными условіями жизни, но и мельчайшими, чисто внѣшними привычками. Эти рѣзкія различія служатъ причиною недовѣрія простыхъ людей къ тому, кто, въ качествѣ ли учителя, врача, предподавателя, хочетъ служить ему, но сохраняетъ свои привычки, вытекающія изъ принадлежности къ иной, болѣе достаточной и образованной средѣ. Если, поэтому, такой дѣятель происходитъ изъ обезпеченныхъ слоевъ населенія, то вынуждается во многомъ измѣнить свой образъ жизни, приблизить себя къ тому, что привычно для глаза простыхъ людей. Такая перемѣна становится неизбѣжною для многихъ и потому, что они переходятъ изъ городовъ въ деревню, вступаютъ въ условія жизни, которыя не могутъ доставить даже начальныхъ жизненныхъ удобствъ. Эти люди и потому обращаютъ на себя вниманіе, что, при всеобщемъ тяготѣнія къ государственной службѣ, не трудной и достаточно вознаграждаемой, они, имѣя подготовку къ такой

службѣ, избираютъ путь болѣе тернистый. Сюда присоединяется и еще одно обстоятельство. Вслѣдствіе глубокой пропасти между образованными классами и народомъ, въ высшихъ общественныхъ слояхъ нѣтъ чувства и сознанія народной солидарности и единства, сознанія того, что бѣднѣйшіе классы крайне нуждаются во всестороннемъ содѣйствіи и безкорыстномъ служеніи образованныхъ и достаточныхъ людей, а потому порождается недовѣріе ко многимъ, которые избираютъ этотъ путь.

Вотъ причины—и частью внѣшнія,—въ силу которыхъ этому явленію придаютъ большее значеніе, нежели оно того заслуживаетъ. Сотня-другая нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, посвятившихъ свою дѣятельность исключительно бѣднѣйшимъ классамъ населенія, не удивляютъ никого. А одинъ русскій дворянинъ, поѣхавшій съ партіей переселенцевъ въ Сибирь, чтобы облегчить имъ отысканіе удобнаго участка земли, становится крупной фигурой. Газеты превозносятъ его за то, что онъ посвящаетъ свои силы народному благу. Администрація неоднократно даетъ ему понять, что онъ избралъ занятіе, которое не вполнѣ подобаетъ русскому дворянину.—Если же отрѣшиться отъ различій въ обстановкѣ, среди которой люди образованнаго класса дѣйствуютъ на пользу народа у насъ и на Западѣ, то окажется, что тамъ поставляется гораздо большее количество труда, чѣмъ у насъ. Вспомнимъ хотя бы объ университетскомъ движеніи, начавшемся въ 70-хъ годахъ съ цѣлью провести науку въ народъ. Число людей науки, принявшихъ участіе въ этомъ движеніи, число рабочихъ и крестьянъ, пріобщенныхъ къ университетскому знанію, разнообразіе знаній, приводимыхъ въ жизнь, такъ велики,

что было бы странно отыскивать въ русской жизни что-либо параллельное, могущее хотя въ отдаленной степени сравниться съ этимъ движеніемъ въ Англіи. Не будемъ забывать о внѣшнихъ препятствіяхъ, съ которыми связаны въ Россіи различные виды этой дѣятельности, о подозрительности и придирчивости, которыя нерѣдко парализуютъ вполнѣ закономѣрныя начинанія. Помня о всѣхъ этихъ препятствіяхъ, я, однако, не вижу основаній утверждать, чтобы, даже въ случаѣ исчезновенія внѣшнихъ преградъ, русское образованное общество проявило бо́льшую энергію и большее самоотверженіе при служеніи бѣднѣйшимъ классамъ народа, нежели мы то находимъ на Западѣ.

Итакъ, не будемъ преувеличивать силы и средства, которыя направляются въ Россіи къ народу изъ нѣдръ обезпеченныхъ классовъ. Посмотримъ же, какое вліяніе можетъ имѣть эта дѣятельность.

Конечно, вся эта дѣятельность заслуживаетъ самаго горячаго сочувствія и безоговорочнаго одобренія. Разъ человѣкъ отказывается отъ выгодъ своего положенія, отъ выгодъ, которыхъ онъ можетъ достигнуть благодаря своимъ способностямъ, знанію и, еще легче, благодаря своему происхожденію и богатству, и разъ онъ избираетъ сферу дѣятельности, гдѣ должно съузить многія матеріальныя и тѣмъ болѣе культурныя потребности, разъ онъ въ какой либо формѣ служитъ бѣднѣйшимъ и наиболѣе слабымъ согражданамъ, то обнаруживаетъ благороднѣйшія свойства человѣческой души. Такая дѣятельность должна вызывать во всѣхъ порядочныхъ людяхъ отраду и удивленіе. Но не слѣдуетъ увеличивать до исполинскихъ размѣровъ результаты, которыхъ можно отъ нея ожидать.

Независимо отъ разнообразныхъ функцій по суду

и управленію, которыя могутъ приводить людей образованныхъ классовъ въ близкое общеніе съ народомъ и при которыхъ возможно вліяніе первыхъ на народъ, всѣ виды дѣятельности, тѣсно связанные съ народнымъ бытомъ, могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ классамъ: 1) просвѣтительная, 2) врачебная, 3) технико-экономическая. Я отношу къ первому классу дѣятельность сельскаго духовенства и учителей. Насколько представители этихъ занятій въ населеніи содѣйствуютъ распространенію знаній и примѣромъ всей своей жизни укрѣпляютъ нравственное чувство, настолько ихъ дѣятельность можетъ быть плодотворною. Все, что они сдѣлаютъ на этомъ поприщѣ, послужитъ на пользу населенія и несомнѣнно послужитъ ему и въ экономическомъ смыслѣ. Высшія формы народнаго хозяйства требуютъ и болѣе высокаго умственнаго развитія, и болѣе стойкаго и возвышеннаго нравственнаго чувства, нежели менѣе совершенныя формы экономическаго быта. А потому, просвѣтительная дѣятельность въ народѣ имѣетъ первоклассное значеніе. Но она прямо не можетъ вліять на измѣненіе народно-хозяйственнаго уклада уже потому одному, что, за самыми рѣдкими, возможными, однако, исключеніями, духовенство и учительскій персоналъ слишкомъ поглощены своей главной дѣятельностью и совершенно неопытны въ дѣлѣ обновленія экономическихъ формъ. То же скажемъ мы и о дѣятельности врача, который посвятилъ свои силы практикѣ среди населенія деревень. Эта дѣятельность можетъ быть крайне полезна и въ смыслѣ предохранительной, и въ смыслѣ лѣчебной; она можетъ оказывать народу услуги постепеннымъ искорененіемъ его

предразсудковъ, но рѣшительно не способна имѣть вліяніе на перемѣны въ экономическомъ быту.

Лица, посвятившія свои силы служенію народу экономическою дѣятельностью, прямо служатъ задачѣ, которая и составляетъ предметъ нашего изслѣдованія. Эта дѣятельность можетъ облекаться въ двоякую форму: а) Въ форму замкнутой дѣятельности людей образованнаго класса, которые приближаются къ деревнѣ и образомъ жизни и занятіями и могутъ поэтому вліять на крестьянское населеніе и б) въ форму спеціальныхъ заботъ объ экономическомъ бытѣ бѣднѣйшихъ классовъ, причемъ лицо образованнаго класса ставитъ эти заботы главною или даже исключительною цѣлью своей жизни. Примѣромъ перваго могутъ служить тѣ земледѣльцы изъ образованнаго класса, которые, по одиночкѣ или группами, садятся на землю, приступаютъ къ веденію хозяйства и упрощаютъ свою жизнь (если даже сохраняютъ нѣкоторыя привычки образованныхъ людей) до такой степени, что совершенно заполняютъ пропасть, которая вообще отдѣляетъ у насъ интеллигенцію отъ народа. Примѣромъ втораго могутъ служить тѣ лица, которыя устраиваютъ артели среди кустарей, усовершенствуютъ технику сельскаго хозяйства или промысловъ и руководятъ созданными учрежденіями. И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ вліяніе можетъ быть очень велико; и даже не легко рѣшить, когда оно болѣе значительно. Я держусь того мнѣнія, что дѣятели первой группы могутъ оставлять въ окружающей средѣ даже большіе слѣды, чѣмъ лица, избравшія вторую форму воздѣйствія Организаторъ артели среди кустарей и ремесленниковъ или технологъ, знакомящій этихъ людей съ новыми пріемами производства,

даже при полномъ къ нему довѣріи, можетъ хотя съ чьей-нибудь стороны вызвать мысль, что, въ случаѣ неуспѣха новаго дѣла, онъ самъ, организаторъ, ничѣмъ не рискуетъ, ничего не теряетъ и можетъ повернуть на путь, который обезпечиваетъ ему матеріальное благополучіе. Относительно же земледѣльцевъ изъ образованнаго класса подобное предположеніе и, какъ его слѣдствіе, уменьшенное довѣріе не имѣетъ почвы уже потому, что эти люди не задаются цѣлью устраивать или преобразовывать чей либо бытъ, а закрѣпляютъ себя, со своими интересами въ данномъ занятіи и, истративъ на это всѣ матеріальныя средства, обыкновенно весьма скромныя, заграждаютъ себѣ выходъ изъ этого положенія и перемѣну условій жизни. Къ тому же эти люди дѣйствуютъ больше примѣромъ, чѣмъ словомъ и поученіемъ. Воздѣйствіе въ этихъ обѣихъ формахъ можетъ быть плодотворно. Но интересно выяснить родъ этого воздѣйствія. Поскольку такое общеніе направлено на то, чтобы поднять уровень умственнаго развитія данной деревни или группы простолюдиновъ, постольку можно разсчитывать на несомнѣнно полезные результаты. Можно съ полнымъ основаніемъ разсчитывать на благопріятные результаты и тогда, когда дѣятельность такихъ людей имѣетъ цѣлью поднять уровень техники, улучшить орудія, помочь крестьянамъ въ сельскомъ хозяйствѣ или ремесленникамъ и кустарямъ въ какомъ-либо приспособленіи къ промыслу. Но отъ всѣхъ этихъ вліяній безконечно далеко до вліянія въ смыслѣ переустройства экономической жизни. Почти каждый пойметъ выгоды фосфоритнаго удобренія, хорошихъ посѣвныхъ сѣмянъ, улучшенной породы скота. Но очень немногіе готовы не только сродниться съ мыслью

о полезности артельнаго общенія, но и воспитать въ себѣ тѣ свойства характера, которыя необходимы для успѣшности артельнаго труда. И это въ равной мѣрѣ приложимо какъ къ тѣмъ случаямъ, когда лица образованнаго класса входятъ въ составъ извѣстной группы и руководятъ ею, такъ и въ томъ, когда они слагаютъ новый типъ хозяйства и дѣйствуютъ своимъ примѣромъ. Артели, существующія въ Россіи, благодаря дѣятельности интеллигентныхъ людей, могутъ быть перечислены по пальцамъ. Какое важное или даже великое значеніе въ смыслѣ соціальномъ и культурномъ мы ни придавали-бы каждой изъ существующихъ артелей, мы не должны закрывать глаза на два факта: 1) на слишкомъ малое число артелей и 2) на тяжелый, едва-ли посильный трудъ, выпадающій на долю организаторовъ и устроителей. Все, пережитое павловской артелью кустарей за ея только 5-лѣтнее существованіе, доказываетъ, что дѣятельность организаторовъ затрудняется не только недостаткомъ денегъ, кредита, техническими несовершенствами артельной мастерской, но и необходимостью борьбы съ чертами характера артельщиковъ, вынесенными изъ всѣхъ условій быта, необходимостью руководить всѣми мелочами въ жизни предпріятія, дабы оно не было безрезультатнымъ [1]). Наблюдая экономическіе факты русской жизни, мы видимъ, что населеніе деревни усвоиваетъ разныя новинки техники; хотя, относительно, техническія улучшенія медленны, однако случаи, когда вводится фосфоритное удобре-

[1]) Руководители павловской артели, которая пользуется многими благопріятными условіями, сомнѣваются, чтобы артель удержалась, если бы они оставили ее.

ніе или соха замѣняется плугомъ или входятъ въ употребленіе новые сырые матеріалы, выражаются абсолютно довольно большими цифрами. Но артелей новаго типа мало, поразительно мало. Правда, разнообразныя внѣшнія препятствія часто мѣшаютъ основанію артелей. Однако, если бы дѣло не было такъ трудно, если бы число людей образованнаго класса, способныхъ переустроить форму производства и готовыхъ служить народу въ этой области, было такъ велико, какъ объ этомъ говорятъ [2]), то мы имѣли бы гораздо больше артелей. Не забудемъ, что съ половины 60-хъ годовъ наша литература не оставляетъ этого вопроса, разрабатываетъ его въ подробностяхъ и поддерживаетъ не только интересъ къ этой формѣ труда, но и вѣру въ ея громадное значеніе именно для нашего отечества.

Другимъ поучительнымъ примѣромъ служатъ колоніи земледѣльцевъ изъ образованнаго класса. Ихъ всего очень немного. Наиболѣе выдающеюся является Криница въ Черноморскомъ округѣ, основанная въ 1885 году В. В. Еропкинымъ и его друзьями. Эта колонія имѣла благодѣтельное вліяніе на сосѣднихъ крестьянъ. Артельный трудъ, положенный въ основаніе всего хозяйства колоніи, вѣрность колоніи этому началу въ теченіе 10 лѣтъ, безостановочное развитіе поселенія—все, повидимому, дѣлаетъ эту общину лучшею школою для тѣхъ молодыхъ людей, которые готовы посвятить народу всѣ свои силы. Такъ многіе смотрятъ и продолжаютъ смотрѣть на Криницу. Со

---

[2]) Какъ мало число этихъ людей, доказывается тѣмъ фактомъ, что за послѣднія 20 лѣтъ нельзя насчитать и 10 лицъ образованнаго класса, которыя пріобрѣли-бы извѣстность, какъ насадители или руководители артелей.

времени ея основанія въ ней перебывало до 200 лицъ обоего пола изъ образованнаго класса, чтобы привыкнуть къ новому складу жизни и создать подобныя же колоніи. Немногіе, очень немногіе изъ массы посѣтителей и учениковъ остались вѣрными своему первоначальному намѣренію, поучились у колонистовъ Криницы и рѣшились измѣнить весь строй своей жизни. Огромное большинство осталось недовольно; оно нашло обстановку слишкомъ сѣрой, а складъ жизни—слишкомъ тягостнымъ, разочаровалось въ возможности жить такъ, какъ криницкіе поселенцы, и возвратилось въ старое русло. Нашлись и такіе, которые, не взирая на радушіе обитателей Криницы и ихъ образъ жизни, вообще, заслуживающій полнаго сочувствія, стали вымышлять относительно этихъ людей небылицы. Можно дать этому такое объясненіе: увлекаясь планами новой жизни, способной осуществить возвышенные общественные идеалы, многіе изъ русскихъ людей остаются подъ обаяніемъ этой мысли и этого чувства. Но какъ скоро дѣйствительность докажетъ, что достиженіе счастья посредствомъ созданія новаго уклада жизни гораздо труднѣе, нежели пріобрѣтеніе матеріальнаго довольства и почетнаго общественнаго положенія съ помощью обычныхъ, традиціонныхъ средствъ, вѣрностью существующему порядку во всемъ до мелочей, то наступаетъ разочарованіе и охлажденіе; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно прискорбныхъ, является даже враждебное отношеніе къ лучшимъ людямъ, которые не только мечтали и говорили, не только тѣшили себя и увлекали другихъ, но и сказали новое слово въ той области, которой посвятили свои силы.

Мы дѣлаемъ отсюда два вывода: 1) мы преувели-

чиваемъ число образованныхъ русскихъ людей, которые готовы посвятить народу свои силы; 2) среди тѣхъ, которые становятся на этотъ путь, совсѣмъ незначительно число людей, способныхъ перестроить русское народное хозяйство и доставить торжество артельному труду.

VII.

Перейдемъ въ область государственныхъ мѣропріятій. Постараемся отвѣтить на вопросъ о томъ, что̀ дѣлаетъ, что́ дѣлало и что могло и должно было дѣлать государство для кореннаго преобразованія русскаго народнаго хозяйства?

Оцѣнивая народно-хозяйственную политику Россіи за послѣднее 30-лѣтіе, всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что эта политика была направлена на укрѣпленіе и развитіе крупной частнокапиталистической промышленности, при чемъ однѣ мѣры прямо принимались для достиженія этой цѣли, другія вели къ ней косвенно, хотя и принимались изъ различныхъ побужденій. Всѣ льготы, всѣ ссуды, которыя давались крупнымъ частнымъ предпріятіямъ, всѣ заказы, которые государство, въ лицѣ различныхъ вѣдомствъ, распредѣляло между частными фабриками и заводами, служили толчкомъ для расширенія этихъ предпріятій. Таможенный тарифъ долженъ быть признанъ цѣлой системой мѣръ, направленныхъ къ укрѣпленію крупнаго производства, хотя всегда и вездѣ возвышеніе таможенныхъ налоговъ объясняется желаніемъ государства вообще охранить туземную промышленность

отъ соперничества иностранной. Какъ всегда и вездѣ, русскій таможенный тарифъ имѣлъ на промышленность то вліяніе, что способствовалъ росту крупныхъ промышленныхъ предпріятій и уже потому давилъ мелкое производство. Чѣмъ болѣе поднимается, вслѣдствіе повышенія пошлины, цѣна заграничныхъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ, тѣмъ болѣе выгоднымъ становится расширеніе предпріятій, защищенныхъ таможеннымъ налогомъ; а такъ какъ свободные капиталы страны естественно притягиваются крупною промышленностью, а не мелкимъ производствомъ, то первая легко расширяется и больше давитъ на мелкое производство, нежели при умѣренныхъ таможенныхъ налогахъ. И, вотъ, мы можемъ наблюдать ростъ нашей фабричной промышленности отъ 1877 года, времени, когда начало увеличиваться таможенное покровительство.

Среди общихъ экономическихъ мѣропріятій, которыя способствовали росту крупной промышленности, слѣдуетъ отмѣтить воздѣйствіе государства на кредитъ. Государственный банкъ, отъ времени своего основанія, былъ устроенъ такимъ образомъ, что служилъ преимущественно крупному производству, оказывалъ гораздо меньшія услуги среднему и ровно ничего не дѣлалъ для мелкаго. Средняя цѣнность векселей, учтенныхъ государственнымъ банкомъ за 30-лѣтіе (1861—90), ясно обнаруживаетъ такую кредитную политику: въ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ средняя цѣнность учтеннаго векселя колебалась между 1,078 и 2,290 рублями. Будучи самымъ крупнымъ кредитнымъ учрежденіемъ, государственный банкъ имѣлъ вліяніе на частные: и послѣдніе, возникая въ довольно большомъ числѣ въ столицахъ и самыхъ крупныхъ

губернскихъ городахъ, воздерживались отъ оборотовъ не только среди крестьянскаго населенія, но и среди мелкихъ городскихъ промышленниковъ и торговцевъ. О выдачѣ ссудъ крестьянамъ, ремесленникамъ и кустарямъ, какъ предусмотрѣно въ уставѣ государственнаго банка 1894 года, пока слышно очень мало. То же слѣдуетъ сказать и о финансовой политикѣ. Промысловый налогъ ложится на мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ въ 2, 3, 5, 10 разъ относительно большимъ бременемъ, нежели на крупныхъ, и уже этимъ облегчаетъ концентрированіе предпріятій изъ большихъ въ исполинскія. Такою же мѣрою должны быть признаны конверсіи нашихъ государственныхъ займовъ, произведенныя отъ 1889 года. На первый взглядъ конверсія, если для нея выбрано благопріятное время, представляется мѣрой, уменьшающей государственные расходы. Но со вліяніемъ конверсіи на финансы связано и вліяніе на положеніе общественнаго кредита. Понижая уровень процента по государственнымъ займамъ, конверсія, совершонная въ довольно большихъ размѣрахъ, вообще, понижаетъ уровень процента въ странѣ и въ сдѣлкахъ между частными хозяйствами. Еслибы всѣ слои населенія имѣли легкій доступъ къ кредиту и еслибы въ разныхъ мѣстахъ страны, въ большихъ городахъ и деревняхъ, въ бойкихъ центрахъ и захолустьяхъ процентъ стоялъ на одной и той же высотѣ, то конверсія была бы въ равной мѣрѣ выгодна для всѣхъ отраслей промышленности, для крупныхъ и мелкихъ. Однако, въ дѣйствительности мы находимъ не то. Если въ нашемъ отечествѣ предъ началомъ конверсій процентъ по государственнымъ займамъ составлялъ 5 годовыхъ, а коммерческій кредитъ для первоклассныхъ

промышленниковъ оплачивался 6 годовыми, то мелкая промышленность городовъ и деревень имѣла самый выгодный кредитъ, не менѣе, чѣмъ изъ 10% годовыхъ. Конверсія, понижая процентъ, платимый государствомъ. съ 5 годовыхъ на 4, давитъ на уровень и частнаго процента, который понижается для крупныхъ должниковъ до 5 годовыхъ, т.-е. на $^1/_6$, а для мелкихъ—до 9, т.-е. на $^1/_{10}$, вслѣдствіе чего кредитъ становится для крупныхъ промышленниковъ, сравнительно съ мелкими, еще болѣе выгоднымъ, нежели былъ ранѣе.

Политика, направленная на поддержаніе и развитіе крупной промышленности въ Россіи, ярко обозначается также и въ нерѣшительности, которая сказывается во всѣхъ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью оградить рабочихъ отъ самовластія частнаго капитала. Наше фабричное законодательство даетъ для этого цѣлый рядъ краснорѣчивыхъ доказательствъ.

Въ западной Европѣ фабричное законодательство развертываетъ передъ нами картину непрерывнаго движенія впередъ; у насъ же фабричные законы послѣднихъ лѣтъ создали для рабочихъ менѣе благопріятныя условія. Законъ 24 апрѣля 1890 года меньше охраняетъ женщинъ, подростковъ и малолѣтнихъ, чѣмъ законы 1882 и 1885 годовъ: установляя многочисленныя изъятія изъ запрещенія ночнаго труда женщинъ и подростковъ, законъ 24 апрѣля разрѣшаетъ этимъ лицамъ ночную работу въ «особо уважительныхъ случаяхъ». Такими случаями, когда присутствія по фабричнымъ дѣламъ, а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, губернаторы могутъ разрѣшать женщинамъ и подросткамъ ночную работу, служатъ: продолжительная, вызванная несчастіемъ, остановка работъ на фабрикѣ и

усиленное поступленіе заказовъ передъ ярмарками; ночная работа разрѣшается этимъ лицамъ и тогда, когда женщины и подростки работаютъ ночью, совмѣстно съ главами своихъ семеи. Установленныя изъятія даютъ такой широкій просторъ для занятія женщинъ и подростковъ, что только небольшая ихъ часть находится въ условіяхъ, когда, согласно съ буквой закона, имъ не можетъ быть разрѣшена ночная работа. Въ значительныхъ фабричныхъ центрахъ жены и дочери обыкновенно работаютъ совмѣстно съ главами семей; изъятія, подъ предлогомъ усиленныхъ заказовъ, могутъ распространяться на большую часть года; если фабрика производитъ товары для главныхъ русскихъ ярмарокъ, то время усиленныхъ заказовъ наступаетъ 5, 6, 7, 8 разъ въ годъ, и ночная работа можетъ быть разрѣшаема съ небольшими перерывами въ теченіе почти цѣлаго года. Законъ ввелъ неблагопріятное измѣненіе для тѣхъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ примѣняется непрерывная 18-часовая дневная работа двумя смѣнами: въ такихъ заведеніяхъ малолѣтніе могутъ быть занимаемы работою уже не 8 часовъ въ сутки, какъ по закону 1882 года, а 9 часовъ, и ночное время для подростковъ и женщинъ считается не отъ 9 часовъ вечера и до 5 утра, какъ ранѣе, а отъ 10 до 4. Такимъ образомъ, дозволенный закономъ рабочій день удлинняется на 1 часъ для малолѣтнихъ и на 2 часа для подростковъ и женщинъ.—Законъ 8 іюня 1893 года, дополняя правила объ отношеніяхъ нанимателей и рабочихъ, является значительнымъ шагомъ назадъ, такъ какъ ставитъ рабочихъ въ болѣе стѣсненное положеніе. Прежде договоръ найма прекращался, если, вслѣдствіе пожара, наводненія, взрыва паровика и иныхъ тому подобныхъ

несчастныхъ случаевъ, работа пріостанавливалась на «продолжительное время». Теперь же договоръ можетъ быть прекращенъ, если работа, вслѣдствіе несчастнаго случая, «пріостановлена въ теченіе болѣе семи дней». Прежде законъ очевидно имѣлъ въ виду болѣе продолжительный срокъ; говоря о несчастныхъ случаяхъ, онъ подразумѣвалъ такіе размѣры пожаровъ, наводненій, взрывовъ паровиковъ, которые дѣлаютъ работу на долгое время невозможной, причиняютъ хозяину большіе убытки, а потому и оправдываютъ прекращеніе его договора съ рабочими. Опредѣляя же семью днями срокъ пріостановки работъ, послѣ которой владѣлецъ промышленнаго заведенія уже можетъ уничтожить договоръ съ рабочими, законъ даетъ хозяину льготу даже тогда, когда несчастный случай причинилъ небольшіе убытки, ибо 7—8 дней слишкомъ мало, чтобы исправить крупныя поврежденія. Когда заработная плата имѣетъ наклонность понижаться, то пользованіе хозяевъ этимъ правомъ можетъ причинять рабочимъ большой ущербъ. Этотъ законъ позволяетъ хозяину или завѣдующему фабрикой расторгнуть договоръ найма, если рабочій «по уважительнымъ причинамъ» не является на работу болѣе двухъ недѣль подъ рядъ; постановленіе сурово, такъ какъ къ «уважительнымъ случаямъ» относятся тяжелые удары судьбы, которые обрушиваются на человѣка: смерть членовъ семьи, пожаръ, уничтожающій дворъ и домашній скарбъ фабричнаго работника. Эти правила усиливаютъ строгость взысканій съ рабочихъ за прогулъ, уменьшаютъ наказаніе тѣхъ хозяевъ или завѣдующихъ фабриками, которые своими поступками вызвали стачку и проч. Отмѣтимъ, наконецъ, и то, что обученіе малолѣтнихъ рабочихъ гра-

мотѣ вовсе не обезпечено закономъ: онъ не устанавливаетъ никакихъ правилъ, которыя обязывали бы хозяевъ устроивать школы для рабочихъ.

Не перечисляя другихъ мѣръ этого рода, мы постараемся выяснить значеніе государственныхъ актовъ, которые несомнѣнно имѣютъ цѣлью поддержать мелкое производство.

Крестьянскому земельному банку принадлежитъ первенствующее мѣсто среди этихъ мѣропріятій. Мы не разсматриваемъ его дѣятельности въ деталяхъ и вовсе не хотимъ отмѣчать ея слабыя стороны; онѣ уже ярко освѣщены нашей экономической литературой. Груда цифръ и различныя сочетанія между цифрами привлекаютъ насъ лишь настолько, насколько помогаютъ намъ выяснить главный вопросъ. Если мы оцѣнимъ дѣятельность крестьянскаго земельнаго банка, то получимъ такіе положительные результаты: за 11 лѣтъ (1883—93) онъ поставилъ 204,000 крестьянскихъ семействъ въ возможность купить больше 2 милліоновъ десятинъ земли, около 7 десятинъ на дворъ, т.-е. послужилъ дѣлу упроченія мелкой земельной собственности. Если даже допустить—это вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности,—что многимъ изъ заемщиковъ крестьянскаго банка не удалось упрочить ихъ хозяйственный бытъ, то все же въ крестьянскомъ хозяйствѣ обнаружится плюсъ, который можетъ быть выраженъ, абсолютно, довольно крупной цифрой. Эта цифра не только успокоиваетъ, но даже окрыляетъ оптимистовъ: она даетъ имъ удобный случай «привести неопровержимыя доказательства въ пользу того, что дѣлается очень и очень много для сельскихъ классовъ». Но эти цифры получаютъ надлежащее освѣщеніе только тогда, когда мы

сопоставимъ ихъ съ потребностью крестьянъ въ расширеніи земельныхъ надѣловъ и съ тѣмъ, что дѣлается въ сферѣ землевладѣнія для поддержанія крупнаго производства Сопоставленіе перваго рода должно быть таково. Крестьянское населеніе Европейской Россіи опредѣляется цифрою въ 80 милліоновъ душъ обоего пола. Такъ какъ техника крестьянскаго хозяйства дѣлаетъ крайне незначительные успѣхи, которые наблюдаются въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и даже, вѣрнѣе, въ отдѣльныхъ дворахъ, то крестьянское хозяйство не будетъ ухудшаться лишь при условіи, что землевладѣніе крестьянъ будетъ увеличиваться въ той же пропорціи, въ какой возрастаетъ крестьянское населеніе. Населеніе, приростая примѣрно на 1%, даетъ ежегодное увеличеніе въ 800,000 душъ; и площадь земли въ рукахъ крестьянъ должна-бы увеличиваться на 1%; при 132.000,000 десят. въ крестьянской собственности, она должна-бы возрастать ежегодно на 1.320,000 десят,, а она увеличивается съ помощью крестьянскаго банка только на 185,000 десятинъ, т.-е. на $^1/_7$ часть той пропорціи, въ какой она должна-бы увеличиваться. Дабы сохранить наибольшее безпристрастіе въ оцѣнкѣ государственныхъ мѣропріятій, мы допустимъ, что изъ 800,000 душъ, на которыхъ ежегодно возрастаетъ крестьянское населеніе, цѣлая треть не нуждается въ расширеніи земельнаго надѣла, при помощи крестьянскаго банка, что $^1/_4$ или $^1/_3$ часть этой трети причитается на переселенцевъ въ Сибирь, что всѣ они получаютъ достаточное земельное обезпеченіе (всѣмъ извѣстно, въ какой мѣрѣ такое предположеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности), что остальныя $^3/_4$ или $^2/_3$ этой трети расширяютъ свой надѣлъ на собственныя средства. И, даже сдѣлавъ

такія чудовищныя натяжки, мы получаемъ въ результатѣ, что крестьянскій земельный банкъ исполняетъ $^1/_5$ часть работы, которую онъ долженъ былъ-бы исполнить, дабы экономическій бытъ крестьянъ, т.-е. *условія мелкаго производства не измѣнялись къ худшему.* Всѣмъ извѣстенъ низкій уровень благосостоянія русской деревни, извѣстно, что большинство крестьянъ должны быть отнесены къ малоземельнымъ. И расширивъ въ 5—6 разъ свои обороты, крестьянскій банкъ только поддерживалъ-бы жалкій status quo нашего сельскаго быта. Значеніе крестьянскаго банка обрисуется еще болѣе ярко, если сравнимъ его дѣятельность съ оборотами дворянскаго банка. Возникнувъ на 2 года позднѣе крестьянскаго, дворянскій банкъ роздалъ за 9 лѣтъ (1885—93) въ ссуду 343 милліона противъ 70 милліоновъ рублей, выданныхъ крестьянскимъ, т.-е. за менѣе долгій срокъ почти въ 7 разъ болѣе. Если мы вычислимъ ссуды, выданныя дворянскимъ банкомъ, по площади земли, находящейся во владѣніи дворянъ, а ссуды, выданныя крестьянскимъ банкомъ, по площади земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, то получимъ на 1 десятину въ первомъ случаѣ болѣе 6 рублей (дворянамъ принадлежитъ 55 милліоновъ десятинъ), а во второмъ 50 копѣекъ. Термины «дворянскій» и «крестьянскій» вовсе не интересуютъ насъ въ эту минуту. Разсматривая заемщиковъ этихъ обоихъ кредитныхъ учрежденій, какъ членовъ не различныхъ сословій, а особыхъ экономическихъ группъ, мы имѣемъ основаніе сказать, что вся дѣятельность дворянскаго банка направлена къ поддержанію частнаго капиталистическаго производства, а дѣятельность крестьянскаго банка направлена на развитіе народнаго производства. Ка-

жется, нѣтъ надобности дѣлать выводъ, насколько бо́льшую поддержку получаетъ первое, нежели второе.

Изданный въ концѣ 1895 года новый уставъ крестьянскаго банка вводитъ самостоятельную покупку земель для перепродажи ихъ крестьянамъ въ рядъ текущихъ оборотовъ этого учрежденія. Новый уставъ вызвалъ ликованіе однихъ органовъ печати и страстное негодованіе другихъ. Первые признали самостоятельную покупку земель такимъ мѣропріятіемъ, которое загладитъ всѣ ошибки, вкравшіяся въ надѣленіе крестьянъ землей, а вторые усмотрѣли въ этомъ опасность для дворянскаго землевладѣнія: оно неизбѣжно исчезнетъ, такъ какъ появленіе въ лицѣ крестьянскаго банка новаго покупателя повыситъ земельныя цѣны и соблазнитъ на продажу имѣній даже тѣхъ дворянъ, которые, иначе, сохранили бы свои земли. Насъ не интересуетъ вопросъ о дворянскомъ землевладѣніи, какъ таковомъ, а потому мы и постараемся выяснить вліяніе, которое будутъ имѣть эти обороты крестьянскаго банка на хозяйство крестьянъ съ одной стороны и крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ съ другой.

Крупное и среднее землевладѣніе замѣтно сократилось бы, еслибы банкъ развилъ въ большихъ размѣрахъ операціи по покупкѣ земель за свой счетъ. Еслибы, напримѣръ, банкъ могъ покупать ежегодно $1\frac{1}{2}$—2 милліона десятинъ, то его обороты были бы связаны съ крупнымъ минусомъ на сторонѣ некрестьянскаго землевладѣнія. Но нельзя предсказать ему такое расширеніе оборотовъ. Въ теченіе 5 лѣтъ, на которыя и введена эта мѣра, банкъ можетъ израсходовать для покупки земель около 11 милліоновъ. Если главныя его операціи будутъ производиться въ черно-

земныхъ губерніяхъ, великорусскихъ, малороссійскихъ и юго-западныхъ, то средняя цѣна десятины составитъ не менѣе 100 р. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда состояніе хозяйства еще не было такъ угнетено низкими цѣнами хлѣба, продажная цѣна десятины была не менѣе 120—125 рублей. Если наше предположеніе вѣрно, то за 5 лѣтъ на капиталъ банка, предназначенный для этой цѣли, будетъ куплено всего 110.000 десятинъ. Еслибы всѣ покупки были совершены въ новороссійскихъ губерніяхъ и нижнемъ Поволжьѣ, то, при средней цѣнѣ десятины въ 70—75 рублей, банкъ могъ бы купить за 5 лѣтъ 150.000 десятинъ или даже нѣсколько болѣе. А развитіе операцій банка на восточныхъ окраинахъ Европейской Россіи (въ Уфимской, Оренбургской, восточной части Самарской губерніи) или въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ, при средней цѣнѣ десятины въ 50 рублей, позволитъ купить 220.000 десятинъ. Вѣроятно, послѣднія мѣстности и привлекутъ къ себѣ особенное вниманіе агентовъ крестьянскаго банка, которые будутъ завѣдывать покупкою земель. За 12-лѣтнюю дѣятельность банка накопилось много фактовъ, убѣждающихъ, что неисправными заемщиками всего чаще оказываются крестьяне, купившіе, при помощи банка, земли въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ, гдѣ цѣны высоки; и, наоборотъ, покупщики земель въ губерніяхъ съ низкими цѣнами очень рѣдко становились неисправными должниками. Хотя въ среднихъ и малороссійскихъ черноземныхъ губерніяхъ цѣна земли значительно понизилась за послѣдніе годы, однако, она понизилась не настолько, чтобы банкъ часто имѣлъ случай купить дешево: здѣсь населеніе густо, спросъ на землю великъ; сравнительно удобные пути сооб-

щенія дѣлаютъ эти мѣста привлекательными для многихъ. Такъ какъ въ срединныхъ губерніяхъ сельское хозяйство уже эксплуатировало нѣкоторые крупные факты общественнаго развитія (сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, образованіе большаго числа внутреннихъ рынковъ, достаточная населенность), то скорѣе можно предсказать для этихъ мѣстностей дальнѣйшее пониженіе цѣнъ, нежели ихъ повышеніе; а потому въ этихъ губерніяхъ агенты банка будутъ дѣйствовать особенно осторожно. Восточныя окраины Европейской Россіи, бѣлорусское Полѣсье и нѣкоторыя другія мѣста съ низкими земельными цѣнами могутъ разсчитывать на вздорожаніе земли, такъ какъ и желѣзныя дороги, и прочная связь съ міровымъ рынкомъ, и густое населеніе - для нихъ еще дѣло будущаго. Покупая землю въ этихъ мѣстахъ, агенты банка почти всегда могутъ разсчитывать, что цѣна поднимется, т.-е. что покупка не причинитъ банку убытковъ. За все пятилѣтіе банкъ купитъ 150—200 тысячъ десятинъ. А такъ какъ при продажѣ этихъ земель часть капитала банка будетъ поступать обратно, то будетъ куплена большая площадь, въ сложности, быть можетъ, до 250.000 десятинъ.

Опредѣляя вѣроятные обороты такими цифрами, мы намѣренно закрываемъ глаза на всѣ обстоятельства, которыя могутъ уменьшить размѣры операціи. Нерѣдко встрѣтятся случаи, когда агентовъ банка будетъ удерживать отъ покупки опасеніе, что продажная цѣна искусственно возвышена и что уполномочившее ихъ учрежденіе можетъ понести убытки. Если припомнимъ перемѣны, которыя произошли во взглядахъ крестьянскаго банка на ссудныя операціи, то предскажемъ, что агенты банка будутъ скорѣе

склонны относиться къ покупкѣ слишкомъ осторожно, чѣмъ рисковать: въ первые годы своей дѣятельности банкъ требовалъ отъ заемщиковъ меньшей доплаты, чѣмъ позднѣе; очень вѣроятно, что такая же осторожность, нерѣшительность будетъ отличать дѣйствія банка и при покупкѣ земель. А въ такомъ случаѣ за 5 лѣтъ онъ купитъ гораздо меньше 200,000 десятинъ. Оставимъ, однако, въ сторонѣ всѣ частныя и мѣстныя условія, которыя сузятъ обороты крестьянскаго банка, и предположимъ, что онъ купитъ за 5 лѣтъ 250,000 десятинъ. Сопоставляя эту площадь съ приростомъ крестьянскаго населенія, мы увидимъ. что такими покупками можно достигнуть только очень скромныхъ результатовъ. Ежегодный приростъ крестьянскаго населенія въ наиболѣе густо населенныхъ губерніяхъ составляетъ болѣе полумилліона душъ, потребность которыхъ въ землѣ (полагая въ среднемъ 9 десятинъ на семью изъ 6 душъ) составляетъ 750,000 десятинъ, а банкъ будетъ предлагать къ продажѣ ежегодно 50,000 десятинъ, т.-е. несравненно ниже потребностей, которыя предъявляютъ крестьянскому банку безземельные и малоземельные; онъ будетъ удовлетворять только $^1/_{15}$ возрастающей потребности въ землѣ. Каждый, прочитавъ эти строки, согласится, что мы скорѣе преувеличиваемъ размѣры оборотовъ банка и нужду, которую онъ удовлетворитъ, нежели впадаемъ въ противоположную крайность. А потому, крестьянство, какъ цѣлое, извлечетъ изъ этихъ операцій банка очень мало выгодъ. Нельзя также надѣяться, что всѣ крестьяне, которымъ банкъ распродастъ свои земли, получатъ значительный выигрышъ и что можно будетъ считать прочно устроенными 7—8 тысячъ семействъ, которыя купятъ землю

у банка. Въ отдѣльныхъ случаяхъ банкъ будетъ покупать землю дѣйствительно очень дешево; въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ будетъ давать крестьянамъ ссуду, почти равную цѣнѣ участка; иногда на долю крестьянъ, купившихъ у банка участокъ земли, выпадетъ какое-нибудь благопріятное условіе, напримѣръ, проведеніе желѣзной дороги въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Но во многихъ случаяхъ покупщики не извлекутъ изъ этого существенной выгоды: иногда банкъ самъ купитъ не дешево, а пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ сдѣлаетъ этотъ участокъ дорогимъ при переходѣ его къ крестьянамъ; иной разъ крестьяне, покупая у банка, будутъ принуждены доплатить значительную сумму изъ собственныхъ средствъ, а *собственныя средства* крестьянъ, какъ извѣстно, связаны съ займами у ростовщиковъ изъ высокихъ процентовъ. Словомъ, отнюдь нельзя ручаться, что всѣ крестьяне, которые водворятся на этихъ земляхъ, хорошо упрочатъ свой хозяйственный бытъ. Крупное же и среднее землевладѣніе получитъ отъ этой мѣры большой выигрышъ; можно даже утверждать, что оно выиграетъ отъ каждаго случая покупки банкомъ частновладѣльческой земли.

Продавцы земли, прежде всего, выиграютъ на цѣнѣ. Мы далеки отъ мысли (ее приводили въ нѣкоторыхъ газетахъ), что земля очень вздорожаетъ: уже скромные размѣры обсуждаемой операціи не даютъ основанія предсказать, что земля замѣтно поднимется въ цѣнѣ. Агенты крестьянскаго банка не будутъ смотрѣть на себя, какъ на людей, которые призваны благотворить землевладѣльцамъ, платить имъ за землю по 1½ рубля вмѣсто 1 рубля. Мы полагаемъ даже, что во всѣхъ случаяхъ, когда спросъ на

землю будетъ предъявляться и крестьянскимъ банкомъ, и частнымъ лицомъ, которое намѣревается правильно хозяйничать на купленномъ участкѣ, банкъ не заплатитъ дороже втораго претендента: лица, покупающія землю для веденія хозяйства, обыкновенно даютъ не только цѣну, которая опредѣляется дѣйствительною доходностью участка, но и нѣсколько больше этого, часть капитализованнаго дохода, который, предположительно, будетъ давать земля съ переходомъ къ новому владѣльцу. Такимъ образомъ, капитализуя земельный доходъ изъ 4%, покупатель готовъ уплатить за имѣніе, которое приноситъ 1,000 рублей дохода, не 25,000 рублей, а, можетъ быть, 30,000, если разсчитываетъ безъ большаго труда поднять доходъ до 1,500 рублей. И крестьянскій банкъ обыкновенно не будетъ платить дороже такихъ покупателей. Но во всѣхъ случаяхъ, когда земля покупается спекулянтами, крестьянскій банкъ будетъ болѣе выгоднымъ покупателемъ, такъ какъ, уплативъ даже значительно дороже такого пріобрѣтателя, онъ станетъ владѣльцемъ земли на условіяхъ выгодныхъ, при которыхъ перепродажа этихъ участковъ крестьянамъ будетъ совершаться нормально, безубыточно и для крестьянъ, и для самого банка. Спекулянты покупаютъ очень много земли, а потому если агенты банка будутъ дѣятельны и внимательны къ своимъ обязанностямъ, то банкъ будетъ всегда выступать соперникомъ только спекулянтовъ, и продавцы земли будутъ выигрывать на цѣнѣ.

Съ этимъ выигрышемъ для крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ будутъ связаны и другія выгоды. Землевладѣлецъ заинтересованъ въ пріисканіи возможно болѣе дешевыхъ рабочихъ, разъ онъ самъ

ведетъ хозяйство. Крестьянскій банкъ будетъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, способствовать достиженію этой цѣли. Высшею нормой участка, предназначеннаго для продажи отдѣльнымъ крестьянамъ, будетъ площадь, могущая сполна занять рабочія силы семьи. Несомнѣнно, крестьянскій банкъ будетъ только въ исключительныхъ случаяхъ продавать землю такими крупными участками. Имѣя передъ собой большую массу малоземельныхъ и безземельныхъ, онъ будетъ понижать норму до того уровня, который соотвѣтствуетъ наиболѣе распространенной величинѣ крестьянскихъ надѣловъ; а при такихъ размѣрахъ (6 — 7 десятинъ на дворъ) надѣлъ еще далеко не достаточенъ для того, чтобы занять всю рабочую силу крестьянской семьи. Главными мѣстами покупки земли крестьянскимъ банкомъ будутъ восточныя губерніи и бѣлорусское Полѣсье. А уже значительность въ этихъ губерніяхъ крестьянскихъ дворовъ, которые недостаточно надѣлены землею (14,9% въ Оренбургской, 22,9 въ Уфимской, 24,0 въ Самарской, 16,4 въ Могилевской, 57,3 въ Минской), побудитъ установить для этихъ мѣстностей участокъ, не могущій занять всѣ рабочія силы семьи. Разъ совершится въ эти губерніи переселеніе изъ болѣе густо населенныхъ, то частновладѣльческое хозяйство будетъ имѣть къ своимъ услугамъ большое предложеніе рабочихъ рукъ, которое всегда способствуетъ пониженію заработной платы.

Крупный и средній землевладѣлецъ заинтересованъ также въ томъ, чтобы сдавать по возможно болѣе высокой цѣнѣ въ аренду всѣ свои земли или ихъ часть. Насажденіе крестьянской земельной собственности въ губерніяхъ рѣдко населенныхъ умножитъ

въ этихъ мѣстахъ число съемщиковъ земли и поднимет арендную плату.

Разсуждая такъ, мы исходимъ изъ предположенія, что крестьянскій банкъ будетъ покупать земли въ рѣдко населенныхъ губерніяхъ и передвигать туда крестьянъ изъ губерній съ наиболѣе густымъ населеніемъ. А потому, можно предположить, что рука объ руку съ выгодами частныхъ землевладѣльцевъ въ рѣдко населенныхъ губерніяхъ будутъ идти неудобства для землевладѣльцевъ губерній, откуда будутъ исходить покупщики земель крестьянскаго банка. Однако, это предположеніе не основательно. Въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ заработная плата такъ низка, а арендныя цѣны такъ высоки, что землевладѣльцы, сколько-нибудь дающіе себѣ отчетъ въ явленіяхъ народнаго хозяйства, не говорятъ о желательности пониженія первой и повышенія вторыхъ. Какъ мы замѣтили выше, есть условія, которыя стремятся нѣсколько понизить арендныя цѣны. Покупка же земель крестьянскимъ банкомъ и отвлеченіе изъ густо населенныхъ губерній части крестьянъ не станутъ факторами, которые повышаютъ заработную плату и понижаютъ арендную: вѣдь, крестьянскій банкъ можетъ отвлечь на свои земли 20—25—30.000 душъ въ годъ, а ежегодный приростъ населенія составляетъ въ этихъ губерніяхъ сотни тысячъ. Отвлекая небольшую частицу этого прироста, крестьянскій банкъ не помѣшаетъ тому, что къ услугамъ сельскихъ хозяевъ будетъ ежегодно все большее число рабочихъ рукъ и все большее число съемщиковъ на земельные участки.

Нисколько не измѣняя въ среднихъ губерніяхъ status quo, крестьянскій банкъ доставитъ существенныя выгоды тѣмъ крупнымъ и среднимъ сельскимъ

хозяевамъ, изъ ближайшаго сосѣдства которыхъ онъ отвлечетъ часть безземельныхъ и малоземельныхъ. Именно въ средѣ этихъ разрядовъ крестьянъ можно найти всего больше охотниковъ до порубокъ, потравъ и разныхъ другихъ проступковъ, которые вызываютъ со стороны землевладѣльцевъ столько жалобъ и увеличиваютъ расходы на лѣсныхъ и полевыхъ сторожей. Уменьшеніе числа этихъ людей сдѣлаетъ проступки менѣе частыми и сократитъ расходы на стражу.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать тотъ общій выводъ, что новый разрядъ оборотовъ крестьянскаго банка доставитъ больше выгодъ крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ, чѣмъ крестьянамъ.

Но, возразятъ многіе, за пятью годами опыта послѣдуетъ расширеніе этихъ операцій, послѣдуетъ установленіе такого порядка, что крестьянскій банкъ будетъ покупать земли на многіе десятки и сотни милліоновъ и постепенно передастъ въ руки крестьянъ всю площадь частно-владѣльческой земли. Если поэтому высказанныя опасенія имѣютъ мало основаній для ближайшихъ пяти лѣтъ, то они вполнѣ умѣстны относительно очень недалекаго будущаго.

Крупное преобразованіе въ этомъ направленіи могло бы совершиться лишь въ томъ случаѣ, еслибы политика опредѣлялась интересами крестьянъ. Пока ее направляютъ интересы другихъ общественныхъ группъ (дворянъ-землевладѣльцевъ, не дворянъ, владѣющихъ землею и капиталомъ), до тѣхъ поръ государство не будетъ въ широкихъ размѣрахъ способствовать переходу земли въ собственность крестьянъ. И любое преобразованіе крестьянскаго банка и всякаго рода мѣры въ области аграрной политики будутъ только по

названію, а не по существу демократизовать земельную собственность.

Но, можетъ быть, оказывая очень малое матеріальное содѣйствіе мелкому производству въ лицѣ крестьянскаго хозяйства, государство приняло мѣры къ охраненію общины? Мы имѣемъ за послѣднее время два относящіеся сюда закона — о передѣлахъ общинной земли и неотчуждаемости надѣловъ. Анализъ ихъ убѣждаетъ, что они сослужатъ весьма скромную службу общинѣ, какъ очагу болѣе совершенной формы народнаго труда.

Законъ 8 іюня 1893 года ограничиваетъ право сельскихъ обществъ производить передѣлы земли. А передѣлы, свободные отъ внѣшняго воздѣйствія, согласованные съ мѣстными условіями, и выражаютъ существо общиннаго владѣнія землей. Регулированіе передѣловъ сдѣлаетъ общинный строй для многихъ милліоновъ крестьянъ искусственнымъ созданіемъ, не соотвѣтствующимъ условіямъ мѣстной жизни. Земля имѣетъ важное значеніе для крестьянина, а потому онъ относится къ передѣламъ, какъ фактамъ, которые установляютъ на нѣсколько лѣтъ связь между землею и каждымъ общинникомъ, съ большею обдуманностью, нежели ко многимъ другимъ актамъ частной или общественной жизни. Нѣтъ основанія считать въ общинномъ строѣ злоупотребленіями такіе способы выполненія передѣловъ, которые отличаются отъ какой-то воображаемой средней нормы. Дѣлятся ли земли по ревизскимъ душамъ, по работникамъ, или тягламъ—вездѣ есть мѣстныя условія, которыя заставляютъ предпочесть одно изъ этихъ началъ, какъ единицу при передѣлахъ. Спросите крестьянъ, почему ихъ поля передѣляются слишкомъ часто, каждыя 6

лѣтъ или даже каждые 3 года, — и они укажутъ на вѣскія побужденія, заставляющія ихъ предпочитать такой порядокъ. И частные передѣлы, какъ извѣстно, вызваны къ жизни очень важными причинами. Большею частію, передѣлы производятся не чаще, чѣмъ каждыя 12 — 15 лѣтъ. Правда, найдется не мало общинъ, которыя передѣляютъ землю каждыя 3—6 лѣтъ; но это происходитъ въ общинахъ, гдѣ хозяйство упало, гдѣ земля считается бременемъ, гдѣ населеніе, оставаясь земледѣльческимъ по имени, перешло къ разнымъ промысламъ и имѣетъ внѣ сельскаго хозяйства главные источники дохода. Внимательное изученіе такихъ общинъ заставляетъ сказать, что причиною частыхъ передѣловъ служатъ не вредные элементы въ средѣ крестьянства, а упадокъ благосостоянія, слишкомъ малые надѣлы и крайняя бездоходность земледѣлія. Законъ поставитъ населеніе такихъ общинъ въ очень тяжелыя условія; онъ не улучшитъ ихъ хозяйства, но, затрудняя совершеніе передѣловъ, будетъ препятствовать уравненію тягостей, которыя лежатъ на отдѣльныхъ домохозяевахъ. Законъ будетъ имѣть вліяніе и на тѣ сельскія общества, гдѣ теперь рѣдко производятся передѣлы; онъ укрѣпитъ это стремленіе. Ссылаясь на законъ, можно будетъ совсѣмъ устранить частные передѣлы и совершать общіе еще рѣже, нежели они совершаются въ настоящее время. А это увеличитъ неравенство относительно владѣнія землей— неравенство, которое въ черноземныхъ губерніяхъ уже достигло мѣстами очень большихъ размѣровъ. Если въ подобныхъ селеніяхъ и теперь дѣйствуютъ силы, ослабляющія общинное начало, то неблагосклонное отношеніе закона къ передѣламъ заставитъ эти силы дѣйствовать еще болѣе могущественно.

Законъ 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ не въ силахъ ни воспрепятствовать обезземеленію крестьянъ, ни помѣшать внутреннему разложенію общины. Новымъ закономъ воспрещается продажа надѣльныхъ участковъ, пріобрѣтенныхъ отдѣльными домохозяевами или состоящихъ въ подворно-наслѣдственномъ ихъ пользованіи, кому либо, кромѣ членовъ того же общества. Эта ограничительная мѣра въ такомъ видѣ не создаетъ достаточныхъ гарантій, что крестьяне не будутъ терять землю, и что земли, утрачиваемыя ими, не будутъ переходить въ руки лицъ, чуждыхъ интересамъ крестьянскаго хозяйства. Запрещая переходъ земель къ лицамъ не крестьянскаго сословія, руководствуются тою мыслью, что такія лица имѣютъ мало общаго съ крестьянскимъ сельско-хозяйственнымъ бытомъ. Эти лица покупаютъ крестьянскую землю, дабы устроить кабакъ, лавку, приблизиться къ крестьянской средѣ и заниматься ростовщичествомъ. Эти предположенія часто соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Однако, напрасно думать, что всѣ лица крестьянскаго сословія представляютъ однородную массу, имѣютъ одни и тѣ же интересы. Земская статистика обнаружила въ деревняхъ три различныхъ слоя. Первую группу образуютъ средніе исправные крестьяне, ядро здороваго земледѣльческаго класса. Они работаютъ только силами семьи, безъ помощи наемнаго труда; покрывая свои скудныя потребности, они не накопляютъ недоимокъ, но не имѣютъ и сбереженій, которыя позволили бы имъ расширить надѣлъ и хозяйство. Они крѣпко держатся за землю, не уступаютъ безъ крайней надобности ни одного вершка, но не имѣютъ средствъ для увеличенія надѣла. Вторую группу образуетъ за-

житочное меньшинство, стоящее по матеріальной обезпеченности выше средняго уровня. Они не упускаютъ случая прикупить земли, чтобы расширить свое хозяйство. Третью группу образуютъ тѣ крестьяне-неудачники, которые потеряли равновѣсіе и неудержимо клонятся къ хозяйственному упадку. Первая группа охраняетъ сельско-хозяйственный обликъ деревни; третья составляетъ кадры, которые и пополняютъ ряды сельскаго пролетаріата, а вторая, расширяя земельный надѣлъ на счетъ третьихъ, содержитъ элементы, изъ которыхъ выростаютъ деревенскіе ростовщики. Эти люди только по внѣшности проникнуты общинными интересами, по существу же они—носители началъ, которыя разлагаютъ общину и поглощаютъ мелкое крестьянское землевладѣніе чистаго типа. Преграда этому теченію можетъ быть положена вовсе не тѣмъ, что лица крестьянскаго сословія будутъ лишены права покупать надѣльную землю, а тѣмъ, что было бы запрещено сосредоточеніе въ рукахъ одного двора больше извѣстной площади земли, напр., 2—3 надѣловъ. Дабы кредитъ не былъ источникомъ обезземеленія крестьянъ, законъ воспрещаетъ закладывать надѣльную землю и обращать на нее взысканіе по частнымъ долгамъ. Однако, жизнь легко выработаетъ формы, посредствомъ которыхъ будетъ обходиться запрещеніе закона обезпечивать долги залогомъ земельныхъ надѣловъ. Представимъ себѣ, что слабосильное крестьянское хозяйство потрясено неурожаемъ, падежомъ скота, уменьшеніемъ рабочей силы семьи: такое хозяйство будетъ вынуждено обращаться къ дорогому деревенскому кредиту, въ результатѣ котораго, при неблагопріятныхъ условіяхъ, можетъ совершиться отчужденіе надѣльной земли. Невозмож-

ность продать землю должника за долги сдѣлаетъ ростовщиковъ очень осторожными при выдачѣ ссудъ. А такъ какъ хозяйство, потерпѣвшее большую невзгоду, не можетъ обойтись безъ кредита, то по обоюдному согласію деревенскихъ ростовщиковъ и массы крестьянъ, пользующихся кредитомъ изъ этого источника, выработаются формы обезпеченія долга, которыя по своему существу являются отчужденіемъ надѣльной земли. Кредитная сдѣлка будетъ облекаться въ форму арендованія земли, причемъ арендаторомъ будетъ ростовшикъ, арендною платой—сумма, взятая въ долгъ, арендуемою землей—надѣльная земля должника, арендным срокомъ—срокъ, на который выдана ссуда. При такой сдѣлкѣ отчужденіе надѣловъ будетъ совершаться въ формѣ сдачи ихъ въ аренду ростовщикамъ, и самостоятельные хозяева будутъ, вслѣдствіе задолжанія, переходить въ разрядъ батраковъ, обработывающихъ за ничтожную плату собственные надѣлы въ пользу арендаторовъ—заимодавцевъ. Уже и теперь извѣстно не мало случаевъ такого отношенія между заимодавцами и должниками. Пріостановка закономъ 165 статьи положенія о выкупѣ можетъ замедлить распаденіе общины, но не помѣшаетъ развитію внутри общины неравенствъ, на которыя мы указали.

Такъ обстоитъ дѣло въ области земельной политики. Но міръ кустарныхъ промысловъ удостоился со стороны государства еще гораздо меньшаго вниманія. Правда, кустарные промыслы были изучены на небольшія субсидіи изъ государственнаго казначейства и на казенный счетъ было напечатано больше 20 томовъ. Мы узнали многое изъ этихъ изданій. Каждый послѣдующій томъ, каждая дальнѣйшая страница давали

однородный матеріалъ; онъ удручаетъ всѣхъ, кто привыкъ думать или хотя чувствовать, что есть извѣстный уровень, ниже котораго человѣкъ не долженъ бы опускаться ни въ производительности своего труда, ни въ матеріальномъ благосостояніи. Каждая страница въ этихъ изданіяхъ повѣствуетъ намъ, что успѣшность труда ничтожна, что почти всѣ промыслы падаютъ, что кустарь, работая по 14—15 часовъ въ сутки, добываетъ въ годъ часто не больше 50, 40 даже 20 и 15 рублей. Разъ на казенный счетъ было издано нѣсколько тысячъ страницъ, изображающихъ положеніе дѣла во многихъ губерніяхъ и бытъ сотенъ тысячъ кустарей, то самъ собою давался толчокъ государственнымъ мѣропріятіямъ въ этомъ направленіи. Многія изъ такихъ мѣропріятій могли быть неудачны, нецѣлесообразны; ожиданія, которыя связывали съ ними, могли не исполниться; но такія мѣропріятія должны были быть на лицо; они должны были образовать цѣлую систему, должны были вызвать со стороны казны затрату значительныхъ матеріальныхъ средствъ. Однако, вышло иначе. Описанія кустарныхъ промысловъ были сданы въ архивъ и забыты, а многостороннему познанію, пріобрѣтенному изъ этого источника, соотвѣтствовали практическія мѣры—на 35.000 рублей въ годъ, которые государство стало отпускать съ 1888 года на поддержаніе кустарныхъ промысловъ. Это пожертвованіе государства, при 3 милліонахъ кустарей, составляло по $1^1/_6$ копѣйки въ годъ на кустаря; позднѣе, вмѣсто 35.000 въ годъ, стали выдавать по 60.000 и, наконецъ, ассигновали 80.000 рублей, т.-е. 2 и, наконецъ, $2^2/_3$ копѣйки въ годъ на кустаря. До послѣдняго времени государство имѣло въ своемъ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ, ко-

торымъ поручалось предпринимать что-то относительно кустарей. Но съ 1894 года образовано особое учрежденіе—кустарный комитетъ, который и обладаетъ извѣстными личными силами. Дѣятельность этого учрежденія можетъ быть двоякою. Или сосредоточить свое вниманіе на отдѣльныхъ промышленныхъ районахъ и создать нѣсколько учрежденій, полезныхъ для этихъ промысловъ, и тѣмъ хотя не проложить для русской промышленности новыхъ путей, какъ часто думаютъ наши оптимисты, но, по крайней мѣрѣ, дать примѣръ, которому съ пользою для себя могутъ слѣдовать въ другихъ кустарно-промышленныхъ округахъ. Или же по мелочамъ поддерживать отдѣльныя кустарныя заведенія и, притомъ, заведенія, болѣе выдающіяся въ данномъ округѣ, уже имѣющія наемныхъ рабочихъ и утратившія чистый типъ кустарныхъ единицъ. Первый образъ дѣйствій связанъ съ извѣстнымъ рискомъ; онъ предполагаетъ на сторонѣ исполнителей программы значительныя дарованія, большую энергію и не заурядную преданность дѣлу. Второй образъ дѣйствій не связанъ ни съ какимъ рискомъ; онъ не требуетъ со стороны чиновъ кустарнаго комитета или его агентовъ разнообразной дѣятельности. Но для развитія дѣятельности въ первомъ направленіи нужны и гораздо бо́льшія денежныя средства, нежели тѣ крохи, которыя ассигнуются на кустарные промыслы.

Каковы же государственныя мѣропріятія относительно артельнаго труда? Можно отмѣтить кое-что и въ этой области. Мы сошлемся на общественныя запашки, которыя были введены чиновниками во многихъ селеніяхъ преимущественно Пензенской губерніи. Каково бы ни было назначеніе урожая, полученнаго

въ результатѣ общественной запашки, сама запашка была процессомъ насажденія артельнаго производства. Всѣ, изучавшіе эти факты на мѣстахъ, передаютъ намъ, что общественныя запашки не привились, что онѣ не воспитали въ общинахъ, которыя приняли ихъ, привычки къ артельному труду, что всѣ работы исполнялись неохотно. И понятно, почему эти опыты не были удачны: переходъ къ новымъ формамъ жизни, принципіально болѣе привлекательнымъ, нежели старыя формы, можетъ совершиться только по свободному самоопредѣленію данной группы, подъ вліяніемъ совѣта, убѣжденія, истолкованія, но отнюдь не строгаго внушенія со стороны органовъ власти. Намъ не приходится много говорить о поддержаніи артелей, свободно возникающихъ среди ремесленниковъ и кустарей. Павловская артель 1872—1877 получила отъ казны 30.000 рублей, которыя и были потеряны. Хотя прошло почти 20 лѣтъ съ закрытія этой артели, однако, и до сихъ поръ указываютъ на эти 30.000, какъ на самый вѣскій аргументъ въ пользу того, сколько готово было государство пожертвовать для поддержанія артелей. Другая артель — тульская — въ теченіе 7 лѣтъ получила отъ разныхъ вѣдомствъ заказовъ на 150.000 рублей. Вотъ другой фактъ, на который ссылаются такъ же, какъ на вѣское доказательство сдѣланнаго на пользу артелей; при этомъ забываютъ, что тульская артель очень велика, что она прямо или косвенно захватываетъ больше 200 кустарей и что, имѣя казенныхъ заказовъ только на 20.000 рублей въ годъ, она не получала даже того, что доставалось многимъ среднимъ частно-капиталистическимъ предпріятіямъ. Готовность поддерживать артели всего лучше обнаруживается въ отношеніи

государства къ нынѣшней павловской артели. Хотя она доказала свою жизнеспособность, хотя ею руководитъ лицо, въ высокой степени достойное, самоотверженное и знающее дѣло, она не можетъ добиться кредита и притомъ какого кредита—только въ 15—20.000 рублей.

Нужно отнести къ государственнымъ мѣропріятіямъ и все то, что сдѣлано земствомъ для поддержанія общины, артелей и кустарныхъ промысловъ. За 30-лѣтнее существованіе земства въ нѣкоторыхъ губерніяхъ можно найти кое-что, сдѣланное для этихъ старинныхъ устоевъ русскаго народнаго хозяйства. Но сдѣланное, въ своей совокупности, очень мало; въ смыслѣ движенія впередъ старинныхъ бытовыхъ формъ, оно представляетъ безконечно малую величину, когда мы поставимъ на ряду съ нимъ успѣхи, сдѣланные крупнымъ частно-капиталистическимъ производствомъ за тотъ же періодъ и въ той же губерніи. Да и то, что сдѣлано, касается или технической стороны сельскаго хозяйства и промысловъ — облегченіе крестьянамъ способовъ пріобрѣтать плуги, посѣвныя сѣмена, введеніе агрономическихъ смотрителей, устройство опытныхъ полей, образцовыхъ мастерскихъ и школъ въ районахъ кустарныхъ промысловъ—или же воздѣйствія на экономическую сторону посредствомъ внесенія въ бытъ крестьянъ и кустарей тѣхъ началъ, которыя господствуютъ въ современномъ обществѣ, всецѣло вошли въ жизнь болѣе состоятельныхъ классовъ населенія и являются однимъ изъ условій современнаго экономическаго строя. Таковы всѣ мѣры, которыми земство старается облегчить населенію доступъ къ кредиту. Если мы возьмемъ для примѣра хотя бы Московскую губернію и положимъ на одну

чашу вѣсовъ то, что сдѣлано земствомъ за послѣднія 10 лѣтъ для крестьянъ и кустарей, и мелкія усовершенствованія техники, которыя наблюдаются въ отдѣльныхъ промыслахъ, а на другую—общегосударственныя мѣропріятія на пользу крупной промышленности и тотъ прогрессъ, который совершился за это время въ крупномъ частно-капиталистическомъ производствѣ Московской губерніи, то увидимъ, что вторая чаша далеко перетянетъ первую. Уясняя же себѣ причины, въ силу которыхъ и дѣятельность земства на этомъ поприщѣ была такъ незначительна, мы не должны приписывать все только внѣшнимъ обстоятельствамъ, стѣсняющимъ земство, но, главнымъ образомъ, тому, что дѣло кореннаго преобразованія экономической жизни связано съ очень большими трудностями, и земство почти не располагаетъ людьми, которые были бы готовы подъять этотъ трудъ и обладали бы достаточнымъ умѣньемъ, чтобы не только начать дѣло, но и довести его до конца созданіемъ соотвѣтствующихъ организацій. Сошлемся, для болѣе яркаго освѣщенія всего сказаннаго, хотя бы на развитіе желѣзодѣлательной промышленности въ Екатеринославской губерніи. Постройка заводовъ началась въ 1885 году; работы на старѣйшемъ изъ новыхъ заводовъ — Александровскомъ — начались только съ 1887 года. А въ 1894 году общая производительность 6 новыхъ заводовъ достигла 25,7 милліоновъ пудовъ чугуна. Эти заводы занимаютъ больше 15,000 рабочихъ. И всѣ результаты, полученные за 7 — 8 лѣтъ, являются слѣдствіемъ государственныхъ мѣропріятій: усиленія таможеннаго покровительства и казенныхъ заказовъ для желѣзныхъ дорогъ и другихъ цѣлей. Передъ этими цифрами, относящимися только къ не-

большому округу одной отрасли нашей крупной промышленности, совершенно блѣднѣетъ все, что въ исторіи русскихъ кустарныхъ промысловъ можетъ быть приписано воздѣйствію государства.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о законѣ 24 мая 1893 года, преслѣдующемъ ростовщическія дѣйствія. Имѣя цѣлью оградить бѣдныхъ людей, онъ отличается крайней неполнотой. Онъ говоритъ о хлѣбѣ и другихъ припасахъ (очевидно *съѣстныхъ*) и деньгахъ, какъ предметахъ ростовщическихъ сдѣлокъ, и тѣмъ съуживаетъ область наказуемыхъ дѣяній. Но предѣлы ростовщичества, какъ промысла, гораздо болѣе широки, и виды ростовщическихъ дѣйствій представляютъ такое разнообразіе, что не могутъ быть втиснуты въ тѣсныя границы, установленныя первою статьей закона. Продажа съ разсрочкою платежа лошадей, коровъ, земледѣльческихъ орудій, строительныхъ матеріаловъ часто имѣетъ всѣ признаки ростовщическаго дѣйствія. Если лошадь, стоющая 20 рублей, продается, съ разсрочкою платежа на годъ, за 40, строительный матеріалъ, стоющій при покупкѣ за наличныя деньги 25 рублей, продается за 50 при погашеніи долга въ теченіе 6—8 мѣсяцевъ; если обработываемое кустаремъ орѣховое дерево продается въ кредитъ по цѣнѣ, на 50—70% превышающей рыночную, то мы имѣемъ передъ собою и кредитную сдѣлку, и чрезмѣрный барышъ, который составляетъ неотъемлемую принадлежность ростовщическихъ оборотовъ. Сплошь и рядомъ заемщикъ, покупая на такихъ условіяхъ лошадь, корову, строительные или подѣлочные матеріалы, находится въ «крайне» тягостномъ положеніи, пользованіе которымъ законъ и вмѣняетъ ростовщику въ вину. Наконецъ, и *торговля земельными*

участками стала за послѣднія десятилѣтія одною изъ самыхъ выгодныхъ формъ ростовщичества. Желѣзныя дороги, проведенныя до окраинъ Европейской Россіи, подняли цѣну земли въ Самарской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, гдѣ еще недавно продажная цѣна десятины не превышала 2—3 р. Осушеніе пинскихъ болотъ сдѣлало выгоднымъ веденіе хозяйства въ Полѣсьѣ, гдѣ еще 10—12 лѣтъ тому назадъ земля не имѣла никакой цѣнности. Сооруженіе сибирскаго рельсоваго пути доставитъ выгоды обширнымъ земельнымъ площадямъ вдоль строющейся сибирской дороги. Въ эти-то мѣста направляются земельные ростовщики для торговли земельными участками.

Итакъ, законъ 24 мая не можетъ быть распространенъ на большую часть ростовщическихъ дѣйствій. Но и относительно видовъ ростовщичества, которые предусматриваетъ законъ, редакція его не можетъ быть признана удачною. Законъ говоритъ о занятіи ростовщичествомъ «въ видѣ промысла». Подъ «промысломъ» разумѣютъ постоянное занятіе человѣка, служащее для него главнымъ источникомъ дохода. Сельскій ростовщикъ часто занимается выдачей денежныхъ ссудъ изъ высокихъ процентовъ или дачею въ долгъ хлѣба и другихъ предметовъ не какъ промысломъ, а между прочимъ, на ряду съ другими занятіями, дающими тонъ его хозяйству. Слова закона «въ видѣ промысла» помѣшаютъ признать наказуемыми большую часть ростовщическихъ дѣйствій, ибо въ большей части случаевъ ростовщичество не составляетъ главнаго промысловаго занятія сельскихъ кулаковъ. Еслибы законъ не имѣлъ этихъ недостатковъ, и тогда онъ не освободилъ бы населенія деревни отъ

кулаковъ. Кредитныя сдѣлки легко скрываются отъ глазъ даже зоркой администраціи. Стóитъ ростовщикамъ держаться такого способа оформленія сдѣлокъ, при которомъ заемщикъ выдаетъ обязательство на сумму, превышающую ссуду, — и легко будутъ спрятаны концы. Стóитъ ростовщикамъ, выговаривающимъ за выданную денежную ссуду или съѣстные припасы исполненіе должникомъ извѣстныхъ работъ, оплачивать ихъ трудъ, вмѣсто 80 копѣекъ, 40 копѣйками въ день и воздерживаться отъ принужденія ихъ къ безвозмездной работѣ— и опять ростовщическое дѣйствіе будетъ затуманено до невозможности отыскать въ немъ элементы, образующіе составъ преступленія по закону 24 мая. За два съ половиной года, протекшіе со времени изданія закона, накопились факты, которые оправдываютъ такую оцѣнку этого мѣропріятія. За это время нѣкоторые ростовщики (Дитманъ въ Бессарабіи, Христовскій въ Нижнемъ-Новгородѣ) пріобрѣли всероссійскую извѣстность. Но эти люди поражаютъ наглой беззастѣнчивостью, съ которой они занимались своимъ промысломъ. Газеты познакомили читателей еще съ двумятремя десятками случаевъ привлеченія къ суду за ростовщическія дѣйствія. Но какъ легко было этимъ людямъ быть болѣе осторожными и какъ ничтожно число наказанныхъ сравнительно со многими и многими тысячами кулаковъ, которые держатъ въ своей власти все крестьянство и бѣднѣйшее населеніе городовъ!

Таковы факты. Съ ними согласятся многіе даже изъ тѣхъ русскихъ людей, которые разойдутся со мной въ оцѣнкѣ основаній нашего народнаго хозяйства. Соглашаясь съ этимъ, многіе выдвигаютъ поло-

женіе, что 30 лѣтъ тому назадъ всему русскому народному хозяйству должно было быть дано другое направленіе, что нужно было построить его на самобытныхъ основахъ, завѣщанныхъ намъ исторіей Россіи.

Сказать можно все. Но гдѣ силы, которыя могли принять на себя это устроительство, могли укрѣплять общину и насаждать артельный трудъ въ отрасляхъ, гдѣ онъ дотолѣ не примѣнялся? Дабы могло совершиться крупное преобразованіе общественной жизни, оно должно имѣть предшественникомъ настроеніе умовъ, которое требуетъ такого преобразованія. Нѣтъ надобности, чтобы было ясное представленіе о частностяхъ новаго общественнаго строя; но должно быть живо сознаніе основныхъ началъ, которыя будутъ проникать его. Къ 60-мъ годамъ въ русскомъ обществѣ выросли идеалы, которые сводились на обезпеченіе личной свободы крестьянскому населенію и на расширеніе гражданской свободы всѣхъ русскихъ людей посредствомъ ослабленія административной опеки и открытія общественнымъ силамъ доступа къ суду и управленію. Тщетно стали бы мы искать экономическихъ идеаловъ, выдвигаемыхъ теперь народниками въ литературѣ, которая предшествовала освобожденію крестьянъ. Да и нельзя удивляться полному отсутствію экономическаго творчества въ этомъ смыслѣ, если гг. В. В. и Н.—онъ, главные представители народничества, стали говорить объ обмірщеніи производства согласно съ завѣтами русской исторіи только чрезъ 20 лѣтъ послѣ крестьянской реформы и все, что они сказали до сихъ поръ, очень обще, гораздо менѣе опредѣленно, чѣмъ программы многихъ партій Запада, стремящихся къ преобразованію народнаго хозяйства, хотя бы, напр., соціалъ-демократической пар-

тіи Германіи. Если мы обратимся на Западъ, къ тому времени, когда новыя экономическія теченія переживали періодъ младенчества, то увидимъ, что попытки пересоздать общество были результатомъ настроенія умовъ, объединявшаго учителей и учениковъ. Въ этихъ группахъ, состоявшихъ изъ практическихъ дѣятелей и мыслителей, послѣдніе были руководителями и ставили цѣлью жизни созданіе новаго экономическаго строя. Таковъ былъ Фурье со своими учениками или Р. Оуенъ со своими послѣдователями. Колоніи, основанныя въ Нью-Ланаркѣ и Нью-Гармоніи были дѣломъ Оуена; пустоши въ Конде-сюръ-Вегръ были приведены въ культурное состояніе фурьеристами. Эти попытки не упрочили новаго порядка; но на время учителя увлекли своихъ послѣдователей и сдѣлали ихъ матеріаломъ, пригоднымъ для такой постройки. Разъ въ нашемъ обществѣ не было запаса идей, которыя толкали бы государство на путь преобразованія экономической жизни, на путь широкаго развитія общины и артели при помощи новѣйшихъ завоеваній технологіи, то не были мыслимы даже слабыя попытки въ этомъ направленіи. Эти идеи были настолько чужды умственной жизни Россіи того времени, что еслибы трубы, которыя сокрушили стѣны Іерихона, призывали русскихъ людей на такую работу, то никто не откликнулся бы на ихъ призывъ. А потому и странно дѣлать государству упрекъ, что оно отъ самой крестьянской реформы не стало на путь новаго экономическаго уклада. Впрочемъ, насколько въ умахъ представителей администраціи была мысль о такомъ укладѣ, настолько мы находимъ и попытки насажденія артельнаго труда посредствомъ введенія общественныхъ запашекъ.

Но, быть можетъ, правы тѣ [1]), которые читаютъ въ манифестѣ 19 февраля 1861 года намѣреніе государственной власти создать въ Россіи самобытную артельно-общинную форму производства и отмѣчаютъ развитіе частнаго капитализма, какъ рѣзкое противорѣчіе тому, что было предначертано законодателемъ?

Мы не находимъ основанія для такого мнѣнія. Слова манифеста, выражая намѣреніе государства дать крестьянамъ землю «для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей передъ правительствомъ», не позволяютъ сдѣлать такой выводъ, ибо самое понятіе о томъ, что необходимо для обезпеченія быта, представляется крайне растяжимымъ. Мы можемъ видѣть въ этомъ доброе желаніе, отъ котораго еще безконечно далеко до сознанія необходимости какихъ-либо крупныхъ перемѣнъ въ хозяйственной жизни народа. Исполненіе закона 19 февраля было таково, что милліоны освобожденныхъ крѣпостныхъ получили въ надѣлъ меньшую площадь земли, нежели та, которою они владѣли до освобожденія, и только единичныя сельскія общества получили въ составѣ надѣла лѣсъ, которымъ они свободно пользовались изъ помѣщичьихъ угодій. Но если даже забыть о способахъ осуществленія крестьянской реформы, если имѣть въ виду отправную точку, отъ которой исходилъ законодатель, то поймешь всю неосновательность оцѣнки манифеста 19 февраля, которую мы находимъ у г-на Н—она. Отправной точкой для законодателя былъ земельный надѣлъ, ко-

[1]) *Н. —онъ*. Очерки нашего пореформ. общественнаго хозяйства. Стр. 1—3, 331 и въ другихъ мѣстахъ.

торымъ крестьяне пользовались при крѣпостномъ правѣ. Нечего удивляться, что государство было готово уступить крестьянамъ площадь земли, соотвѣтствующую размѣрамъ ихъ надѣла: населеніе было рѣдко, земли было много, ея цѣнность — ничтожна, а потому напрасно считать надѣленіе крестьянъ землей доказательствомъ особенной грандіозности акта 19 февраля. Надѣленіе крестьянъ землей въ тѣхъ границахъ, какъ оно совершилось, вовсе не было плодомъ высокихъ замысловъ, человѣколюбія, нѣжной заботливости о населеніи деревень: *оно было предписано необходимостью.* Кто видитъ въ этомъ актѣ доказательство особенной широты русской крестьянской реформы по сравненію съ Западомъ, гдѣ крѣпостные были освобождены, большею частью, безъ земли, тотъ не хочетъ поразмыслить надъ различіями, которыя представляетъ уничтоженіе крѣпостной зависимости на Западѣ и въ Россіи. Тамъ крѣпостное право вымирало медленно, мѣстами, напр., въ Англіи, въ теченіе столѣтій; крѣпостные освобождались постепенно, немногочисленными группами. Оставшись безъ земли, группа въ нѣсколько тысячъ или десятковъ тысячъ вовсе не нарушала обычнаго теченія общественной жизни: одни изъ освобожденныхъ вошли въ составъ городскаго населенія, уже довольно многочисленнаго, и посвятили себя ремесленнымъ занятіямъ, другіе остались сельскими рабочими, третьи пріобрѣли участки земли и основали самостоятельное хозяйство. Въ Россіи, гдѣ освобожденіе крѣпостныхъ одновременно распространялось на 20 милліоновъ людей, оставленіе ихъ безъ земли было равносильно страшному потрясенію всего общественнаго быта. Гдѣ могла пристроиться вся эта масса бездомнаго люда?

Не имѣя выхода изъ своего положенія, она была бы вынуждена остаться на мѣстѣ, чтобы работать для помѣщиковъ по найму и арендовать помѣщичьи земли или же пріобрѣтать ихъ въ собственность по добровольному соглашенію. Помѣщики, освобожденные отъ обязанностей, которыя налагались крѣпостнымъ правомъ, стоя лицомъ къ лицу съ безземельнымъ людомъ, предписывали бы ему самыя тяжелыя условія, какъ при наймѣ на работы, такъ и при отдачѣ земель въ аренду. А это послужило бы обильнымъ источникомъ волненій, смутъ, насилій крестьянъ надъ землевладѣльцами; это повело бы къ такимъ нарушеніямъ порядка внутри страны, что съ ними не могло бы сладить и самое сильное правительство.

Если такимъ образомъ надѣленіе крестьянъ землей не служитъ доказательствомъ величія крестьянской реформы, то еще меньше основаній читать въ словахъ манифеста надежду правительства на образованіе самобытнаго строя русскаго народнаго хозяйства. Такая надежда и такое намѣреніе были бы на лицо только въ томъ случаѣ, еслибы государство поставило вопросы: 1) можно ли считать норму земельнаго надѣла, какъ она установилась при крѣпостномъ правѣ, достаточною для обезпеченія быта крестьянъ? 2) если эта норма достаточна въ самый моментъ освобожденія, то будетъ ли она достаточна чрезъ полтора — два десятилѣтія, когда приростъ населенія заставитъ крестьянъ жить тѣснѣе? 3) если норма надѣла достаточна и будетъ достаточна въ ближайшемъ будущемъ, то дастъ ли она крестьянину больше, чѣмъ можетъ дать крупное производство своему рабочему? 4) наконецъ, былъ бы хотя намекъ на вопросъ о томъ какими силами и средствами располагаютъ крестьяне,

освобожденные отъ помѣщиковъ, и вся русская жизнь вообще для того, чтобы организовать новый хозяйственный укладъ. На такіе вопросы не было и намека.

Еслибы былъ серьезно поставленъ первый вопросъ, то выяснилось бы, что норма земельнаго надѣла, какъ она сложилась при крѣпостномъ правѣ, недостаточна для удовлетворенія самыхъ скромныхъ потребностей даже бѣднѣйшаго класса населенія въ государствѣ, которое относитъ себя къ культурнымъ. Ознакомленіе съ бытомъ деревни обнаружило бы крайне низкій уровень благосостоянія крестьянъ, а соображеніе о томъ, что крестьяне удѣляютъ часть своего времени работѣ на помѣщика, заставило бы сдѣлать выводъ, что, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, они будутъ въ состояніи обработывать бо́льшую площадь земли, чѣмъ ранѣе. Этотъ вопросъ, будучи поставленъ, уже самъ по себѣ привелъ бы къ выводу о необходимости болѣе значительнаго надѣла, нежели тотъ, которымъ пользовались крѣпостные: этотъ вопросъ выяснилъ бы, что перемѣна формъ народнаго хозяйства не можетъ совершиться въ средѣ, которая не имѣетъ средствъ для удовлетворенія даже насущныхъ потребностей, что необходимъ извѣстный уровень ма̀теріальной обезпеченности, дабы у людей достало ума и воли для пересозданія общественной жизни. Это логиче́ски привело бы къ заключенію, что земельный надѣлъ крестьянъ долженъ быть увеличенъ. Густое населеніе многихъ уѣздовъ помѣшало бы обезпечить крестьянъ достаточнымъ надѣломъ на мѣстѣ, а потому тотчасъ же было бы положено широкое основаніе для политики разселенія и переселенія, которая еще съ начала 60-хъ годовъ старалась бы дать каждому крестьянскому двору не меньше

земли, чѣмъ площадь, соотвѣтствующая высшей нормѣ надѣла. Остановись законодатель, при начертаніи Положенія 19 февраля, надъ вторымъ вопросомъ,—и необходимость увеличенія нормы надѣла сказалась бы съ еще большею очевидностью. Стало бы ясно, что если въ моментъ освобожденія скромныя потребности крестьянской семьи могутъ быть кое-какъ покрыты изъ отведеннаго надѣла, то это станетъ невозможно въ самомъ близкомъ будущемъ: населеніе возрастаетъ, а земледѣльческая техника, отъ которой и зависитъ степень успѣшности сельско-хозяйственнаго труда, измѣняется очень медленно. Эти два вопроса неизбѣжно были бы поставлены, если бы, узаконяя крестьянскую реформу, законодатель хотѣлъ дать крестьянамъ не нѣкоторое весьма малое обезпеченіе быта, а условія для развитія народнаго производства. Далѣе. Еслибы въ умѣ законодателя былъ хотя слабый намекъ на то, что ему приписываютъ народники—желаніе создать самобытныя формы народнаго хозяйства—то были бы поставлены вопросы 3-й и 4-й: вѣдь, задаваясь такими планами, нужно было считаться съ тѣми условіями, въ которыхъ находится экономическая жизнь Россіи. Ознакомленіе съ исторіей крупной промышленности Запада показало бы, что она быстро увеличиваетъ успѣшность труда и позволяетъ оплачивать трудъ занятыхъ въ ней рабочихъ выше уровня, на которомъ стоятъ доходы крестьянина отъ первобытнаго сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ кустарныхъ промысловъ А такой отвѣтъ и пролилъ бы много свѣта на экономическія судьбы Россіи: разъ крупное производство, уже зародившееся въ Россіи, располагаетъ такими данными, то-есть условіе, которое будетъ побуждать многихъ крестьянъ поки-

дать землю, сохранять съ нею только формальную связь и по существу переходить въ ряды фабричнаго пролетаріата. Было бы выяснено, что крайне трудно воспрепятствовать крупной промышленности отвлекать отъ сельскаго хозяйства много рабочихъ рукъ и если чѣмъ можно задержать этотъ процессъ, то лишь поднятіемъ дохода крестьянскихъ хозяйствъ посредствомъ обильнаго надѣленія землей и разныхъ мѣръ, улучшающихъ технику сельскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ. А это раздвинуло бы границы крестьянской реформы. Наконецъ, еслибы у законодателя былъ такой замыселъ, то онъ не оставилъ бы безъ вниманія условій, которыя способны помочь ему въ этой работѣ. Наиболѣе важными силами является личный матеріалъ, которымъ располагаетъ наша деревня въ своей общинѣ и артели, а также люди образованнаго класса, могущіе участвовать въ такомъ трудѣ. Еслибы законодатель отнесся къ этой сторонѣ дѣла съ полной объективностью, то отвѣтилъ бы, что русская жизнь представляетъ мало благопріятныхъ данныхъ для подобнаго преобразованія. А убѣжденіе, что такое преобразованіе необходимо и что Россія располагаетъ для него только очень слабыми силами, привело бы къ убѣжденію, что нужно создавать и воспитывать эти силы посредствомъ широкаго развитія въ русскомъ народѣ просвѣщенія.

Ни одинъ изъ указанныхъ вопросовъ не былъ поставленъ. А потому, мы не видимъ основанія усматривать въ манифестѣ 19 февраля что-либо, кромѣ дружелюбнаго и литературно составленнаго привѣтствія законодателемъ крѣпостныхъ, получившихъ начатки личной свободы.

Мы заключаемъ изъ всего сказаннаго, что госу-

дарственныя мѣропріятія съ цѣлью сохраненія и развитія исконныхъ формъ производства въ Россіи были незначительны, что они и не могли быть значительны. Но этотъ пробѣлъ гораздо менѣе важенъ, нежели тотъ, который мы находимъ среди условій, препятствующихъ росту личной свободы. Государство само чрезъ своихъ органовъ не могло укрѣпить вѣковыя формы русскаго экономическаго быта и не могло насадить новыя, болѣе совершенныя сравнительно съ тѣмъ, что представляетъ западная Европа. Но развитіемъ личной свободы, охраненіемъ всѣхъ формъ, въ которыя она облекается, оно могло косвенно содѣйствовать всестороннему улучшенію народнаго хозяйства. Освобождая устное и печатное слово отъ путъ, которыя издавна стѣсняютъ его, государство способствовало бы расцвѣту литературы вообще, въ частности и экономической, приближенію литературы къ народу; лучшіе представители народа, близкіе къ стариннымъ формамъ народнаго труда, проникались бы сознаніемъ необходимости охранять достояніе, полученное отъ предковъ, и воздѣйствовать на него въ смыслѣ измѣненій, которыя вызываются новыми условіями экономической жизни. Не препятствуя частному почину въ дѣлѣ развитія народнаго образованія и само, отчасти подъ вліяніемъ конкуренціи со стороны частныхъ лицъ, усиливая и расширяя просвѣтительную дѣятельность, государство поднимало бы уровень духовнаго развитія народа и тѣмъ дѣлало бы его болѣе воспріимчивымъ и ко всѣмъ крупнымъ экономическимъ реформамъ. Не ставь государство преградъ на пути тѣмъ членамъ образованнаго класса, которые идутъ въ народъ для содѣйствія ему въ его хозяйственныхъ заботахъ, которые по ма-

ленькому масштабу создаютъ новыя формы жизни, оазисы въ безпредѣльной Сахарѣ русскаго народнаго хозяйства, то—велико или мало число такихъ людей—народъ принялъ бы ихъ всѣхъ въ свою среду и извлекъ бы изъ нихъ всю пользу, которую они могутъ доставить. Ничего этого не было сдѣлано. И это падаетъ на государство гораздо болѣе тяжелымъ упрекомъ, нежели укоръ его за то, что оно не предвосхитило идеаловъ народниковъ и не стремилось осуществить ихъ при помощи тѣхъ слабыхъ и неподготовленныхъ силъ, которыми располагало и располагаетъ донынѣ.

VIII.

Разъ мы признаемъ экономическое творчество, мы считаемъ возможнымъ его и въ Россіи. Но мы безоговорочно осуждаемъ всякія попытки отыскать въ жизни нашей родины устои, на которыхъ можетъ быть основано нѣчто не только болѣе совершенное, но и принципіально отличное отъ того, что даетъ западная Европа. И въ нашей странѣ высшее экономическое творчество можетъ сказаться въ двухъ формахъ: 1) въ формѣ сохраненія и улучшенія тѣхъ выгодныхъ для массы людей условій жизни, которыми располагаетъ Россія, и 2) въ формѣ перенесенія съ Запада организацій, которыя, различаясь изъ страны въ страну частностями, представляются однородными въ своихъ существенныхъ особенностяхъ, однородными потому, что отвѣчаютъ на потребности людей, обнаруживающіяся во всѣхъ странахъ, какъ бы ни были несходны онѣ по условіямъ внѣшней природы и складу народнаго хозяйства

Русская жизнь знаетъ только одинъ крупный экономическій фактъ, отличающій ее отъ европейско-американскаго міра — общинное землевладѣніе. Этотъ фактъ можетъ быть отмѣченъ, какъ особенность

русской жизни потому, что онъ уживается въ нашемъ отечествѣ съ болѣе развитою промышленностью и большею сложностью народнаго хозяйства, нежели на Западѣ, гдѣ община разложилась уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, когда экономическій бытъ былъ очень простъ и денежное хозяйство еще не вытѣснило натуральнаго. Ни въ нашихъ артеляхъ, ни въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ я не вижу ничего, что было бы своеобразно и отличало бы нашъ бытъ отъ жизни Запада. Правда, артели въ простѣйшихъ промыслахъ распространены у насъ болѣе, чѣмъ на Западѣ или въ Америкѣ. Однако, насколько рѣчь идетъ о подготовленности къ артельному общенію въ болѣе сложныхъ предпріятіяхъ, западная Европа и Америка пользуются, по сравненію съ нами, очень крупными преимуществами. При рѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ имѣть въ виду не число и разнообразіе артелей въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, а общія условія жизни, которыя воспитываютъ людей для артельнаго дѣла, и разнообразные союзы, которые прививаютъ членамъ качества, необходимыя для артельщиковъ. А Западъ даетъ въ этихъ обоихъ отношеніяхъ гораздо больше, чѣмъ Россія. Припомнимъ развитіе союзовъ рабочихъ, производительныхъ и ссудныхъ товариществъ, частію промышленныхъ артелей въ Англіи, Германіи, Франціи, Америкѣ, и мы скажемъ, что всѣ эти организаціи дѣлаютъ человѣка ζῶον πολιτικόν въ гораздо большей мѣрѣ, нежели формы артелей, извѣстныя нашему отечеству.

Остановимся на артеляхъ. Народники, часто ссылаясь на русскія артели, стараются, на основаніи отдѣльныхъ примѣровъ, доказать положеніе, что въ нашемъ отечествѣ артели находятъ очень благопріятную

почву. Приэтомъ указываютъ на воткинскую артель, павловскую, тульскую и немногія другія. Кто захочетъ привести еще болѣе внушительныя цифры относительно артельнаго движенія въ Россіи, тотъ можетъ припомнить 70-е годы, когда было основано больше сотни артелей среди гвоздарей, смолокуровъ, для сыроваренія и нѣкоторыхъ другихъ. Правда, почти всѣ эти артели закрылись, просуществовавъ немного лѣтъ; но и на Западѣ можно найти аналогичное явленіе: нѣсколько сотъ артелей, возникшія во Франціи въ 1848—50 годахъ, оставили намъ очень скромное наслѣдство, всего десятокъ—полтора; а потому и фактъ прекращенія большинства русскихъ артелей—такъ можно утверждать—еще не оправдываетъ разочарованія. За послѣдніе годы русская жизнь даетъ, повидимому, еще болѣе живое доказательство того, насколько артельное производство «свойственно русскому духу»: въ отдаленномъ сѣверо-восточномъ уѣздѣ—Шадринскомъ—возникло нѣсколько десятковъ земледѣльческихъ артелей, а на крайнемъ югѣ—въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи—уже существуютъ 14 и въ недалекомъ будущемъ составятся еще около 100 для приложенія къ сельскому хозяйству артельнаго труда. Именно артели Александрійскаго уѣзда приковываютъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Онѣ—производительныя артели чистаго типа; имъ, а не отдѣльнымъ членамъ, принадлежитъ все, что нужно для веденія хозяйства: рабочія лошади, орудія, хлѣбные амбары; артельное начало строго и послѣдовательно проводится и во всѣхъ работахъ и въ распредѣленіи собранной жатвы. Наконецъ, эти артели и потому еще вызываютъ сочувствіе многихъ русскихъ людей, что члены не только въ дѣловыхъ отношеніяхъ, но и во всей жизни про-

водятъ начала дружбы и любви. Глубокая религіозность населенія южной Россіи, говорятъ намъ, обѣщаетъ, что артельное движеніе разовьется еще болѣе сильно и преобразуетъ сельское хозяйство на очень обширной площади.

Можно привести въ параллель этому цѣлый рядъ фактовъ изъ жизни Запада, которые выдаютъ намъ еще большее развитіе артелей въ сосѣднихъ странахъ. Движеніе, происходящее теперь въ Россіи и происходившее въ 70-хъ годахъ, далеко уступаетъ тому, что видѣла Франція. Среди сотенъ артелей, которыя возникли въ концѣ 40-хъ годовъ, многія развертываютъ картину такихъ дружескихъ отношеній между участниками, такого взаимнаго довѣрія, одушевленной готовности ко взаимопомощи во всѣхъ житейскихъ невзгодахъ [1]), что нельзя не проникаться чувствомъ умиленія, когда знакомишься съ исторіей этихъ начинаній. А такъ какъ населеніе Парижа и другихъ мѣстностей Франціи, гдѣ возникали артели, вовсе не отличается религіозностью, то и нужно сдѣлать выводъ, что религіозное чувство простыхъ русскихъ людей вовсе не есть условіе, которое обѣщало бы намъ широкое развитіе артельнаго труда. Обращаясь же къ цифрамъ послѣднихъ лѣтъ, мы видимъ, что на Западѣ артели гораздо болѣе распространены, чѣмъ у насъ. Къ іюню 1895 года въ Германіи было 6.417 ссудо-сберегательныхъ артелей, 1.412 потребительныхъ, 124 строительныхъ, 1.128 сырьевыхъ въ ремеслахъ и сельскомъ хозяйствѣ, 1.582 производительныхъ (изъ нихъ 124 въ промышленности и 1.458 въ сельскомъ

---

[1]) См. *Исаевъ*. Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. 1879. Глава третья. Engländer. Geschichte der französischen Arbeiterassoziationen. 1864.

хозяйствѣ), 257 производительно-подсобныхъ, 61 складочная. Всего была 11.141 артель. Производительныя артели, о которыхъ были точныя свѣдѣнія, относились къ 22 отраслямъ промышленности (между прочимъ, 8 пивоваренныхъ и 17 винокуренныхъ заводовъ). А среди артелей между сельскими хозяевами мы находимъ больше 100 для сыроваренія и маслодѣлія. Даже въ Англіи, которая обыкновенно признается прямой противоположностью Россіи по складу промышленнаго развитія, есть 59 производительныхъ артелей, среди которыхъ 5 въ сельскомъ хозяйствѣ. Кромѣ простѣйшихъ ремеслъ, мы находимъ здѣсь артели въ такихъ отрасляхъ промышленности, какъ шелкоткацкое, книгопечатное, гвоздарное. Но есть полное основаніе, говоря объ условіяхъ, которыя благопріятствуютъ развитію артелей, отмѣтить и легкость возникновенія въ Англіи акціонерныхъ обществъ съ преобладаніемъ рабочихъ среди акціонеровъ. Въ бумагопрядильной промышленности Ольдгема и его округа насчитывается болѣе 70 акціонерныхъ прядиленъ. Эти предпріятія начали возникать съ 1860 года; они рѣзко отличаются отъ артелей уже потому, что въ нихъ преобладаетъ соединеніе капитала надъ общеніемъ труда; но если принять въ разсчетъ, что цѣна акціи не превышаетъ 5 фунтовъ стерлинговъ, что каждый, независимо отъ числа акцій, ему принадлежащихъ, имѣетъ право голоса и даже можетъ быть избираемъ управляющимъ бумагопрядильни, то мы признаемъ эти общества въ высшей степени демократическими, гораздо болѣе близкими къ артелямъ, нежели къ капиталистическимъ предпріятіямъ. Сказанное побуждаетъ сдѣлать выводъ, что относительно отраслей производства, которымъ всего ранѣе предстоитъ пере-

ходъ въ крупную промышленность, Россія обладаетъ для развитія артелей менѣе благопріятными условіями, чѣмъ западная Европа. Разъ мы утверждаемъ это относительно артелей, мы можемъ сказать съ еще большимъ правомъ, что наша кустарная промышленность не представляетъ рѣшительно ничего оригинальнаго, извѣстнаго только Россіи. И на Западѣ, поскольку позволяютъ особенности техники, многія отрасли производства сохранили мелкіе размѣры и семейную форму кустарничества, то зависящаго отъ скупщиковъ, то (хотя и рѣдко) самостоятельнаго. Въ Германіи, по переписи 1882 года, изъ общаго числа рабочихъ, 1.558,574 (25,78%) были заняты на большихъ фабрикахъ и заводахъ, 686,144 на мелкихъ фабрикахъ, имѣющихъ не болѣе 50 рабочихъ каждая, 544,980 (9,02%) въ кустарныхъ промыслахъ и 3.255,518 (53,85%) въ ремеслѣ. Данныя относительно мелкаго производства въ Германіи, по всей вѣроятности, съ каждымъ десятилѣтіемъ будутъ выражаться менѣе крупными цифрами; однако, они позволяютъ предсказать, что кустарные промыслы сохранятся у насъ еще очень долгое время. Но оправдывается ли желаніе, чтобы кустарная промышленность сохранялась и поддерживалась въ Россіи такъ, какъ въ настоящее время? Не ребячество ли радоваться тому, что Россія имѣетъ нѣсколько милліоновъ кустарей, и не предразсудокъ ли думать, что положеніе кустаря лучше, чѣмъ положеніе фабричнаго работника? Относительно нашихъ кустарныхъ промысловъ собрано очень много данныхъ, однако, нельзя даже приблизительно опредѣлить, какая часть кустарей пользуется хозяйственною самостоятельностью, перерабатываетъ собственный матеріалъ и, помимо посредниковъ, сбываетъ свои из-

дѣлія. Во всякомъ случаѣ, кустари этого разряда составляютъ меньшинство. Мы готовы идти такъ далеко въ предпочтеніи кустарной промышленности крупной, что признаемъ благопріятнымъ положеніе кустаря, если онъ, сохраняя хозяйственную самостоятельность, имѣетъ даже самый скудный заработокъ. Но большинство кустарей поставлено не такъ: они переработываютъ сырой матеріалъ, который доставляется скупщиками; послѣдніе служатъ и посредниками между кустарями и покупателями ихъ. издѣлій. Здѣсь передъ нами—домашняя система производства; рабочій-кустарь находится въ положеніи крайне безотрадномъ. А потому, говорить о многочисленности у насъ кустарей этого разряда, какъ о фактѣ, который обѣщаетъ многое для нашего дальнѣйшаго экономическаго развитія, можно лишь въ томъ случаѣ, если есть надежда создать въ ихъ средѣ такія организаціи, которыя способны облегчить имъ пріобрѣтеніе сырья и продажу издѣлій, безъ посредничества скупщиковъ; что до сихъ поръ этотъ людъ остается кустарями и не перешелъ въ рабочіе фабрикъ—этому нечего радоваться. А разъ мы согласимся, что кустари этого разряда нуждаются въ крупномъ преобразованіи своего быта, то безъ труда согласимся и относительно того, что мѣрами, способными поддержать ихъ, являются не что иное, какъ тѣ же артели,—на первыхъ порахъ сырьевыя и складочныя,—и облегченіе доступа къ кредиту, мѣры, которыя извѣстны Германіи гораздо больше, чѣмъ намъ, и относительно которыхъ наше народное хозяйство не представляетъ ничего своеобразнаго.

И такъ, охраняя выгодныя особенности русской экономической жизни, мы должны проявить твор-

чество, направленное на то, чтобы защитить общину отъ разгрома, который угрожаетъ ей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, способствовать сложенію въ ней болѣе высокихъ формъ производства.

Въ какой же степени живуча наша община?

Опредѣляя ея значеніе, я разошелся съ народниками относительно того, что, будто бы, община можетъ побороть индивидуалистическія теченія, которыя обнаруживаются въ русской жизни все съ большею силой, и что изъ нея можетъ выработаться болѣе совершенный экономическій укладъ. Однако, считать невозможнымъ такое вліяніе общины—еще не значитъ отрицать ея жизненность. Если она не въ силахъ совсѣмъ обновить русскую жизнь, если, допустимъ даже, не одна тысяча селеній, общинно владѣющихъ землей, и не одинъ милліонъ крестьянъ-общинниковъ перейдутъ къ частной земельной собственности, то русская жизнь, сохранивъ во владѣніи общинъ значительную часть крестьянскихъ надѣловъ, все же будетъ имѣть очень благопріятное условіе для развитія народнаго хозяйства. Лучше, если 60 милліоновъ крестьянъ владѣютъ землею общинно, нежели 30 милліоновъ; но и 30—20 милліоновъ душъ сельскаго населенія, сообща владѣющихъ надѣлами, представляютъ очень крупную цифру.

Мы примыкаемъ къ тѣмъ, кто считаетъ возможнымъ сохраненіе въ Россіи земельной общины и ея дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе. Историки часто приписываютъ разложеніе общины тому, что она не могла примириться съ развитіемъ земледѣлія. Въ основаніи этого лежитъ наклонность людей заключать—post hoc ergo propter hoc: такъ какъ послѣ разрушенія общины стали обнаруживаться успѣхи

сельскаго хозяйства, то и начали говорить о невозможности ихъ при общинномъ владѣніи землей. Многочисленные факты, какъ русской, такъ западно-европейской жизни, доказываютъ, что частная земельная собственность не составляетъ необходимаго условія для успѣховъ сельскаго хозяйства; а данныя исторіи убѣждаютъ, что разложеніе общины явилось результатомъ насилій, которыя были совершены надъ крестьянствомъ. Феодальный строй ослабилъ общину, а буржуазія, отчасти въ лицѣ наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ, работала внутри самой общины такъ, чтобы разрушить ее. Государство, поддерживая эти стремленія буржуазіи, уничтожило общину рядомъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. Процессъ, совершившійся въ западной Европѣ, наводитъ на мысль, что и русская земельная община можетъ примириться съ успѣхами сельскаго хозяйства. Есть ли у насъ условія, которыя могутъ подвинуть государство на мѣры, могущія повредить общинѣ? Съ этой стороны русской общинѣ также не грозитъ опасность. Пока надѣлы крестьянъ ничтожны и населеніе деревень не покрываетъ отъ земли даже скудныхъ потребностей, до тѣхъ поръ заработная плата очень низка, есть большой избытокъ рабочихъ рукъ и большой запросъ со стороны крестьянъ на частновладѣльческія земли. При такомъ положеніи дѣлъ классы, руководящіе направленіемъ политики, вовсе не заинтересованы въ окончательномъ разрушеніи общины; они могутъ даже высказываться за мѣры, которыя внѣшнимъ образомъ охраняютъ цѣлость общины. Русское крестьянство, владѣющее землею на общинномъ началѣ, малоземельно и безземельно, а потому и представляетъ весьма податливый матеріалъ

для имущихъ классовъ. Если бы наше крестьянство было достаточно надѣлено землею, то всѣ помыслы высшихъ классовъ, во имя обезпеченія себѣ дешевыхъ наемныхъ рабочихъ, были бы направлены на разрушеніе общины. Государство можетъ поставить внѣшнія преграды разложенію общины посредствомъ законовъ, которые препятствуютъ выдѣленію членовъ изъ общины и ограничиваютъ сосредоточеніе бо́льшаго числа земельныхъ надѣловъ въ рукахъ отдѣльныхъ общинниковъ; но внѣшнія преграды еще не даютъ общинѣ новой жизни, не приноровляютъ ея къ современному развитію хозяйства. Чѣмъ больше усилій будетъ направлено на то, чтобы доставить крестьянамъ-общинникамъ знанія общія и сельскохозяйственныя, чѣмъ болѣе будутъ обдуманны попытки привитія въ общинѣ артельнаго труда, тѣмъ болѣе вѣроятія, что община сохранится и будетъ доставлять своимъ членамъ гораздо большее матеріальное обезпеченіе, нежели въ настоящее время. Экономическое творчество русскаго общества и русскаго государства можетъ быть вполнѣ самостоятельно въ дѣлѣ сохраненія и развитія общины именно потому, что европейско-американскій міръ уже не имѣетъ общиннаго землевладѣнія.

Во всѣхъ другихъ формахъ экономическаго творчества Россія тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ западнымъ сосѣдямъ; мы можемъ во многомъ пользоваться ихъ уроками именно потому, что въ остальныхъ областяхъ народнаго хозяйства Россія не представляетъ ничего своеобразнаго. Позаимствованія изъ западной Европы, переходя въ творчество, по скольку они не будутъ однимъ слѣпымъ подражаніемъ, могутъ выражаться въ перенесеніи къ намъ съ Запада многихъ учрежденій и формъ жизни. При всемъ разно-

образіи усвоиваемыхъ знаній, законовъ, учрежденій, ихъ можно разбить на двѣ основныя группы: 1) То, что̀ служитъ интересамъ, преимущественно, состоятельныхъ классовъ и приноситъ всей массѣ населенія очень мало пользы, или даже никакой. Таковы, напримѣръ, усовершенствованія, которыя, переходя исчужи, дѣлаются въ строѣ акціонерныхъ компаній, въ техникѣ банковскаго дѣла, въ строеніи и дѣятельности биржи. 2) Другой рядъ образуютъ тѣ позаимствованія, которыя прямо касаются бѣднѣйшихъ людей и могутъ идти иногда въ разрѣзъ съ выгодами богатыхъ классовъ. Каждый отнесетъ сюда цѣлесообразные фабричные законы, облегченіе бѣднѣйшимъ классамъ условій для образованія союзовъ рабочихъ, потребительныхъ, образовательныхъ, промышленныхъ, широкое организованіе переселеній, страхованія и многое другое. Какъ ни оцѣнивать эти мѣры, несомнѣнно одно: въ ихъ основаніи лежитъ гораздо болѣе широкое общественное начало, нежели въ основаніи мѣропріятій перваго разряда, которыя служатъ преимущественно интересамъ обезпеченныхъ слоевъ населенія.

Можно согласиться относительно такой оцѣнки мѣропріятій втораго класса, но возникаетъ вопросъ: для чего̀ заимствовать эти мѣропріятія? Развѣ нельзя дойти до нихъ своимъ умомъ? Разумное заимствованіе представляется въ этой сферѣ потому вполнѣ цѣлесообразнымъ, что темныя стороны общественной жизни, противъ которыхъ направлены эти мѣры, отличаются всеобщностью, внѣнаціональностью, и народы, которые пережили ихъ и начали сознавать полустолѣтіемъ раньше, обладаютъ богатой опытностью; она поучительна во многихъ отношеніяхъ. Эти мѣры не примѣнимы цѣликомъ, во всѣхъ своихъ

частяхъ, и слѣпое подражаніе было бы неумѣстно; но онѣ могутъ служить во многомъ образцами. Такъ, напр., если наблюденія въ разныхъ странахъ и за нѣсколько десятковъ лѣтъ показали, что союзы рабочихъ являются организаціей первостепенной важности для англичанъ, американцевъ, французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, то какими доводами можно доказать безполезность союзовъ для русскаго рабочаго класса? Или если повсюду за предѣлами Россіи обнаружилась полезность развитія фабричныхъ законовъ до предѣловъ, при которыхъ они охватываютъ всѣ важнѣйшіе интересы рабочаго класса, то какъ доказать, что Россія не нуждается въ этихъ мѣропріятіяхъ? Итакъ, задача экономическаго творчества Россіи состоитъ въ томъ, чтобы всѣ мѣропріятія, направленныя на улучшеніе народнаго хозяйства, представляли въ гармоническомъ сочетаніи охраненіе и развитіе нѣкоторыхъ, немногихъ своеобразныхъ особенностей нашего общественнаго хозяйства и продуманное заимствованіе лучшихъ экономическихъ формъ, которыя даютъ западная Европа и Америка.

Такой образъ дѣйствій не отстранитъ возраженій, что Россія будетъ идти во хвостѣ Запада и переживать то, что пережито нашими сосѣдями уже нѣсколько поколѣній тому назадъ и что нашему отечеству суждено будетъ испытывать всѣ крайности развитія частно-капиталистическаго производства въ то время, когда народы Запада будутъ созидать уже болѣе совершенныя формы экономической жизни.

Если мы всмотримся глубже въ русскую жизнь, то скажемъ, что никакое развитіе частнаго капитализма на Западѣ, насколько онъ еще сдѣлаетъ успѣхи, не поставитъ бѣднѣйшіе классы народа въ болѣе удру-

ченное положеніе, чѣмъ то, которое онъ переживаетъ теперь у насъ, куда мы ни посмотримъ,—въ исполинскую бумагопрядильню или мастерскую ремесленника, въ центральныя улицы большихъ городовъ или въ самую отдаленную деревню. И это угнетенное состояніе есть прямое слѣдствіе того, что русская жизнь, быстро заимствуя кусочки западно-европейской цивилизаціи,—кусочки, выгодные небольшому меньшинству, не представляетъ благопріятныхъ условій для развитія формъ экономической жизни, которыя, будучи благодѣтельны уже теперь, являются соединительными звеньями между настоящимъ, міромъ, полнымъ несовершенствъ, и міромъ будущаго, царствомъ свободы, равенства и всеобщаго довольства.

Изучая исторію западной Европы и Америки, мы видимъ, при какихъ условіяхъ развивались и могли развиваться тѣ начала современнаго общественнаго хозяйства, которыя и являются драгоцѣннѣйшими его принадлежностями. Такими условіями служило безостановочное расширеніе личной свободы, пріобрѣтеніе политическихъ правъ и постепенно все большее участіе всѣхъ классовъ населенія въ опредѣленіи цѣлей государства. Ростъ фабричныхъ законовъ, развитіе союзовъ рабочихъ, постановка вопроса объ ограниченіи права частной собственности на разныя категоріи вещей, улучшенія въ системѣ налоговъ, различные виды ассоціацій труда могли быть результатомъ только свободы устнаго и печатнаго слова, собраній, опредѣленныхъ и прочныхъ гарантій въ политической жизни страны.

Иначе и быть не можетъ. Дабы могло даже не получить господство, а только ярко обнаружиться альтруистическое начало, необходимо, чтобы всѣ тем-

ныя стороны общественной жизни, отъ какихъ бы причинъ ни зависѣли онѣ, могли получать полное освѣщеніе. Дабы альтруистическое чувство могло направляться туда, гдѣ гнетъ особенно великъ, нужно, чтобы люди, способные къ самоотверженію, не были скованы по рукамъ и ногамъ, чтобы они могли свободно передвигаться по всей странѣ, свободно выбирать ту общественную группу, которой хотятъ посвятить свои знанія и подарить всю энергію труда, на которую они способны. Дабы ихъ усилія оставляли замѣтные слѣды и творили жизнь, они должны имѣть возможность свободно дѣйствовать или по одиночкѣ, или большими группами, какъ того требуетъ время и мѣсто; они должны не говорить шопотомъ, а смѣло подавать свой голосъ въ увѣренности, что вмѣстѣ съ другими голосами онъ будетъ не только услышанъ, но и будетъ имѣть вліяніе на рѣшеніе каждаго вопроса внутренней политики. Ребяческая мечта—думать, что возможна истинная и плодотворная работа въ общественной жизни безъ широкой гражданской свободы. И безъ нея могутъ быть даны народной жизни многочисленныя мѣропріятія съ самыми заманчивыми названіями, но они будутъ только неудачной копіей со своихъ образцовъ. Вотъ почему странно слышать со стороны г. В. В. замѣчаніе, что если въ Россіи не суждено развиться свободѣ, то могутъ развиться равенство и братство! [1]). Я не вѣрю этому: гдѣ равно свободны всѣ, тамъ послѣдовательный ростъ культуры приводитъ къ господству равенства и братства; гдѣ свободны немногіе, а большин-

---

[1]) *В. В.* Судьбы капитализма. 124.

ство не имѣетъ этого блага, тамъ равенство и братство всегда останутся пустыми звуками.

Итакъ, наши заботы объ усовершенствованіи экономической жизни, о созданіи въ ней того, что не сразу, но несомнѣнно ведетъ къ болѣе высокому общественному строю, будутъ тѣмъ болѣе плодотворны, чѣмъ больше будетъ развиваться въ нашемъ отечествѣ свобода и чѣмъ болѣе будутъ расширяться политическія права населенія.

Можно начертать не одну картину русскаго народнаго хозяйства въ будущемъ: все зависитъ отъ степени развитія личной свободы и политическихъ правъ населенія. Если въ этихъ сферахъ не будетъ сдѣлано успѣховъ, то экономическій бытъ Россіи будетъ точной копіей съ жизни западной Европы и Америки постольку, поскольку наше отечество воспроизведетъ темныя стороны западной жизни. Но онъ будетъ рѣзко отличаться отъ Запада въ томъ отношеніи, что западная жизнь выработала условія, которыя нѣсколько смягчаютъ невыгоды современнаго порядка вещей. Нашъ экономическій бытъ будетъ точнымъ снимкомъ съ жизни Запада въ томъ, что крупное частно-капиталистическое производство упрочится еще гораздо болѣе, нежели наблюдается нынѣ, въ томъ, что неравенство состояній обострится гораздо болѣе, нежели то было до сихъ поръ, въ томъ, что классъ, экономически сильный, будетъ не только свободенъ, но и самовластенъ, будетъ исключительно опредѣлять все направленіе хозяйственной политики. Какъ богачъ, скупой, но внѣшнимъ образомъ благотворительный, накопляетъ и умножаетъ свои сокровища и въ то же время считаетъ неудобнымъ, неблаговиднымъ отказать въ копѣйкѣ нищему, который

просить милостыню на церковной паперти, такъ и классъ, экономически сильный и властвующій, отводя въ хозяйственной политикѣ 99% всего мѣста мѣропріятіямъ, которыя служатъ только его личнымъ выгодамъ, будетъ изъ приличія уступать 1% мѣста такимъ государственнымъ мѣрамъ, которыя имѣютъ общенародное значеніе, которыя нѣсколько разнообразятъ картину, но не служатъ даже слабой задержкой частному капитализму въ его дальнѣйшемъ развитіи. При такомъ порядкѣ, огромная масса населенія будетъ находиться въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ: число безработныхъ будетъ увеличиваться не только абсолютно, но и относительно. Милліоны будутъ разсчитывать на частную благотворительность, и если возростаніе успѣшности труда позволитъ состоятельнымъ людямъ удѣлять часть средствъ на общественное призрѣніе, то все же они не будутъ достаточны, дабы содержать избыточное населеніе и давать ему хотя крайне необходимое для жизни.

Таково можетъ быть движеніе русской экономической жизни въ теченіе 20 лѣтъ, 30, 50 и долѣе. Вообще, я не вижу внѣшнихъ причинъ, которыя помѣшали бы такому состоянію быть очень продолжительнымъ. Противъ этого могутъ быть сдѣланы три возраженія.

1) Можно ссылаться на то, что, при такомъ порядкѣ, наступитъ обѣднѣніе страны, которое уменьшитъ источники государственныхъ доходовъ и затруднитъ удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Мы считаемъ такое возраженіе неубѣдительнымъ. Государственные расходы Россіи, при крайней бѣдности нашего народа, превышаютъ 1 милліардъ рублей. Сравнительно съ уровнемъ благосостоянія до-

ходы у насъ очень высоки (10 рублей на 1 жителя, тогда какъ въ Великобританіи, которая въ 7—8 разъ относительно богаче, они не превышаютъ 30 рублей), а между тѣмъ министерство финансовъ умѣетъ собирать ихъ. За послѣднее время можно было почерпнуть изъ міра русскихъ финансовъ поучительное указаніе относительно того, какъ мало нужно искусства, дабы, при крайней бѣдности народа, финансы были въ удовлетворительномъ состояніи. Избытки доходовъ надъ расходами за послѣдніе годы объясняются тѣмъ, что народное хозяйство не испытывало съ 1892 года потрясеній, которыя могли бы причинить крупные недоборы; другой причиной избытка поступленій надъ расходами является сравнительно малое движеніе расходовъ впередъ, осебенно на предметы, по которымъ были бы желательны гораздо бо́льшія затраты государства: народное образованіе, крупныя мѣропріятія, направленныя на улучшеніе внѣшней природы (облѣсеніе степныхъ мѣстностей, орошеніе, регулированіе рѣкъ) и ослабленіе имущественныхъ неравенствъ (широкія аграрныя мѣропріятія). Финансовая политика, держась этого направленія, можетъ и впредь, изъ года въ годъ, давать не только благопріятные, но даже блестящіе результаты. При неизмѣнномъ слѣдованіи этому правилу — не увеличивать расходовъ, какъ бы ни было настоятельно расширеніе ихъ по многимъ статьямъ, въ финансахъ могутъ быть совершаемы даже мелкія, частичныя улучшенія—пониженіе или отмѣна нѣкоторыхъ податей, — уменьшающія доходы казны на десятокъ—другой милліоновъ. Такой порядокъ не мѣшаетъ получать въ благопріятные годы избытокъ поступленій надъ расходами, который и можетъ употребляться или цѣликомъ, или въ извѣстной

своей долѣ на погашеніе государственныхъ долговъ; въ годы же неурожайные, еслибы таковыхъ было 2—3 подъ рядъ, могутъ быть заключаемы займы для покрытія дефицитовъ. Управляя финансами по этому плану, можно давать изъ года въ годъ картину завиднаго положенія дѣлъ, тѣмъ болѣе, что возростающая успѣшность труда позволитъ годъ за годомъ взимать съ народа ту сумму податей, которая поступаетъ нынѣ въ государственное казначейство. Въ прежнее время всѣ разсчеты этого рода могли быть ошибочны, такъ какъ шансы войны были гораздо болѣе велики, нежели теперь, а продожительная война всегда потрясаетъ финансы и въ небогатой странѣ потрясаетъ ихъ на довольно долгое время. За послѣднія десятилѣтія опасность войны уменьшилась. Этому способствуетъ и крѣпнущая привычка прибѣгать къ международному соглашенію относительно многихъ спорныхъ вопросовъ, и сознаніе крайней губительности войны при нынѣшнемъ совершенствѣ оружія, и возростающее мирное настроеніе народовъ, которое дѣлаетъ и правительства крайне осторожными, когда нужно рѣшаться на этотъ шагъ. Уменьшеніе шансовъ войны для Россіи связано и съ тѣмъ особымъ условіемъ, что общее положеніе дѣлъ Европы (отношенія Германіи къ Франціи, Германіи и Франціи къ Англіи) не оставило бы Россію изолированною и къ огромному русскому войску присоединилось бы и войско, по крайней мѣрѣ, одной союзной державы. Ослабленіе шансовъ войны въ этомъ отношеніи открываетъ предъ русскими финансами благопріятную перспективу, что уменьшаетъ опасность наступленія такого событія, которое требуетъ напряженія всѣхъ силъ страны, а въ случаѣ неудачнаго исхода обнаружи-

ваетъ недостатки общественнаго строя гораздо болѣе рѣзко, чѣмъ они могутъ обнаружиться въ мирное время. По мѣрѣ того, какъ будутъ уменьшаться шансы войны, будетъ увеличиваться вѣроятіе сокращенія постояннаго войска. А это дастъ еще одно благопріятное условіе для возможности русскихъ финансовъ быть въ цвѣтущемъ состояніи.

2) Однако, возразятъ намъ, намѣченная будущность русскаго народнаго хозяйства не можетъ быть продолжительна, такъ какъ наступитъ еще большее обѣднѣніе народа, которое не будетъ смягчаться въ достаточной степени ни благотворительностью, ни нѣкоторыми палліативными экономическими мѣрами. Да, мы согласны съ этимъ: палліативы не помѣшаютъ обѣднѣнію народа. Но мы рѣшительно не видимъ основаній, почему бы дальнѣйшее обѣднѣніе народа препятствовало существованію государства. Признаками обѣднѣнія служатъ возростающій избытокъ незанятыхъ рабочихъ рукъ, усиливающаяся нищета, и, насколько частная благотворительность и общественное призрѣніе не могутъ смягчать ее, увеличивающіяся болѣзненность и смертность. Съ возростаніемъ смертности, если оно идетъ не слишкомъ быстро впередъ, примиряется перевѣсъ рожденій надъ смертями, то, что считается однимъ изъ важныхъ признаковъ ростущаго могущества государства. И, въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ смертность въ Россіи не могла бы увеличиваться. Теперь смертность въ Европейской Россіи составляетъ 32 на 1000 жителей, тогда какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Запада на 1000 умираетъ только 19,18 и даже 16; и если теперь на 1000 умираетъ 32, то, при дальнѣйшемъ обѣднѣніи, на 1000 жителей будутъ также

спокойно умирать 35, 38, 40. А при смертности около 40 на 1000, населеніе будетъ увеличиваться въ Россіи больше, чѣмъ во Франціи, гдѣ оно находится въ состояніи неподвижномъ. И даже при такомъ усиленіи смертности, Россія не потеряла бы этого благопріятнаго признака—возможности въ небольшой пропорціи увеличивать населеніе.

3) Можно возражать противъ нашего положенія ссылкою на то, что за полстолѣтія Америка и западная Европа далеко подвинутся на пути перехода отъ частно-капиталистическаго производства къ государственному и ассоціаціонному и что Россія будетъ увлечена этимъ потокомъ. Мы твердо вѣримъ, что на Западѣ въ будущемъ, уже не очень далекомъ, начнется осуществленіе идеаловъ, которые издавна живутъ въ душѣ истинныхъ друзей человѣчества. Но мы не убѣждены, что этотъ примѣръ будетъ непремѣнно воспринятъ нашимъ отечествомъ. Вѣдь на Западѣ уже десятки лѣтъ, а мѣстами и столѣтія тому назадъ развились такія формы жизни, которыя составляютъ у насъ предметъ неясныхъ мечтаній. Вліяй успѣхъ Запада во всемъ на русскую жизнь, эти формы, конечно, были бы приняты. И какъ усвоеніе государственныхъ формъ съ Запада не входило въ интересы людей, которые пользовались въ Россіи властью, такъ перенесеніе съ Запада ассоціацій въ разныя отрасли вовсе не будетъ соотвѣтствовать экономически сильному меньшинству, извлекающему огромныя выгоды изъ частно-капиталистическаго производства. И какъ государство располагало до сихъ поръ достаточною силой, чтобы оградить Россію отъ усвоенія многихъ условій политической жизни Запада, такъ оно будетъ долго располагать силами, чтобы препятствовать

заимствованію исчужи такихъ хозяйственныхъ организацій, которыя, уменьшая неравенство состояній, конечно, должны ослаблять могущество и вліяніе наиболѣе богатыхъ и сильныхъ общественныхъ группъ. Помимо этихъ общихъ сопоставленій, можетъ быть полученъ отвѣтъ и изъ сферы народнаго хозяйства Ассоціаціонное производство будущаго, усвоивъ многія особенности частно-капиталистической промышленности, увеличитъ производительность труда и удешевитъ продукты. Гдѣ на міровомъ рынкѣ будутъ являться представители ассоціаціоннаго и частно-капиталистическаго производства, тамъ первые будутъ одерживать побѣду; вторые вовсе не найдутъ путей для сбыта своихъ товаровъ. А потому, оставшись при частно-капиталистическомъ производствѣ, Россія будетъ совсѣмъ отрѣзана отъ внѣшнихъ рынковъ. Но это не помѣшаетъ ей сохранить за собою весь внутренній рынокъ; и какъ въ настояще время таможенныя пошлины охраняютъ нашу отсталую промышленность отъ соперничества иностранцевъ, такъ онѣ будутъ являться знакомымъ для государства орудіемъ, чтобы въ будущемъ защищать русскую промышленность отъ опасной конкурренціи со стороны иностраннаго ассоціаціоннаго производства. Тогда таможенныя пошлины могутъ быть даже болѣе полно и убѣдительно мотивированы, нежели въ настоящее время. Сколько ни приводятъ теперь аргументовъ въ пользу нихъ, всѣ аргументы касаются хозяйственнаго положенія страны; никому и въ голову не приходитъ утверждать, чтобы пониженіе или даже отмѣна таможенныхъ податей имѣла вліяніе на политическій строй государства. При тѣхъ же условіяхъ, отъ которыхъ я отправляюсь, полезность и необходимость

таможенной охраны могутъ быть мотивированы тѣмъ, что заполненіе рынка иноземными продуктами, потрясая въ нашемъ отечествѣ разныя отрасли производства, сдѣлаетъ необходимымъ переходъ во многихъ изъ нихъ отъ частно-капиталистической формы къ ассоціаціонной, а такая организація промышленности не можетъ остаться безъ вліянія и на государственный строй. А потому, въ системѣ охранительныхъ таможенныхъ налоговъ будутъ естественно усматривать мѣру, способную вліять и на народное хозяйство, и на политическую жизнь государства. Оттѣняя сказаннымъ мысль о возможности и для будущаго такихъ же рѣзкихъ различій въ культурѣ и, въ частности, въ экономическомъ развитіи отдѣльныхъ государствъ, какія находимъ нынѣ, мы напомнимъ и о другихъ фактахъ. Китай окаменѣлъ въ древнихъ формахъ быта, а жизнь народовъ Европы идетъ впередъ. Ограничиваясь предѣлами Европы, мы найдемъ здѣсь страны, весьма различныя по экономическому развитію, хотя близкое сосѣдство облегчаетъ заимствованія. Сравнимъ западныя страны Европы съ Россіей или Австрію съ народами Балканскаго полуострова, или даже сѣверную часть Австріи съ ея южными частями. Если теперь въ этой сферѣ возможны очень рѣзкія различія, то они будутъ возможны и впредь, и народъ со слабой волей, каковъ русскій народъ, черезчуръ выносливый и слишкомъ мало предпріимчивый, можетъ быть долгое время руководимъ такъ, что частно-капиталистическое производство будетъ охраняемо отъ воздѣйствія на него ассоціаціоннаго производства, уже внѣдрившагося у сосѣднихъ народовъ.

Словомъ, при слабомъ развитіи личной свободы,

всѣ отрицательныя силы въ странѣ дѣйствуютъ наиболѣе могущественно. Какъ въ другихъ областяхъ жизни, такъ и въ сферѣ хозяйства онѣ, и сохраняя особенности своего быта, и перенимая чужеземное, закрѣпляютъ и будутъ закрѣплять прежде всего то, что́ служитъ интересамъ привилегированнаго меньшинства населенія.

Но передъ народнымъ хозяйствомъ Россіи откроется совсѣмъ иное будущее, если широкая гражданская свобода и политическія права станутъ достояніемъ населенія. И въ этомъ случаѣ крупное частно-капиталистическое производство будетъ продолжать свое шествіе и дѣлать захваты въ тѣхъ областяхъ, которыхъ еще не коснулось. Такіе захваты будутъ результатами и успѣховъ техники, и, еще болѣе, того, что крупное частно-хозяйское производство уже накопило организаціонные навыки, позволяющіе ему легче, нежели ассоціаціонному производству, становиться господиномъ въ данной отрасли. Но положеніе дѣлъ будетъ рѣзко отлично отъ начертаннаго нами въ первомъ случаѣ уже потому, что всѣ положительныя силы, не только въ смыслѣ знаній и талантовъ, но и въ смыслѣ благородства души, истиннаго патріотизма, вѣрности возвышеннымъ общественнымъ идеаламъ, получатъ широкій просторъ для своей дѣятельности. Возможность свободно проявлять свою личность поведетъ къ такимъ послѣдствіямъ: 1) и въ областяхъ, гдѣ дѣйствуютъ отдѣльныя лица и группы, и въ политикѣ будутъ вырабатываться цѣлыя системы мѣропріятій, которыя способны смягчать темныя стороны частно-капиталистическаго производства и препятствовать процессу обѣднѣнія народа. Фабричное законодательство не будетъ похоже на нынѣшніе фабрич-

ные законы; переселенческая политика будетъ отличаться истинно государственнымъ размахомъ; дешевый кредитъ будетъ доступенъ всѣмъ слоямъ населенія не только въ уставѣ государственнаго банка, но и на дѣлѣ. Строй финансовъ воспримет начало прогрессивности податей и разовьетъ его настолько, что изъ распредѣленія налоговъ исчезнетъ та грубая неравномѣрность, которая отличаетъ его въ настоящее время. 2) Развитая политическая жизнь позволитъ Россіи сохранить тѣ начала, которыя, что бы ни говорили ихъ поклонники, могутъ теперь держаться, но лишены творческой силы. Именно при такомъ порядкѣ артельный трудъ найдетъ себѣ мѣсто въ общинѣ и преобразуетъ ее, согласно съ требованіями жизни. Онъ получитъ приложеніе во всѣхъ промыслахъ, которые еще сохранятъ мелкіе размѣры; эти промыслы послужатъ разсадникомъ рабочаго класса, способнаго постепенно воспитать въ себѣ навыки, необходимые для того, чтобы дать ассоціаціонному началу торжество и въ крупномъ производствѣ. Технически мелкіе и средніе промыслы будутъ столь же удобнымъ полемъ для приложенія артелей, какъ въ настоящее время. Но будетъ та выгода, что развитіе личной свободы позволитъ безъ всякой помѣхи дѣйствовать въ этой области всѣмъ, кто преданъ дѣлу и способенъ послужить ему, и что государство будетъ вынуждено помогать артельному труду не только добрыми пожеланіями, но и крупными матеріальными средствами. 3) Наконецъ, и пользованіе опытомъ западной Европы и Америки будетъ при такомъ порядкѣ совсѣмъ иное, нежели теперь. Въ русскомъ народѣ будутъ элементы, способные помѣшать безоговорочному перенесенію къ намъ съ Запада такихъ учрежденіи, которыя только

увеличиваютъ могущество экономически сильныхъ. Эти силы, находя себѣ выраженіе въ законодательствѣ, будутъ содѣйствовать выработкѣ нормъ права, которыя служатъ противовѣсомъ. Такъ, напр., очень вѣроятно, что у насъ разовьются синдикаты предпринимателей; но очень вѣроятно также и даже несомнѣнно, что законъ ограничитъ ихъ свободу на тѣхъ пунктахъ, гдѣ они могутъ быть особенно вредны для населенія. Но противодѣйствіе лучшихъ людей русскаго общества одностороннимъ, а потому часто вреднымъ заимствованіямъ исчужи будетъ гораздо сильнѣе въ другой формѣ: эти элементы будутъ переносить съ Запада то, что само по себѣ служитъ отрицаніемъ крайняго развитія частно-капиталистическаго производства и облегчаетъ переходъ къ болѣе совершенному экономическому строю. Заграница будетъ давать намъ новыя машины; но она же поможетъ намъ своимъ опытомъ въ образованіи союзовъ рабочихъ. Русскіе торговцы и промышленники будутъ учиться у западной Европы и Америки въ дѣлѣ образованія синдикатовъ. Но тотъ же европейско-американскій міръ поможетъ намъ глубже продумать идею объ ограниченіи права частной собственности и о расширеніи площади государственной земли. Мы твердо вѣримъ, что при такомъ порядкѣ весь складъ жизни будетъ воспитывать въ населеніи именно тѣ качества, которыя облегчаютъ переходъ къ ассоціаціонному труду будущаго. Подготовленіе будетъ облегчено и тѣмъ, что русскіе люди, которые носятъ въ душѣ своей эти идеалы, получатъ возможность развернуть силы, и тѣмъ, что огромная масса людей простыхъ, не просвѣщенныхъ, теперь почти не имѣющая свободнаго руководства со стороны образованнаго класса или имѣющая только

случайное руководство, получитъ его въ видѣ устнаго и печатнаго слова и примѣра, не стѣсняемыхъ извнѣ. Все вмѣстѣ будетъ воспитывать и укрѣплять въ русскомъ человѣкѣ теперь столь слабое въ немъ чувство личнаго достоинства. А безъ чувства личнаго достойнства нечего и мечтать о крупныхъ улучшеніяхъ общественной жизни.

Намъ могутъ возразить, что, какъ бы ни были благопріятны эти условія для преуспѣянія русскаго народа, они не помѣшаютъ Россіи переживать періодъ частно-капиталистическаго производства такъ же медленно, какъ западная Европа и Америка, и подняться на ступень общинно-артельнаго труда только тогда, когда частно-капиталистическое производство достигнетъ своего крайняго выраженія, внѣдрится во всѣхъ отрасляхъ и раздѣлитъ все населеніе страны на двѣ группы: небольшое меньшинство, владѣющее всѣми орудіями производства, и огромное большинство, живущее исключительно наемнымъ трудомъ. Дабы принять это положеніе, нужно предварительно доказать двѣ посылки: а) что можно хотя приблизительно опредѣлить числомъ лѣтъ періодъ, въ который страна можетъ завершить весь кругъ частно-капиталистическаго производства и что этотъ періодъ долженъ быть во всѣхъ странахъ одинаково продолжителенъ; б) что переходъ къ болѣе совершенному экономическому строю не можетъ наступить ранѣе, чѣмъ въ народномъ хозяйствѣ каждой страны воцарится порядокъ, который принято называть крайнимъ выраженіемъ капитализма. Эти обѣ посылки не могутъ быть доказаны; можно привести въ опроверженіе ихъ очень вѣскіе доводы.

Данныя, которыя могутъ быть почерпнуты изъ

исторіи экономическаго быта отдѣльныхъ народовъ, убѣждаютъ, что нельзя ни опредѣлить числомъ лѣтъ періодъ господства въ странѣ частно капиталистическаго производства, ни даже доказать, чтобы этотъ періодъ былъ одинаково продолжителенъ для всѣхъ народовъ. Возьмемъ, напримѣръ, Англію и Россію. Для первой страны потребовалось полтора—два столѣтія, дабы отдѣльныя отрасли промышленности стали областями, гдѣ господствуетъ крупное частно-капиталистическое производство; для обработки хлопка, шерсти, льна, металловъ можно поставить границами этого періода половину 17-го и начало 18-го столѣтій и половину или конецъ 19-го. Въ Россіи же этотъ періодъ гораздо короче: онъ не превышаетъ для нашихъ главныхъ отраслей промышленности 50—60—70 лѣтъ, а для нѣкоторыхъ, напр., сахароваренаго дѣла, ограничивается какимъ-нибудь 25-лѣтіемъ. Не слѣдуетъ усматривать въ этомъ признака общекультурныхъ успѣховъ Россіи: быстрое развитіе у насъ крупнаго производства было результатомъ перенесенія къ намъ только новѣйшихъ пріобрѣтеній западно-европейской техники и охранительнаго таможеннаго законодательства.

Задаваясь вопросомъ о вѣроятной обстановкѣ, въ которой ассоціаціонное начало восторжествуетъ надъ частно-капиталистическимъ, мы также не имѣемъ основаній предсказать, что этотъ переходъ всего раньше совершится въ странѣ, которая прежде другихъ вступила въ переживаемый нынѣ періодъ хозяйственнаго развитія. Слѣдовало бы сдѣлать такое предсказаніе относительно Англіи, какъ страны, гдѣ частный капитализмъ возникъ всего ранѣе и развился всего болѣе рѣзко. А между тѣмъ есть основанія раньше ожидать

этого перехода въ Германіи, которая, по высотѣ экономическаго развитія, стоитъ ниже Англіи и Бельгіи. Мы дѣлаемъ такое предсказаніе относительно Германіи потому, что въ ней мысль о сущности кореннаго преобразованія народнаго хозяйства глубоко захватываетъ большее число людей, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Возможность движенія мысли въ этомъ направленіи должна быть приписана сравнительно старинному развитію въ этой странѣ грамотности, начальнаго образованія, которыя поднимали уровень умственнаго развитія населенія, и созданію съ начала 60-хъ годовъ весьма цѣлесообразнаго политическаго строя, воспитывающаго весь народъ и ускоряющаго это теченіе. б) Также мало основаній предсказывать переходъ къ ассоціаціонному производству только тогда, когда частный капитализмъ достигнетъ своего крайняго выраженія — имущественная власть сосредоточится въ рукахъ очень немногихъ лицъ. Думать такъ—значитъ дѣлать крайній выводъ изъ словъ знаменитаго автора *Капитала*, что останется очень немного магнатовъ капитала и что эти немногіе будутъ вынуждены передать народу всѣ орудія производства. Авторъ *Капитала* не пытается въ цифрахъ опредѣлить число этихъ магнатовъ, да и не слѣдуетъ понимать это предсказаніе въ томъ смыслѣ, что минута наступитъ лишь тогда, когда во всѣхъ отрасляхъ производства останутся только исполинскія самостоятельныя единицы, подобныя, напр., американскому нефтяному синдикату. Замѣчаніе о немногихъ магнатахъ капитала совершенно вѣрно, если помнить о томъ, что еще теперь представляетъ во многихъ странахъ владѣніе орудіями производства, которыя распредѣлены между милліонами поселянъ и ремесленниковъ: сравни-

тельно съ милліономъ ремесленниковъ 5 — 10 тысячъ заводчиковъ, заступившіе ихъ мѣсто, являются уже «немногими магнатами капитала». Мы связываемъ переходъ отъ частно-капиталистическаго производства къ ассоціаціонному вовсе не съ тѣмъ моментомъ, когда въ каждой отрасли промышленности останутся 2—3—5 капиталистовъ, а съ тѣмъ, когда, во-первыхъ, въ населеніи, благодаря болѣе высокому уровню умственнаго развитія и большей привычкѣ къ самодѣятельности, окрѣпнутъ навыки къ построенію обширныхъ промышленныхъ предпріятій на ассоціаціонномъ началѣ и, во-вторыхъ, когда политическій строй даннаго государства будетъ таковъ, что интересы большинства населенія будутъ опредѣлять цѣли государства и направлять его политику. Вотъ почему, предлагая этотъ вопросъ относительно какой-либо страны, мы можемъ отвѣтить такой формулой: *чѣмъ болѣе ростетъ умственное развитіе народа и чѣмъ болѣе расширяются его права, тѣмъ болѣе вѣроятія, что переходъ къ ассоціаціонному производству начнется ранѣе того времени, когда можно было бы говорить о крайнемъ, послѣднемъ выраженіи капитализма.* Переходъ начнется съ отдѣльныхъ отраслей; успѣшное примѣненіе въ нихъ ассоціаціоннаго начала ускоритъ приложеніе его и къ дальнѣйшимъ.

Я вѣрую, что, принявъ новыя начала въ свою общественную жизнь, Россія пройдетъ быстрѣе западныхъ сосѣдей современный періодъ народнаго хозяйства: опытъ поможетъ ей во многомъ; ей не будетъ необходимости буквально переживать и испытывать то, что пережили страны, опередившія насъ культурою. И ей дастъ возможность не переживать всего этого отнюдь не вѣра въ ея особенные, будто бы,

нигдѣ не существовавшіе, устои, не частичныя экономическія мѣропріятія, а широкое развитіе и укрѣпленіе общечеловѣческихъ правъ. Только эти права даютъ пышный расцвѣтъ всѣмъ лучшимъ силамъ народа.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран
I.	Вліяніе экономическихъ фактовъ на общественную жизнь	3— 20
II.	Односторонность экономическаго матеріализма .	21— 41
III.	Сознательное творчество въ общественномъ хозяйствѣ	42— 60
IV.	Современное положеніе русскаго общественнаго хозяйства	61— 74
V.	Оцѣнка народниками русскаго общественнаго хозяйства	75—101
VI.	Условія русской общественной жизни въ связи съ идеалами народниковъ.	102—134
VII.	Характеръ государственныхъ мѣропріятій для развитія русскаго общественнаго хозяйства . .	135—175
VIII.	Будущность русскаго общественнаго хозяйства .	176—205

ТРУДЫ А. А. ИСАЕВА.

Промыслы Московской губерніи. 3 выпуска. Москва, 1876. Ц. 2 р. 50 к.

Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. Москва, 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.

Задачи и методъ политической экономіи. Ярославль, 1879 г. Ц. 20 г.

Артели въ Россіи. Ярославль, 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи. Ярославль, 1881 г. Ц. 30 к.

О мѣрахъ къ развитію артельнаго производства. Спб. 1882 г. Ц. 20 к.

Недоразумѣнія по вопросу объ артеляхъ. Ярославль, 1883 г. Ц. 40 к.

Государственный кредитъ. Ярославль, 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.

Большіе города и ихъ вліяніе на общественную жизнь. Ярославль, 1887 г. Ц. 40 к.

Составныя части и методы политической экономіи. Ярославль, 1887 г. Ц. 40 к.

Очеркъ теоріи и политики налоговъ. Ярославль, 1887 г. Ц. 1 р. 35 к.

Нужна ли земская статистика? Спб. 1888. Ц. 30 к.

О техническомъ образованіи, какъ мѣрѣ содѣйствія кустарнымъ промысламъ. Спб. 1890. Ц. 20 к.

Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Неурожай и голодъ. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Начала политической экономіи. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

О кустарномъ комитетѣ и о содѣйствіи кустарной промышленности. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Цѣна 1 р. 10 к.